

МЕЃУНАРОДЕН ЦЕНТАР ЗА СЛАВЈАНСКА ПРОСВЕТА - СВЕТИ НИКОЛЕ

«МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД»
(ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА)

СПИСАНИЕ
на научни трудови

**ТРИНАЕСЕТТА МЕЃУНАРОДНА
НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
„МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД“
МЕЃУНАРОДЕН СЛАВЈАНСКИ УНИВЕРЗИТЕТ
„ГАВРИЛО РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН“
СВЕТИ НИКОЛЕ - БИТОЛА**

Година IX

Број 4

Јуни 2022

- СВЕТИ НИКОЛЕ, Р. СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА -
- 2022 -

Издавач: Меѓународен центар за славјанска просвета - Свети Николе

За издавачот: М-р Михаела Ѓорчева, директор

Наслов: «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК - ЗАПАД» (ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛТУРОЛОГИЈА)

Организационен одбор:

Претседател: Проф. д-р Јордан Ѓорчев
Заменик претседател: Доц. д-р Татјана Осадчаја
Член: М-р Борче Серафимовски
Член: М-р Милена Спасовска

Уредувачки одбор:

Проф. д-р Ленче Петреска, Северна Македонија
Проф. д-р Иван Ефремовски, Северна Македонија
Проф. д-р Јордан Ѓорчев, Северна Македонија
Проф. д-р Мирослав Крстиќ, Србија
Проф. д-р Момчило Симоновиќ, Србија
Проф. д-р Христо Бонџолов, Бугарија
Проф. д-р Даниела Тасевска, Бугарија
Проф. д-р Снјежана Кирин, Хрватска
Доц. д-р Хаџиб Салкич, Босна и Херцеговина
Доц. д-р Татјана Осадчаја, Русија

Уредник: проф. д-р Јордан Ѓорчев

Компјутерска обработка и дизајн: /
ISSN (принт) 1857-9299
ISSN (онлајн) 1857-9302

Адреса на комисијата: ул. Маршал Тито 77, Свети Николе, Р. Северна Македонија

Контакт телефон: +389 (0)32 440 330

Уредувачкиот одбор им се заблагодарува на сите учесници за соработката!

Напомена:

Уредувачкиот одбор на списанието «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК-ЗАПАД» не одговара за можните повреди на авторските права на научните трудови објавени во списанието. Целосната одговорност за оригиналноста, автентичноста и лектурирањето на научните трудови објавени во списанието е на самите автори на трудовите.

Секој научен труд пред објавувањето во списанието «МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ: ИСТОК-ЗАПАД» е рецензиран од двајца анонимни рецензенти од соодветната научна област.

Печати: Книжарница и печатница „Славјански“, Свети Николе

Тираж: 100

МЕЃУНАРОДЕН ДИЈАЛОГ

ИСТОК - ЗАПАД

ФИЛОЗОФИЈА, ЛИНГВИСТИКА,
КУЛТУРОЛОГИЈА

СОДРЖИНА

Лидија Ковачева

**ДВАНАЕСЕТТЕ ПЛОЧКИ И LEX CORNELIA VO
РИМСКОТО ЗАКОНОДАВСТВО ПРОТИВ МАГИИТЕ.....11**

Бошко Караџов

**ИНСТРУМЕНТАЛИЗМОТ КАКО ЕПИСТЕМОЛОШКА МЕТАТЕОРИЈА ЗА
НАУЧНИТЕ ТЕОРИИ17**

Гузенина Светлана Валерьевна

**ОБРАЗ МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА ГЛАЗАМИ ГОРОДСКОЙ
МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ23**

Е.В. Долгова

**АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ВЕРБАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ.....31**

Е.В. Долгова

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОНЕНТОВ-НАИМЕНОВАНИЙ
МЕБЕЛИ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ39**

Нохрина Валерия Алексеевна

**EDUCATIONAL AND DEVELOPING POTENTIAL OF
A FOREIGN LANGUAGE AND WAYS OF
ITS REALIZATION IN PRIMARY SCHOOL47**

Jehona Rexhepi Iljazi

Agron Iljazi

**THE INTEGRATION OF CULTURE IN TEACHING ENGLISH AS
A FOREIGN LANGUAGE55**

Махотина Анастасия Сергеевна

**ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ И РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНОСТРАННОГО
ЯЗЫКА И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ61**

Шарандин Анатолий Леонидович

**АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК
ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РКИ69**

Катерина Видова

**МАКЕДОНСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ НА ИМИЊАТА ВО „ПАЈАЖИНАТА
НА КЛИМЕНТИНА“ И „ХАРИ ПОТЕР И КАМЕНОТ НА МУДРОСТА“
(АДАПТАЦИЈА И ТРАНСКРИПЦИЈА) (ПРЕЗЕНТАЦИЈА)79**

<i>Ольга Михайловна Копырюлина</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК	87
<i>Юровская Катарина Юрьевна</i> SOCIAL NETWORKS AS SCIENTIFIC INSTITUTIONS OF A NEW TYPE	93
<i>Л.А. Ананьева</i> МОТИВ УПАДКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ СЕМЕЙНОМ РОМАНЕ.....	101
<i>Пустовалова Марина Сергеевна</i> ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О ДЕНЬГАХ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	109
<i>Анастасия Андреевна Сидорова</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	117
<i>Станислав Валерьевич Копырюлин</i> ОБРАЗНО-МОТИВНАЯ СТРУКТУРА СБОРНИКА ПОЭТА-ГАЛЛИПОЛИЙЦА Н.В.СТАНЮКОВИЧА «СВИДЕТЕЛЬСТВО»	123
<i>Денис Сергеевич Гудин</i> ПРОСТРАНСТВО РАЗРЫВА В РОМАНАХ Е. ВОДОЛАЗКИНА, П. КРУСАНОВА И ЛИ БАРДУГО	129
<i>Јоана Хаџи-Лега Христоска</i> ЗА ЕДНА УПОТРЕБА НА ФРАНЦУСКИОТ ПРИЛОГ SI И НЕГОВИТЕ ЕКВИВАЛЕНТИ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК	137
<i>Наталья Болатовна Ершова</i> <i>Елена Г. Златева</i> КАТЕГОРИЯ ФОРМА В ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ.....	145
<i>Наталья Болатовна Ершова</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА FAULHEIT В СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ.....	149
<i>Pantelej Kondratjuk</i> ΖΩΝ KOINONIKON AS SLAVIC - BYZANTINE ANTHROPOLOGY VS/VIA ONTOLOGY AND EXISTENTIALISM OF ΖΩΝ ΠΟΛΙΤΙΚΟΝ AS A FORM IN PHILOSOPHY OF THE ANCIENT HELLENIC WORLD AND ITS REFLECTION OVER PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF (POST) MODERNISM	153

**СПЕЦИЈАЛЕН ДЕЛ
НАУЧНИ ТРУДОВИ ОД ШЕСТТИ МЕЃУНАРОДЕН ФИЛОЗОФСКИ ДИЈАЛОГ
„ИСТОК-ЗАПАД“**

Achilleas Kleisouras

**REMEMBERING THROUGH COMICS: THE QUEST FOR
PERSONAL AND COLLECTIVE IDENTITY IN
ART SPIEGELMAN'S GRAPHIC NOVEL *MAUS* 167**

Evangelos D. Protopapadakis

**MESSING WITH AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY:
IDENTITY, AND MORAL STATUS 175**

Luka Trebežnik

DECONSTRUCTION OF ANAMNESTIC PHILOSOPHY..... 183

Shevtsov Konstantin

PRESENCE DISPERSED IN THE WORLD 191

Boshko Karadjov

FORBIDDEN MEMORY AND HAUNTOLOGY OF THE PAST 203

ОБЛАСТ
**ФИЛОЗОФИЈА,
ЛИНГВИСТИКА,
КУЛТУРОЛОГИЈА**

Д-р Лидија Ковачева
Република Северна Македонија

ДВАНАЕСЕТТЕ ПЛОЧКИ И LEX CORNELIA ВО РИМСКОТО ЗАКОНОДАВСТВО ПРОТИВ МАГИИТЕ

Апстракт: Маѓепсниците на територијата на Римската Империја се соочувале не само со закани од страна на властите, туку и со закони кои се користеле за гонење на сите форми на магиското работење и со кои се суделе и осудувале случаи во кои се исползувале магијата и магиските дејства. Оттаму, импактот на овој труд е да се предочи дел од римското законодавство против магиите во Дванаесетте плочки и *Lex Cornelia*, имплементирани од Доцноримската Република до времето на владеење на Константин, како увид во раното ширење на магиите и законските ограничувања на магиските дејства на териториите на Римската империја и Римските провинции.

Клучни зборови: римско законодавство, дванаесет плочки, *lex Corelia*, маѓепсници, магии

TWELVE TABLES AND LEX CORNELIA IN ROMAN LEGISLATION FOR THE MAGIC

Abstract: The magicians on the territory of the Roman Empire faced not only with threats by the authorities, but also with laws that applied for persecution of any type of magic activities and to convict and to condemn the cases if magic and magic activities have been exercised. Therefore, the impact of this paper is to present the part of the Roman legislation for the magic in the Twelve Tables and the *Lex Cornelia*, as implemented by the Late (Roman) Republic during the reign of Constantine, as an insight into the early spread of magic and legal restrictions for magic activities within the territories of Roman Empire and Roman provinces.

Key words: roman legislation, twelve tables, *lex Corelia*, magician, magic

Маѓепсниците во римскиот свет не уживале целосна слобода во своите делувања за магиски цели. Според Дики,¹ од страна на заедницата им биле наметнати три форми на ограничување: 1. опасност согласно законот да бидат протерани за магиско делување; 2. власта можела во било кое време да презема полициски активности за отстранување на маѓепсниците од нивната средина и нивно прогонување и 3. погубување. За разлика од Старите Грци каде се забележува огромен недостаток на докази и е невозможно да се опишат законските ограничувања на магиите и магиските дејствија, овие докази кај

1. Dickie, M. W. (2001) *Magic and Magicians in the Greco-Roman World*, Routledge, London & New York, 137.

Римјаните, според Дики² се забележуваат кај Плиниј Постариот, кој според Лук,³ иако претставува рудник на информации и дезинформации, сепак неговите дела биле од големо значење и имале големо влијание врз подоцнежната научна мисла.

Имено, научниот корпус на Плиниј Постариот (23/24 - 79 г. н.е.) кој творел во доцната хеленистичка ера е обемен, но изгубени се речиси сите извори кои тој ги користел во своите дела. Иако во делата на Плиниј се зачувани бројни религиозни верувања и магиски практики, познато е дека тој не верувал во ефикасноста и ефективност на магиските вештини. Сметал дека повеќето од исказите и тврдењата на маѓепсниците биле лажни или во најмала рака претерани, а нивните ветувања не вределе за ништо. Но, сепак и покрај ваквиот негативен пристап, заклучокот на Плиниј околу магиите и магиските ритуали е многу внимателен. Па оттаму, според него, иако магијата е неефикасна и злогласна (*intestabilis*), таа во себе сепак содржи „сенки на вистината“ (*veritatis umbras*) кои се должат на „уметноста на правењето отрови“ (*veneficae artes*). Оттука, според Плиниј, за разлика од магиите и магиските ритуали, лековите изработени од разни билки и растенија дејствувале реално и вистинито. На крајот дури и изјавил „нема никој што не се плаши од магии“, несомнено вклучувајќи се и себе си.⁴

Како доказ за раното ширење на магијата на Италската почва, Плиниј Постариот⁵ го посочил законодавството против магијата на Дванаесетте плочки. Дванаесетте плочи на правото се појавиле во Рим како резултат на барањето на правата на пониската класа, плебејците и континуираната борба помеѓу обичните граѓани и повисоката класа, патрициите. Имено, појавата на Дванаесетте плочки се должи на лошата состојба на граѓаните која владеела како резултат на тиранското управување на последниот крал на стар Рим, за кој, како што запишал Ливиј, „неговата бруталност е неговата природа.“⁶ За последен римски крал се смета Тарквиниј Горделивиот,⁷ насликан од страна на традицијата како тиранин, чија суровост предизвикала општо незадоволство кон неговите поданици. Неговиот син ја обесчестил жената на неговиот роднина, Лукретија, која се самоубила, злодело кое предизвикало кревање на востание кое завршило со прогонство на Тарквиниевци,⁸ што довело до паѓање на кралската власт во Рим во 510 г. пр. н.е., каде според Ливиј, започнала „... историја во мир и војна на слободна нација...“⁹ Но, за да се случи тоа поминале уште шеесетина години и во 451 г. пр. н.е. борејќи се за правата за сите граѓани, плебејците запретило дека ќе го напуштат Рим, што значело запирање на сите активности во градот. За да не се случи тоа, во истата година бил назначен специјален одбор составен од десет луѓе (*decemviri legibus scribundis*), чие задолжение било да состават пакет закони и јавно да ги објават. Тие објавиле законик на дванаесет плочки, кои претставуваат прва формална кодификација на римските закони и обичаи. Законикот бил испишан на дванаесет бронзени плочки, за што сведочи и Ливиј: „Врезани на бронза и трајно изложени на место каде што сите можат да ги прочитаат.“¹⁰ Оригиналните Дванаесет плочки

2. Ibid. 139-140.

3. Luck, G. (2006) *Arcana Mundi, Magic and the Ocult in the Greek and Roman Worlds*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, 69.

4. Luck, G. (2006) *Arcana Mundi...*, 68-69.

5. Dickie, M. W. (2001) *Magic and Magicians...*, 139-140.

6. Livy, *History of Rome* (translation C. Sweeney & J. Goshfield) 1.54.

7. Машкин, М. А. (1994) Историја на Стариот Рим, НУБ „Климент Охридски“ Скопје, 87.

8. Ibid. 87.

9. „... историја во мир и војна на слободна нација, управувана од годишно избрани државни службеници и кои не подлежат на каприците на одделни луѓе, туку на најголемиот орган на правото.“ Livy, 2.1.

10. Livy, 3.58. „Секој граѓанин треба смилено да ја разгледа секоја точка, потоа да разговара со своите

биле уништени подоцна, најверојатно во 390 г. пр. н.е. кога Галите го запалиле Рим, а за нивното постоење сведочат кратки цитати кај некои римски автори.

Првите записи за забрана против зли инкантиции и магиски дејствија (*excantatio cultorum*) се забележани во Осмата плочка¹¹ од Дванаесетте плочки кои го претставувале древниот законик на Рим. Во 8-та плочка¹² е заведено:

„А. Кој испеал зла инкантиција [*malum carmen*]. . .“

„Б. Забрането е некој да ги маѓепса посевиите на друг човек.“

Иако во овие два фрагмента на древниот законик на Рим нема (или не се зачувани) индиции за описот на казните кои следувале, доколку се прекршел законикот, сепак, според Плиниј, тие претставуваат доказ за постоењето и ширењето на магиите во Рим.¹³

Доказот кој Плиниј го посочува во Дванаесетте плочки за ширењето на магијата од Персија во Рим е забраната на зли инкантиции, која не забранува инкантиции сами по себе, туку само инкантиции во форма на песна наменета да наштети некому (*malum carmen*).¹⁴ Се сметало дека штетата која некому се нанесува со овие инкантиции нема да му наштети на угледот, туку ќе штети на физичката или психолошката благосостојба на лицето кон кое била упатена.¹⁵

Законот кој пропишувал одредени казни за употреба на магиите и магиските дејства кај Римјаните, *Lex Cornelia de sicariis et veneficiis*, бил донесен подоцна од страна на диктаторот Сула во 81 г. пр. н.е., како закон против убијци - сечачи на грла и *veneficia*. Овој закон првично не бил употребуван за гонење маѓепсници, иако со овој закон биле прогонувани и осудувани на смрт лицата кои правеле љубовни напитки, *amatoria*. Двосмисленоста во толкувањето на законот се содржи во зборот *veneficia*, па оттаму се сметало дека потенцијално може да биде насочен не само кон оние лица кои правеле љубовни напитки, туку и кон лицата кои правеле магии. Според Дики, невозможно е да се утврди каква била намерата на *Lex Cornelia* кога за прв пат бил објавен, бидејќи нема записи за судења за магиско дејствување од периодот на доцноримската Република.¹⁶

Се издвојуваат мислењата на Псевдо-Паул за законот на Сула од 81 г. пр. н.е. против убијците и маѓепсниците:

„Ако некому му дадат љубовна напиток или абортив,¹⁷ дури и ако не го сторат тоа со заблуда, сепак, бидејќи даваат лош пример, пониските класи се протерувани во рудниците, а повисоките на остров и им се одзема дел од нивниот имот. Но, ако или жена или маж умрат како резултат на ова, тие ја плаќаат конечната казна. Оние што вршат или насочуваат извршување на нечисти или ноќни обреди, со цел да маѓепсаат, обземат или врзат [*obcantarent, defigerent, obligarent*] лице, или се распнати или фрлени на сверовите. Оние што жртвуваат човечко битие, принесуваат жртви од човечка крв или загадуваат светилиште или храм, се фрлани на сверовите, или погубени, ако се од повисоките класи.

пријатели и на крај на јавна дискусија да ги изнесе сите дополнувања или одземања кои му се чинат пожелни.“
„*versarent in animis secum unamquamque rem, agitare deinde sermonibus, atque in medium quid in quaque re plus minusve esset conferrent.*“ Livy, *History of Rome*, 3.34 (translation C. Sweeney & J. Goshfield).

11. Дванаесет плочки 8 (фрагменти кај Ernout 1957, 119).

12. Дванаесет плочки 8 (Ibid. 119).

13. Ogden, D. (2002) *Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman worlds*, Oxford University Press, Oxford.277.

14. Ковачева, Л. (2021) Магиите кај древните народи и во македонската народна традиција, Панили, Скопје, 174.

15. Dickie, M. W. (2001) *Magic and Magicians...*, 139-140.

16. Ibid., 142.

17. Средство кое предизвикува абортус.

Решено е да се подлегнат на конечна казна оние коишто го познаваат магискиот занает, односно да ги фрлат на сверовите или да ги распнат на крст. Вистинските маѓепсници, сепак, живи ги горат. Никој не смее да има книги за магискиот занает во својата кука. Ако се пронајдат во нечија кука, тие јавно се спалуваат, а на нивниот сопственик му се одзема имотот; повисоките класи се депортираат на остров, пониските се погубуваат. Забрането е дури и самото познавање на овој занает, а камоли да се занимава со него. Ако човек умре како резултат на лек што му е даден како лекувачко средство или палијатив, оној што му го дал е протеран на остров ако е од повисока класа, а егзекутиран ако е од пониска.¹⁸

За забраната на продажба, купување, поседување и давање на штетни лекови во законот на Сула, повеќе од 6 века подоцна ни укажуваат и коментарите на Јустинијан во неговото дело *Digest*,¹⁹ каде како пример се издвојува делот на Маркијан, *Institutes* 14:²⁰

„Во петтото поглавје на истиот Корнелиев закон за убијци и трујачи/маѓепсници [*venefici*] е пропишана казна за лицето кое направило, продало или чувало отрови/лекови [*venenum*] за убиство. Казната по овој закон е дадена и за лицето кое продало зли лекови [*medicamenta*] на јавноста или ги чува за убиство. Додавањето на фразата „на зли лекови [*venenum*]“ покажува дека постојат и не зли лекови. Поради тоа поимот е општ и го опфаќа лекот кој е подготвен за лекување, исто како и оној што е подготвен за убиство, како и лекот наречен „афродизијак“. Единствениот вид на лек кој се подразбира во овој закон е оној што се чува за убиство. Но, казната за егзил, одредена со декрет на Сенатот, е за жена која дава лек [*medicamentum*] за да помогне во зачнување, а кој предизвикува смрт на жената што го конзумирала. И покрај тоа што можеби немала лоша намера, таа постапила според лош пример. Друг декрет на Сенатот определил дека продавачите на мевлеми [*pigmentarii*] треба да бидат казнети според истиот закон, доколку некому непромислено му дадат отров од пелин, саламандер, аконит, борови гасеници, инсект *bubrostis*, мандрагога или шпанска мушичка (освен, во овој случај, за прочистување [? неизвесен текст])... Казната од Корнелиовиот закон за убијци и трујачи/маѓепсници е депортација на остров и конфискација на целиот имот. Но, денес луѓето обично добиваат смртна казна, освен ако не припаѓаат на премногу висока класа за да подлегнат на законски пропишаната казна. Пониските класи обично се распнуваат или се фрлаат на сверовите, а повисоките класи се депортираат на остров.“ Исто така и коментарите на Кикерон²¹ укажуваат дека во *Lex Cornelia* се забранува продажба, купување, поседување и давање на штетни лекови.²² И покрај пропишаниот закон во *Lex Cornelia* за протерување како казна, во коментарите на Јустинијан јасно се забележува имплементацијата на смртната казна за маѓепсниците од пониската класа кои живи биле горени, која согласно записите е потврдена од средината на II век. Адријан од Тир, софист и ретор, аргументирал дека законот се однесува не само на злосторствата кои произлегуваат од *veneficia*, туку и на самите маѓеснички кои ја поседуваат уметноста на маѓесништвото.²³ Па оттаму, тврдел дека жената треба да се запали жива, согласно законот кој не говори за оној кој извршил магиски дејства, туку за маѓесничката (*pharmakis*), со што се потврдува смртната казна за маѓепсниците.²⁴

18. Paulus, *Sententiae* 5.23.14–9.

19. Bo 530 г. н.е. Just. *Digest* 48.8.2.

20. Marcian, *Institutes*, 14.

21. Cicero, *Pro Cluentio*, 148.

22. Ogden, D. (2002) *Magic, Witchcraft, and Ghosts...*, 280.

23. Philostr. VA 4.18.

24. Dickie, M. W. (2001) *Magic and Magicians...*, 143.

Иако не е строго докажано, сепак е крајно веројатно дека *Lex Cornelia* бил законот кој се користел за гонење на најсериозните форми на магиско работење и со кој се суделе случаи во кои се исползувале магијата и магиските дејства сè до владеењето на Тибериј, кога постојат јасни докази за преземање правни дејствија против маѓепсничството. Иако *Lex Cornelia* претставувал единствениот механизам за проверка на магијата, сепак не претставувал многу погоден инструмент бидејќи делувал врз основа на поднесена жалба. Па така, се случувало некој озлогласен маѓепсник кој се бавел со маѓепсничество да не биде приведен и казнет, бидејќи против него никој никогаш не поднел жалба.²⁵

ЗАКЛУЧОК

Сè до владеењето на Константин, во Рим и римскиот свет правните последици биле насочени против практикувањето на магијата и магиските дејства или против ангажирање маѓепсник за исползување на одредено магиско дејство. Радикални промени се случиле на почетокот на IV в. н.е. во времето на владеењето на Диоклецијан, кога римската држава сè повеќе започнала да наликува на модерна полициска држава, каде со текот на времето низ целата доцноримска држава не се контролирале само магиите и магиските дејства, туку и постапките на луѓето, нивните мисли и убедувања. Римските власти се обидуваале да вршат секаква контрола врз маѓепсниците и гатачите до таа мера, што и гатањето подлегнало под законодавните активности. Како најрана индиција за таа промена е преписот на Диоклецијан²⁶ кој предвидува најстроги казни за сите оние кои се залагале за манихеизам, но и за оние кои се придржувале и ги почитувале принципите на таа религиозна група.²⁷ Воведувањето на законите против маѓепсниците продолжило и понатаму, но и покрај сите забрани и казни, прогонувања и погубувања, маѓепсниците продолжиле да опстојуваат и делуваат во периодот на ранохристијанството и потоа.

25. Ibid. 147.

26. *Coll. Mosaic. et Roman. legg.* 15.3.

27. Dickie, M. W. (2001) *Magic and Magicians...*, 146.

Д-р Бошко КараџовФилозофско друштво на Македонија
Република Северна Македонија

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМОТ КАКО ЕПИСТЕМОЛОШКА МЕТАТЕОРИЈА ЗА НАУЧНИТЕ ТЕОРИИ

Апстракт: Во овој текст ќе го анализираме инструментализмот како епистемолошка метатеорија на вистинитоста на научните теории. Секоја научна теорија содржи лингвистички изрази кои означуваат и опишуваат воочливи својства на она што може да се види и што може да се определи експериментално. Но, научната теорија содржи и јазични изрази кои говорат за ентитети и процеси кои се експериментално непознати и забележливо недостапни. Затоа, едно од клучните епистемолошки прашања во филозофијата на науката е прашањето за значењето на изјавите во научната теорија кои зборуваат за незабележливи појави и ентитети. Инструментализмот е метатеорија на научни теории која се обидува да даде одговор на ова прашање. Преку анализа на инструментализмот ќе се обидеме да одговориме дали оваа метатеорија има одредени епистемолошки слабости и дали тие можат да се надминат за да може логично да се тврди вистинитоста или неточноста на научните теории.

Клучни зборови: наука, теорија, научна теорија, инструментализам, метатеорија, реализам, теоретски поим

INSTRUMENTALISM AS AN EPISTEMOLOGICAL METATHEORY FOR SCIENTIFIC THEORIES

Abstract: In this text we will analyze instrumentalism as the epistemological metatheory of the truth value of scientific theories. Every scientific theory contains linguistic expressions that denote and describe perceptible properties of what can be seen and what can be determined experimentally. But scientific theory also contains linguistic expressions that speak of entities and processes that are experimentally unknowable and perceptibly inaccessible. Therefore, one of the key epistemological questions in the philosophy of science is the question of the meaning and significance of statements in scientific theory that speak of imperceptible phenomena and entities. Instrumentalism is a metatheory of scientific theories that seeks to answer this question. Through the analysis of instrumentalism we will try to answer whether this metatheory has certain epistemological weaknesses and whether they can be overcome in order to be able logically assert the truth or falsity of scientific theories.

Keywords: science, theory, scientific theory, instrumentalism, metatheory, realism, theoretical term

ВОВЕД

Секоја научна теорија содржи јазични изрази кои означуваат и опишуваат восприемливи својства на она што може да се воочи и она што може експериментално да се одреди. Меѓутоа, научната теорија во својот логички состав, при исполнувањето на истражувачкиот капацитет за објаснување и предвидување на појавите од полето на важење, содржи јазични изрази кои говорат за ентитети и процеси кои се опитно неподатливи и восприемливо недофатни. Научната теорија обезбедува подлабоко разбирање на појавните аспекти на сопственото проблемско поле за кое е сочинета, токму преку вклучувањето на одреден синтетички корпус на: поими, начела, релации, постулати, аксиоми и хипотези кои благодарение на својата општост ја играат улогата на теоретскиот контекст во кој поединечното го добива своето финално значење.

Затоа логичката анализа на научниот јазик тргнува од разјаснувањето на природата на теоретскиот јазик. Овој аналитички потфат подразбира разложување, објаснување и вреднување на онтолошкиот, епистемолошкиот и вистинитосниот статус на јазичните изрази во научните теории, како и разјаснување на релациите помеѓу: исказите во научната теорија кои соопштуваат невоочливи појави и ентитети со научните искази кои содржат термини за восприемливи својства на ентитетите. Клучниот проблемски пункт во кој се сосредоточува логичката анализа на научните теории се воочува во следниве прашања: кои логички услови треба да ги исполнат термините и исказите од теоретскиот јазик на науката за да можеме недвосмислено да кажеме дека исказите во теоретскиот јазик на науките се емпириски смисловни?

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМОТ КАКО МЕТАТЕОРИЈА

Инструменталното сфаќање на теориите е историски најмлада теорија за гносеолошкиот статус на теориите. Според него, тие се логички инструменти за организација и систематизација на нашето искуство и инструменти за внесување ред меѓу експерименталните закони. Иако, некои теории се поуспешни од други во остварувањето на овие цели, сепак, теориите не се искази, туку припаѓаат на една друга категорија на јазични изрази. Теориите функционираат како правила или принципи, според кои се анализираат емпириските факти или се изведуваат заклучоци, а не се самите премиси од кои се дедуцираат заклучоците за фактите. За теориите не може да се детерминира одреден вистинитосен статус, затоа што тоа не е во природата на теоријата. Според инструменталистите бесмислено е да се праша дали една теорија е вистинита или лажна кога вистинитоста и лажноста не се атрибути кои припаѓаат на природата на теориите¹.

Историски гледано, конвенционалистите први разложно тврдеа дека научните теории можат да се прифатат како такви кои содржат епистемолошка и логичка вредност, без притоа да е неопходно прифаќањето на позицијата дека неперцептибилните ентитети кои се јавуваат во нивните јазични изрази реферираат на некоја актуелна егзистенција. Пјер Диен, меѓу првите тврдеше дека теоријата во физиката е едноставно систем од математички пропозиции, дедуцирани од мал број принципи кои се со цел да репрезентираат колку што е можно попросто, покомплетно и погзактно еден збир од експериментални закони.²

1. Приврзаници на инструменталистичкото одредување на алетолошкиот статус на теориите се: П. Диен, Поенкаре, Ле Роа, Ч. С. Пирс, Френк Ремзи, Морис Шлик, Стивен Тулмин, Дјуи, Гилберт Рајл, Вотсон и други.

2. Pierre Duhem, "Physical Theory and Experiment", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philoso-

Инструменталноста може да се врзе со употребата во процесите на научното истражување, но без разлика на мотивите за инструменталната теза, нивната основна позиција се состои во тоа што за нив теоријата не е ни скратен опис, ни воопштен исказ за односите меѓу восприемливите податоци, туку теоријата е правило или принцип на расчленување и симболичко претставување на извесните факти од искуството, а истовремено теоријата е инструмент во техниката на изведување на некои искази за она што може да се восприеми од другите такви искази. На пример, теоријата дека гасот претставува систем на молекули кои брзо се движат, не е никаков опис на нешто што е восприемливо или може да се восприеми, туку е правило кое го одредува начинот на кој ќе се претставуваат симболички, за извесни цели, фактите како што се притисокот и температурата на некој одреден гас. Така теоријата го покажува орудието по кое можеме да ја пресметаме количината на топлина која е потребна за да се зголеми температурата на гасот за одреден степен кога ни се дадени извесни емпириски податоци за гасот. На овој начин молекуларната теорија за гасовите, според инструменталното сфаќање на теориите, ниту го повлекува логички по себе, ниту логички произлегува од некој исказ од фактичкото набљудување. Суштината на теоријата е да се ползува како правило во логичкиот премин од еден збир на експериментални податоци кон друг збир експериментални податоци. Општо земено теоријата функционира како раководечки принцип или правило на заклучување во склад со кое правило се изведуваат заклучоците за восприемливите факти врз основа на дадени премиси кои содржат фактичка содржина. Наједноставно кажано, теориите не се премиси во заклучувањето, туку се принципи на заклучувањето.

Вредноста на теориите во изведувањето истражувања не би се зголемила ако случајно би можело да се покаже дека теоријата е логички еквивалентна на некоја класа на искази кои се однесуваат на нешто што може да се перципира. Невозможноста од поставувањето на таква еквиваленција за која било теорија во физиката воопшто не го намалува значењето на теоријата како инструмент за анализа на фактите на искуството со цел да се решат конкретните експериментални феномени и систематски да се поврзат експерименталните закони. Според инструменталното сфаќање на теориите, нема смисла да се прашаме на што стварно или навистина таа теоријата реферира. Нејзиното значење и нејзината референција ги откриваме во нејзината улога да го организира истражувањето.

Теориите како поимни рамки свесно конструирани за плодотворно насочување на експерименталното истражување и плодотворно покажување на константнитеврски, меѓунавидумнеповрзаните фактисеотпорнинанеприродните обиди за редуцибилност или вистинитосна децидност. Ако теоријата е вистинита, таа е вистинита или во прагматичка смисла или во конвенционалистичка смисла. А фактичката референција според инструменталното сфаќање на теориите се исполнува во реферирањето кон фактите за кои е конституирана самата теорија. Инструменталното сфаќање на теориите ги објаснува функциите на идеалните и граничните поими во теоријата како моментална брзина, совршен вакуум, бесконечно бавно ширење, совршена еластичност итн., кои поими во најголем дел воопшто не опишуваат ништо што може да се восприеми по експериментален пат.

Рационалниот разлог за нивната употреба во изградувањето на една теорија се состои во тоа што со помош на ваквите поими теоријата добива релативно

phy of Science. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 235-237.

едноставен облик. Доволно едноставен за да се применат врз неа методите на математичката анализа. Вториот разлог се состои во тоа што инструменталното сфаќање на теориите не мора да одговори на прашањето дали ако има присуство на гранични и идеални поими во теоријата има тогаш смисла да се праша дали теоријата е вистинита или лажна. Додека другите теории за теориите мора да одговорат, како ако една теорија изразува односи меѓу својства кои не се однесуваат или не можат да се однесуваат на постоечките нешта, тогаш како и во која смисла за таа теорија можеме да речеме дека фактички е вистинита или лажна. Теоријата во која имаме термини за кои немаме кореспонденцијални правила или ниеден експериментален поим не е поврзан со таков термин ги содржи овие термини како променливи.

Меѓутоа, ваквите термини кога се јавуваат во изразите од теоријата имаат само граматички облик на исказ, но тие не се искази туку само исказни форми, бидејќи содржат предикатска променлива P чија вредност не е одредена. А за таквата исказна форма не може да се рече дека е вистинита или лажна, ако не се стави вистински предикат или ако не се квантификуваат предикатските променливи. Значи според другите гледишта, а не според инструменталното сфаќање на теориите за теориите кои содржат такви идеални и гранични термини претставуваат збир на исказни форми, а за нив не може да се каже дали се вистинити или лажни.

Инструменталното сфаќање на теориите го нема овој проблем бидејќи за оваа теорија нема смисла да се праша дали теориите кои содржат вакви термини се вистинити или неистинити, туку битно е дали претставуваат ефективни начини за опишување на експерименталните појави и начини на изведување на заклучоците врз основа на описите на појавите. Инструменталистите го објаснуваат фактот што некои теории содржат изрази кои ниту опишуваат, ниту означуваат нешто во стварното искуство, ниту се поврзани со експерименталните поими, како потврда на нивната теза дека теоријата мора да се разбере врз основа на нејзината посредничка, инструментална функција врз истражувањето, а не врз основа на тоа дали теоријата е адекватна или објективна дескрипција. Но, од инструменталното сфаќање на теориите не следува дека тие се само фикции или вон фактички спекулации. Теоријата сфатена како фикција во оваа смисла нема врска со инструменталната теза, бидејќи ефективноста на теоријата секогаш зависи од објективните одлики на предметот на истражување.

ЕПИСТЕМОЛОШКИ ОГРАНИЧУВАЊА НА ИНСТРУМЕНТАЛИЗМОТ

Инструменталната позиција за вистинитосниот статус на научните теории има неколку тешкотии³. Како прво, од тоа што теориите имаат битни функции во истражувањето не следи дека теоријата не може да се смета за збир од искази во вистинска смисла и дека не може да се испита нивната вистинитосна вредност. Инструменталното сфаќање на теориите верува дека утврдувањето на инструменталната улога на теоријата прави самата теорија да не може да биде означена како вистинита или лажна. Но, по Нејгел, не постои противречност помеѓу тврдењето вистинитост за нешто и тврдењето на функционалност или инструменталност за истото. Претпоставувањето на ваквата противречност, според него, е основна грешка на инструменталистите. Како второ, постои само вербална разлика помеѓу прашањето дали една теорија е задоволителна

3. Ernest Neijgel, *Struktura nauke*, Beograd: Nolit, 1974, 122.

како принцип на заклучувањето и прашањето дали една теорија е вистинита како премиса во заклучувањето. Историјата на научните теории ни покажува дека теориите кои послужиле како принципи на заклучувањето, подеднакво добро функционираат и како премиси во заклучувањето. Теориите обично се прикажуваат и употребуваат како премиси, а не како принципи. Многу научници теориите ги сметаат за искази за природата и структурата на дадениот предмет, иследувањата во науката се плод на претпоставувањето дека теоријата е слика на некој дел од природата, а не множество принципи врз основа на кои може до таква слика да се дојде. Накратко, ни логиката, ни фактите од научната пракса, ни експлицитните изјави на научниците не ни даваат сведоштво врз кое може да заклучиме дека теоријата е принцип на заклучување, а дека не е премиса на заклучувањето. Како трето, смета Хејгел, во инструменталното сфаќање на теориите нема адекватно решение и немаме еднозначна одредба на различните научни објекти како електрони, квадрони, светлосни бранови или фотони и сл. кои микроскопските теории ги постулираат. Од позиција на инструментализмот не може да се одреди дали претставуваат таквите објекти постоечки ентитети и реални ентитети или штом теоријата е принцип на заклучувањето тогаш овие ентитети се само со функција на поимни врски во правилата на опишување и заклучување, по што се исклучува претпоставката дека таквите термини може да се однесуваат на физичко постоечки објекти и процеси⁴. Што е всушност и основна епистемолошка слабост на овој приод.

ЗАКЛУЧОК

Надминување на некои проблеми на кои може да најде реалистичката и инструменталната интерпретација е возможно со поставување на критериумите на физички реалното. Со основан критериум може да се покаже дека спорот меѓу инструменталното и реалистичкото гледиште е само вербален спор. Следниве критериуми се сметаат за валидни:

(а) Еден ентитет или процес е физички реален ако може да биде јавно воочлив кога се остварени одредени можности на восприемањето.

(б) Еден термин означува нешто што е физички реално ако фигурира како нелогички термин во научен закон кој е потврден со емпириското сведоштво и во научен закон кој научната заедница го прифаќа како веројатно вистинит.

(в) Еден теоретски термин означува нешто што е физички реално ако е присутен во повеќе експериментални закони кои се логички независни еден од друг и ниеден од нив да не е логички еквивалентен на збир од два или повеќе закони.

(г) Еден термин од теориските постулати означува нешто што е физички реално ако терминот се јавува во некој потврден каузален закон.

(д) Еден теоретски термин реферира на нешто што е физички реално ако изразува нешто што е непроменливо за некој однапред даден збир на трансформации, промени, проекции или начини на набљудување. Ова е т.н. услов на инваријантноста.

Врз основа на овие критериуми на физички реалното можеме недвосмислено да го одредиме вистинитосниот статус на научните теории. Поточно, можеме да ја тврдиме вистинитоста или лажноста на научните теории.

4. Ibid., 122-125.

РЕФЕРЕНЦИ

1. Bridgman, P. W. "The Logic of Modern Physic", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), *Readings in the Philosophy of Science*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 34-46.
2. Campbell, R. Norman. "The Structure of Theories", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), *Readings in the Philosophy of Science*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 288-318.
3. Duhem, Pierre. "Physical Theory and Experiment", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), *Readings in the Philosophy of Science*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 235-252.
4. Feigl, Herbert. "The Scientific Outlook: Naturalism and Humanism", in: H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), *Readings in the Philosophy of Science*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953, 8-18.
5. "'Ortodoksno' gledanje na teorije: Primedbe u odbranu i kritika", u: N. Sesardić (prir.), *Filozofija nauke: Zbornik tekstova*. Beograd: Nolit, 1985, 222-235.
6. Марковић, Михаило. Филозофски основи науке. Београд: САНУ, 1981.
7. Nejgel, Ernest. *Struktura nauke*. Beograd: Nolit, 1974.
8. Poenkare, Henri. "Je li znanost umjetna?" u: N. Sesardić (prir.), *Filozofija nauke: Zbornik tekstova*. Beograd: Nolit, 1985, 44-60.
9. Putnam, Hilary, "The 'Corroboration' of Theories", in: Ian Hacking (ed.), *Scientific Revolutions*. Oxford: Oxford University Press, 1981, 60-79.
10. _____. "Što teorije nisu", u: N. Sesardić (prir.), *Filozofija nauke: Zbornik tekstova*. Beograd: Nolit, 1985, 236-250.

316.334.56-21(470.3)

Гузенина Светлана ВалерьевнаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ОБРАЗ МАЛОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА ГЛАЗАМИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрена проблема восприятия социокультурного образа малого российского города на основе изучения мнений молодых горожан г. Котовска Тамбовской области. Данные авторского эмпирического исследования позволяют сделать выводы о необходимости целенаправленной управленческой и педагогической работы по формированию у молодежи положительного образа родного города, и в целом имиджа малых российских городов.

Ключевые слова: малый город, образ города, социокультурный портрет малого города, имидж малого города, городская молодежь.

THE IMAGE OF A SMALL RUSSIAN CITY THROUGH THE EYES OF URBAN YOUTH: EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE

Abstract: The article considers the problem of perception of the socio-cultural image of a small Russian city based on the study of the opinions of young citizens of Kotovsk, Tambov region. The data of the author's empirical research allow us to draw conclusions about the need for purposeful managerial and pedagogical work to form a positive image of the native city among young people, and in general the image of small Russian cities.

Keywords: Keywords: small town, image of the city, socio-cultural portrait of a small town, image of a small town, urban youth.

Важной частью социокультурного пространства России являются малые города (по критерию численности населения до 50 тыс. чел.), составляющие практически 70% всех российских городов. Расположенные во всех субъектах Российской Федерации, разнообразные по природно-климатическим условиям, происхождению и традициям, уровню социально-экономического и культурного развития, по национально-этническому составу и т.д., малые города требуют особой общегосударственной и региональной политики [5, с. 16].

У малых российских городов имеется много нерешённых социально-экономических и культурных проблем, одна из которых – депопуляция, старение населения. Молодёжь, как самый мобильный слой, стремится уехать, как правило, объясняя такое положение дел недостатком возможностей для заработка, самореализации и неразвитой инфраструктурой [2, с. 21], но не стоит забывать и

духовной компоненте, ведь такие города считаются непрестижными для жизни [3, с. 31]. Результаты социологических опросов показывают, что некоторые, из уже переехавших в большие города молодых людей, говорят о позитивном восприятии родного места, поскольку теперь город детства не ассоциируется с бытом, а лишь с отдыхом и общением с родственниками, однако желания вернуться в родной город навсегда у них нет [4, с. 80-81]. Учитывая, что молодежь является основой для полноценного стратегического развития любой территории [2, с. 9], указанная проблема заслуживает пристального исследовательского внимания.

Одним из возможных путей научного анализа специфики формирования образа любого пространства выступает метод «социокультурного портрета», включающий комплексную оценку и описание прошлой социокультурной ситуации и её эволюции, с использованием специально разработанного типового инструментария. Как полагают исследователи Винокуров А.И. и Гнездова Ю.В., подход к формированию социокультурного портрета методологически - антропосоциетальный. В соответствии с таким подходом рассматриваются три тесно связанные между собой сферы жизнедеятельности: антропокультурная, социоэкономическая, институционно-регулятивная, каждая сфера при этом включает несколько комплексных параметров. Российские ученые выделяют в процессе изучения формирования социокультурного портрета территории следующие значимые параметры: пространство как социокультурное сообщество; население и поселения; социальное самочувствие населения; культурный потенциал и капитал населения; трудовая мотивация и экономическая активность; уровень жизни, проблемы её качества; социальная стратификация и мобильность; инновационная деятельность; правопорядок и его нарушения; государственное и муниципальное управление [1, с. 46, 47].

Принимая данное определение, в 2022 году силами рабочей группы социологов ТГУ имени Г.Р. Державина (рук.- д.с.н., проф. Гузенина С.В., исп. - студ. Еремина М.Г.) было проведено авторское эмпирическое социологическое исследование, целью которого стало определение специфики и черт социокультурного портрета российского малого города глазами проживающей в нем молодежи (на примере г. Котовска Тамбовской области). Опрос проведен методом анкетирования, выборка квотная, респондентами стали молодые люди города Котовска в возрасте от 18 до 35 лет.

Ответы респондентов в процессе анализа данных сегментированы по четырём смысловым блокам, объединившим социальный, культурный и желаемый образы (1,2,3) города Котовска, а также социальный портрет самих опрошенных респондентов (4) – молодых котовчан.

1. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕСПОНДЕНТА

В первом блоке представлен анализ обобщенных социальных характеристик опрошенных респондентов. В опросе приняли участие 54,9% женщин и 45,1% мужчин. Полученные данные показали, что больше половины опрошенных (53,1%) относятся к возрастной категории «от 18 до 24 лет», то есть учатся или только начинают искать работу. Чуть меньше трети (30,1%) входят в группу «от 30 до 35 лет» и 16,8% – «от 25 до 29 лет». Среди респондентов обладатели среднего и среднего специального образования составили 53,1%, значительна также и доля респондентов, имеющих высшее и неполное высшее образование - 45,2%, что отражает имеющийся на него спрос среди молодежи.

Большинство опрошенных (72,1%) живёт в Котовске с самого рождения, в связи с чем можно предположить, что они хорошо осведомлены о своём городе. Для проверки реальной информированности молодежи, в анкету были включены вопросы о городской символике (флаг, герб, гимн), наличии интереса к истории города, предпочитаемых источниках получения сведений о жизни города.

Наиболее популярными информационными источниками о происходящих в городе событиях стали социальные сети, форумы и блоги (64,2%), новостные сайты (51,8%), разговоры с родственниками и друзьями, знакомыми (46%). Больше половины (59,7%) молодых котовчан отметили, что знакомы с историей Котовска, однако нашлось немало и тех (29,2%), кто историей родного города никогда не интересовался. Косвенно такое положение дел указывает на недостаточную целенаправленную образовательную и просветительскую деятельность со стороны учебных заведений и администрации города. Из городских символов для молодежи наиболее известным оказался флаг города (71,6%), вероятно благодаря тому, что флаг вывешивается на центральной площади в праздничные дни. Интересно, что респонденты, проживающие в городе менее 3-х лет, чаще отмечали, что знакомы с тем как выглядит герб г. Котовска (44%).

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК КОТОВСКА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН

Во втором блоке мы представляем данные, охватывающие вопросы, посвящённые развитию города в целом, а также благоустройству и криминальной обстановке. Наиболее положительную оценку получила городская безопасность - 70,8% молодых респондентов высказали мнение о «спокойной или скорее спокойной криминальной обстановке» в Котовске, в обратном убеждены всего 14,2%. Данный факт объясним размеренным ритмом жизни малых городов, где жители чаще знают друг друга лично, что повышает общий уровень сплоченности и доверия между людьми.

Участники нашего опроса (молодые люди, живущие в Котовске) полагают, что специальные городские службы стараются следить за порядком, но сами горожане плохо поддерживают чистоту (39,8%). Мнения о чистой или скорее чистой территории города придерживаются 35%, обратного – 20,8% , см.рис.1 .

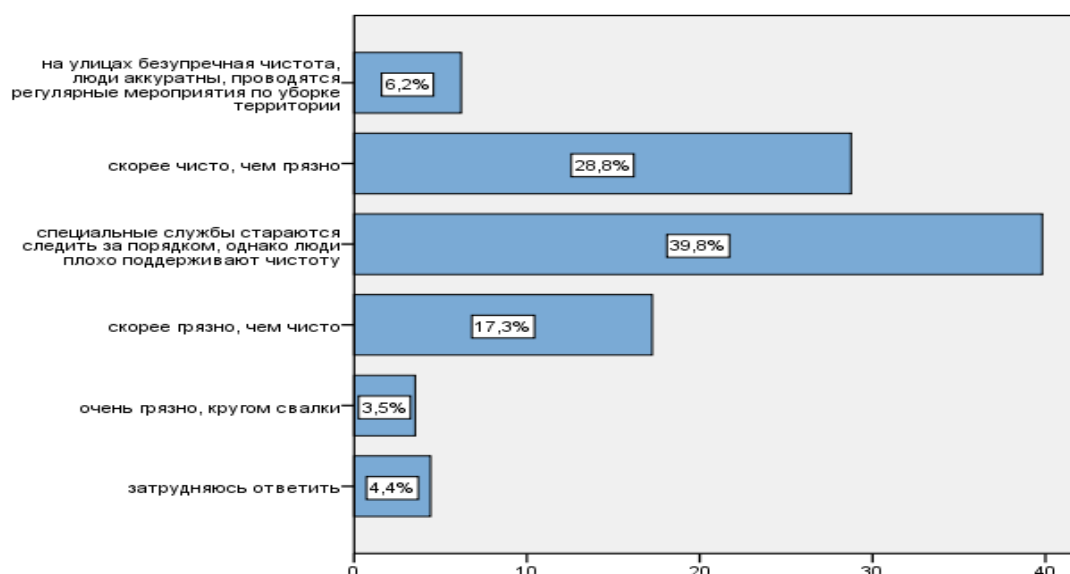

Рисунок 1. Распределение мнений респондентов по вопросу «Как Вы оцениваете уровень благоустроенности в Котовске?».

Рассуждая о развитии Котовска, 33,2% респондентов считают, что иногда предпринимаются изменения в лучшую сторону, 26,1% - что в городе регулярно строится что-то новое. При этом 20,8% молодых горожан отмечают отсутствие развития, застой, что способствует формированию мнения о «непрестижности» малых городов для жизни молодёжи.

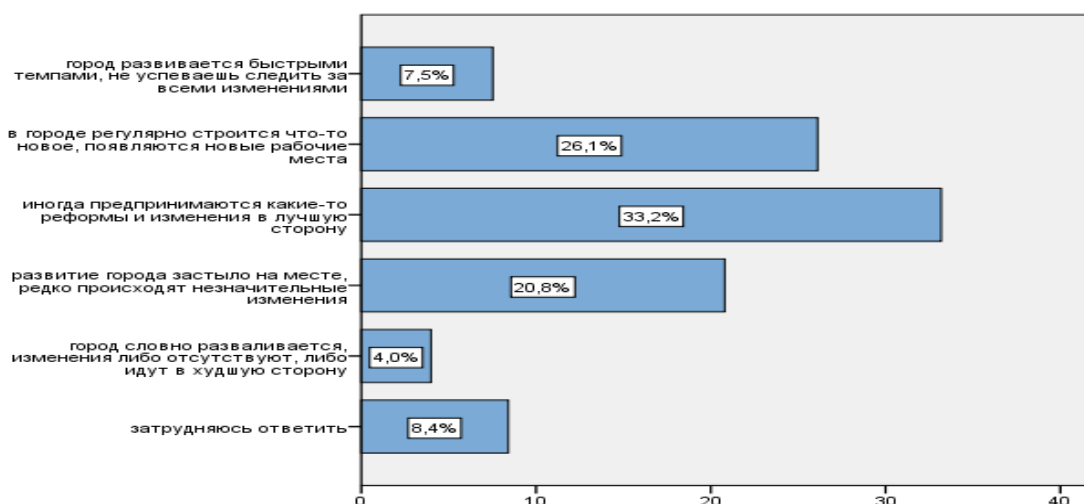

Рисунок 2. Распределение мнений респондентов по вопросу «Как Вы оцениваете развитие Котовска?»

3. КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА

Вопросы данного блока были направлены на получение конкретных элементов культурного портрета малого российского города. Так, респондентам было предложено охарактеризовать кратко родной город, одним определением. Среди наиболее популярных ответов молодежи г.Котовска оказались: «рабочий город» (26,1%), «город-спутник, помощник, младший брат Тамбова» (18,1%) и «город-воин» (13,7%).

Обращает на себя внимание немалая доля респондентов (16,4%), затруднившихся с выбором ответа, что свидетельствует либо об отсутствии, либо о неопределенности образа родного города как в индивидуальном, так и в коллективном сознании молодых котовчан. На просьбу выделить наиболее значимые достопримечательности Котовска, респонденты, в первую очередь, отметили обелиск «Вечный огонь» (81,9%) и аллею «Бессмертный полк» (43,8%), связанные с коллективной памятью советского народа о победе в Великой Отечественной Войне. За ними в рейтинге значимых мест были названы: Парк культуры и отдыха (31,0%), Дворец культуры (22,1%), церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (18,1%). Объекты же, связанные с непосредственно историей возникновения и становления города, такие как здание заводоуправления ТПЗ (7,1%), мемориальный комплекс, посвященный 90-летию завода «Пластмасс» (2,2%), городская скульптура «Эволюция» (3,1%), молодежью упоминались реже, что свидетельствует о нехватке знаний об историческом прошлом родного города.

В вопросе про знаковые культурные мероприятия Котовска респондентами чаще назывались массовые государственные и городские праздники - новогодний концерт (64,6%), Арт – Фест (58,4%), Масленица (56,2%), День Победы (55,3%). Подчеркнем при этом высокий уровень социальной пассивности городской молодежи, который стал очевиден при проведении нашего опроса: ответы об участии в городских культурных массовых мероприятиях показывают, что 36,7% в подобных мероприятиях никогда не участвовали и не собираются делать этого в будущем, а 33,6% отметили, что принимают участие время от времени. Налицо раздробленность, бинарность коллективного сознания молодых горожан, часть из которых изредка, но принимает участие в культурной и социальной жизни города, а часть отстраненно проживает в городе, не интересуясь его духовной и социокультурной спецификой. Подчеркнем, что такое положение дел показывает слабую работу органов местной власти и управления по привлечению молодежи в городские мероприятия, формированию положительного социокультурного облика города, исторической памяти города, городского культурного потенциала и патриотического сознания молодежи.

4. ЖЕЛАЕМЫЙ ОБРАЗ КОТОВСКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА МОЛОДЁЖИ ГОРОДА)

Вопросы о желаемом облике Котовска так же вызвали у молодых котовчан существенное затруднение, что означает отсутствие задачи ставить перед молодежью такие культурно-духовные маяки у представителей образовательной и управленческой элиты города. На вопрос «Каких культурных объектов не хватает в городе?» больше трети респондентов (34,1%) не смогли дать определенного ответа, 6,5% выбрали варианты «затрудняюсь ответить», «без понятия», «не думаю об этом», «не интересуюсь», а 4,3% посчитали, что «всего и так хватает».

Ответившие на вопрос анкеты сконцентрировались на развлекательных мероприятиях – спортивных (6 %), музыкально-танцевальных (4,6%), или более обобщенно – «интересных», «ярких», «веселых, а не патриотических», «увеселительно-развлекательных на ежедневной основе в ДК» (3,3%). Однако в желаемом для молодежи образе родного города нашлось место и таким идеям как «благоустройство» (2,1%), «благотворительность» (1,3%), «встречи с местными органами власти» (0,9%). Их наличие может говорить об осознании молодыми жителями города насущной потребности в решении современных городских социальных проблем, растущем уровне гражданской ответственности.

Таким образом, наш опрос позволяет сделать следующие, как минимум, выводы:

1. Образ малого российского города в коллективном сознании молодежи г.Котовска Тамбовской области, во-многом, определяется отсутствием интереса к истории, сосредоточенностью молодежи на настоящем. К сожалению, большая часть молодежи в российской провинции историей и будущим родного города мало интересуется. Такое положение дел может указывать на недостаточную целенаправленную образовательную, просветительско-культурную деятельность властей города, с одной стороны, и нежелание оставаться жить в городе в будущем - с другой.

2. Социальный портрет города Котовска в глазах молодежи бинарен и представлен, с одной стороны, такими чертами как «спокойствие» и «безопасность», с другой – «отсутствие чистоты и благоустроенности». Противоречивость социального образа прослеживается и в отсутствии единого мнения респондентов о развитии города, часть отметили изменения в лучшую сторону, часть отмечают тенденции «застоя».

3. Культурный образ родного малого города для респондентов связан не с региональными событиями, а с общегосударственными праздниками, при этом наблюдается высокий уровень социальной пассивности молодежи, которая либо изредка, но принимает участие в культурной и социальной жизни города, либо отстраненно проживает в городе, не интересуясь им.

4. Желаемый образ родного города оказался для молодежи трудной интеллектуальной задачей: младшая возрастная когорта мечтает о наличии в родном городе объектов, связанных с развлечением/саморазвитием, самовыражением, старшая – ориентирована на отдых с семьей.

Обобщая результаты опроса, подчеркнем очевидную необходимость формирования комплексного положительного социокультурного портрета малых российских городов, из которых уезжает молодежь. Осознание актуальности этой проблемы и такая работа очевидно является делом будущего. Подчеркнем, что особая роль в решении указанных проблем отводится администрации малого города, городским образовательным и просветительским учреждениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокуров А.И, Гнездова Ю.В. Исследование межрегиональных коммуникаций и взаимодействий контактных сообществ приграничья с использованием методологии социокультурного портрета // Социально-экономическая география в XXI веке: региональное развитие : материалы Межвузовского республиканского семинара, 17–18 ноября 2016 г., Минск / БГУ, Географический фак., Каф. экономической географии Беларуси и государств Содружества, Каф. экономической географии зарубежных стран; редкол.: Е. А. Антипова (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2017. - С. 46-48.
2. Комлева В.В., Ахатова А.Р. Жизненные стратегии молодежи в малых городах России (на примере города Бежецка Тверской области) // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 8 (146). С. 9-25.
3. Роговая А.В., Левченко Н.В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33.
4. Федорова А. Д. Образ малого города в восприятии мигрировавшей молодежи: применение методики ZMET.: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 39.03.01 «Социология» / Федорова Анастасия Дмитриевна; [С.- НИУ ВШЭ] – Москва, 2020. - 46 с.
5. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.

Елена Владимировна ДолговаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ВЕРБАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей семантики английских фразеологических единиц (далее – ФЕ), содержащих компоненты-соматизмы, передающих сведения о вербальном общении. В центре рассмотрения находится вопрос репрезентации ФЕ информации о степени бесконфликтности/конфликтности коммуникативного процесса с точки зрения общения в норме. На основе словарных дефиниций ФЕ предлагается выделение смысловых групп примеров, отражающих знания о конфликтном, бесконфликтном и потенциально конфликтном вербальном общении. Отмечается, что ФЕ способны менять смысловую нагрузку в зависимости от контекста употребления.

Ключевые слова: вербальное общение, фразеологическая единица, соматизм, бесконфликтность, когнитивная модель.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067).

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF REPRESENTING KNOWLEDGE ABOUT VERBAL COMMUNICATION

Abstract. The given article is dedicated to the study of the features of the semantics of English phraseological units (hereinafter – PUs) containing somatic components that transmit information about verbal communication. In the center of consideration is the question of the PUs representation of information about the degree of conflict-free/conflict communication process from the point of view of communication in the norm. Based on the dictionary definitions of PUs it is proposed to identify semantic groups of examples reflecting knowledge about conflict, conflict-free and potentially conflict verbal communication. It is noted that PUs are able to change the semantic load depending on the context of use.

Key words: verbal communication, phraseological unit, somatism, conflict-free, cognitive model.

Acknowledgement. The research is financially supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 22-18-00067).

Фразеологические единицы любого языка отражают представления людей об окружающей действительности сквозь призму уже имеющегося у них жизненного опыта. Они воплощают собой уникальное языковое явление, т.к. выступают в качестве языкового средства, обеспечивающего полноценную коммуникацию в обществе и, в то же время, являются яркими выразителями национально-культурного видения мира. «Иначе говоря, фразеологические обороты обладают как коммуникативной, так и культурологической ценностью» [Баско 2017].

Являя собой результат вторичной интерпретации (термин Н.Н. Болдырева [Болдырев 2019]), т.е. интерпретации знаний о мире в языке, ФЕ способны продемонстрировать то, каким образом человек воспринимает и оценивает различные явления и события с помощью уже вербализованной в языке информации. Нельзя не отметить, что общение – важнейшая составляющая человеческой жизни, поэтому неудивительно, что в каждом языке существует целый ряд фразеологизмов, которые описывают данный процесс с различных точек зрения. Важно отметить, что центральным аспектом в семантике подобных ФЕ выступает эффективность вербального взаимодействия, ориентация на коммуникацию в норме. Именно относительно определенной нормы, эталона выстраивается анализ того, насколько успешно и бесконфликтно происходит обмен информацией.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, в основе бесконфликтной языковой коммуникации находится эффективное концептуальное взаимодействие, обеспечиваемое за счет обращения к формам языкового сознания (концептам и категориям), разделяемым в плане их структуры и содержания всеми участниками общения. На языковом уровне это обеспечивается использованием конкретных языковых средств и механизмов, предполагающих бесконфликтную интерпретацию их семантики и передаваемых смыслов [Болдырев 2022].

Целью данной работы является изучение особенностей семантики ФЕ, репрезентирующих знания о вербальном взаимодействии между людьми. В фокусе внимания находится проблема репрезентации фразеологизмами знаний о степени бесконфликтности/конфликтности коммуникативного процесса с точки зрения общения в норме. В данной работе рассматриваются ФЕ английского языка с компонентами-соматизмами, передающие информацию о речевой деятельности человека. Основными методами исследования выступают дефиниционный, этимологический, концептуальный и контекстуальный анализ, а также метод когнитивного моделирования

Отметим, что термин «соматизм» может рассматриваться в различном объеме. Ф.А. Вакк впервые использовавший его в лингвистических исследованиях, включает в состав соматизмов названия частей тела человека или животного, тканей и жидкостей в теле, а также устойчивые словосочетания, описывающие символические жесты и мимику [Вакк 1964]. В более узком понимании, к соматизмам относят только те единицы, которые обозначают непосредственно части тела человека [Назаров 1973]. В данном исследовании под соматизмами подразумеваются наименования частей и органов тела, а также обозначения жидкостей и тканей тела человека. Выбор данных компонентов в составе ФЕ не случаен: информация о частях и органах тела представляет собой важнейшие базовые знания для каждого человека, ведь именно с познания себя мы начинаем познание окружающего мира, антропоцентрически выстраивая в сознании

порядок вещей.

В ходе исследования на материале англоязычного онлайн-словаря The Free Dictionaty было выявлено около 70 ФЕ, которые репрезентируют информацию о процессе коммуникации. В ходе исследования нами были условно выделены три смысловые группы ФЕ, различным образом характеризующие качество процесса общения. Опираясь на словарные дефиниции ФЕ, можно отметить следующие примеры: 1) ФЕ, передающие сведения о конфликтном общении; 2) ФЕ, отражающие информацию о процессе коммуникации вне конфликта, общении как таковом, в особенности имеющем положительный результат; 3) ФЕ, способные иллюстрировать процесс общения между людьми, который потенциально может характеризоваться как конфликтный. Условность деления, основанного на рассмотрении словарных значений, состоит в том, что исследуемые примеры, использованные в определенных контекстах, способны переходить из группы в группу, вследствие особенностей конкретной ситуации и лиц, которые в ней участвуют. Так, шутливый и дружеский тон в общении способен снять напряженность при использовании ФЕ из первой группы, а сарказм или откровенная грубость превращают коммуникацию в недружественный речевой акт даже при использовании фразеологизмов их второй и третьей групп. Тем не менее, важно принимать за основу словарное значение ФЕ, чтобы ориентироваться в случаях, когда наблюдается общение в норме и когда норма находится на грани нарушения.

Обратимся к ФЕ первой группы, передающим сведения о конфликтном речевом поведении: *snap off/bite off someone's head* (букв. «оторвать/откусить чью-либо голову») – разговаривать гневно и резко; *shoot off (one's) face* (букв. «отстрелить чье-либо лицо») – говорить в неподходящий момент или неподобающим образом; *lie through one's teeth* (букв. «врать сквозь зубы») – нагло врать; *speak with a forked tongue* (букв. «говорить раздвоенным языком») – давать пустые или ложные обещания, говорить двулично или обольстительно; *give (one) some/any lip* (букв. «давать кому-либо губу») – дерзить; *give someone the rough edge of one's tongue* (букв. «давать кому-либо грубый кончик языка») – отругать кого-либо; *pin someone's ears back* (букв. «приколоть кому-либо уши назад») – сурово отругать кого-либо.

Как можно заметить, для подобных примеров характерна некая резкость, грубость и/или отсылка к лукавству. Как показывают буквальные значения компонентов ФЕ, нередко происходит обращение к образам животных, а также к своего рода «остроте» произносимого. Именно за счет подобных отсылок, мы получаем представление о том, что успешной и бесконфликтной коммуникации не происходит.

Рассмотрим на контрасте ФЕ второй группы, описывающие процесс речевого общения, которые характеризуются отсутствием конфликтных значений: *give tongue to* (букв. «давать язык») – говорить, высказываться; *take the words out of (one's) mouth* (букв. «взять слова у кого-то изо рта») – опередить чье-либо высказывание, высказать то, что у другого было на языке; *find one's tongue* (букв. «найти свой язык») – обрести дар речи, вновь заговорить; *pour (one's) heart out to someone* (букв. «изливать свое сердце кому-либо») – излить душу кому-либо, высказать самое заветное; *bare (one's) heart* (букв. «обнажать чье-либо сердце») – рассказывать о своих настоящих мыслях и чувствах; *get something off one's chest* (букв. «снять что-либо с груди») – облегчить душу, высказаться о том, что вызывало

негативные эмоции, но не обсуждалось; make a clean breast of (букв. «очистить грудь от») – чистосердечно во всем признаться.

Отметим, что в составе данных ФЕ используются соматизмы, отсылающие к артикуляции речи (tongue, mouth), а также компоненты, отсылающие через наименование частей тела к эмоциональной сфере (heart, chest, breast). За счет данных компонентов мы получаем представление о том, что происходит процесс порождения речи как таковой, а также о том, что с этим процессом связаны чувства людей, которые находят выход в процессе коммуникации, устанавливается контакт между собеседниками.

Рассмотрим подробнее ФЕ третьей группы, в семантике которых заложены потенциально конфликтные смыслы, по дефинициям которых можно отследить, что они изначально находятся на границе нормы. Благодаря своему пограничному характеру они способны проиллюстрировать то, каким образом успешное речевое взаимодействие между собеседниками способно привести к непониманию или конфронтации. Для отслеживания этой закономерности мы также предлагаем подробнее рассмотреть особенности формирования семантики подобных ФЕ.

Обратимся к примерам: fire/shoot from the hip (букв. «стрелять с бедра») - говорить или действовать опрометчиво, прямолинейно, не задумываясь о потенциальных последствиях. Например, (1) 'The boss tends to shoot from the hip, so don't take what he says too personally' и (2) 'John has a tendency to shoot from the hip, but he generally speaks the truth' [TFD].

Как показывают контексты использования данной ФЕ, манера говорить в резком и прямом формате может рассматриваться в качестве отрицательной черты характера человека, что иллюстрирует пример (1). Такой способ общения способен оскорбить собеседника или доставить ему дискомфорт. При этом подобное речевое поведение может отсылать к привычке приводить ни чем не смягченные факты, хоть и не всегда приятные собеседнику, что может несколько оправдывать говорящего, ведь он не лжет, на что указывает пример (2). Неудивительно, что в основе формирования семантики данного примера лежит ассоциирование говорения со стрельбой ковбоя сразу после извлечения оружия из кобуры, без прицеливания и анализа последствий. Можно предположить, что в данном случае происходит метафорическое проецирование по модели SPEECH ACTION – PHYSICAL ACTION за счет характеристики 'manner of action - sharply' ('манера действия - резко').

Рассмотрим еще одну ФЕ: (give it) straight from the shoulder (букв. «(давать) прямо с плеча») – говорить без лишних деталей или украшений; говорить просто, прямо и откровенно. Например, (1) 'I'll tell you, straight from the shoulder, that you'll have to do better or they'll fire you' и (2) 'The president is looking for staff who will give him advice straight from the shoulder' [TFD].

Заметим, что данный пример несколько сходен по семантике с рассмотренным выше в том, что подчеркивает резкость излишне прямого речевого сообщения, как в примере (1). Однако подобный подход ценится в критических или налагающих ответственность ситуациях, что доказывает пример (2). В основе формирования семантики данной ФЕ лежит ассоциирование с применением силы – дается отсылка к боксерскому удару от плеча, который несет в себе максимальную силу. Метафорическое проецирование по модели SPEECH ACTION – PHYSICAL ACTION осуществляется в данном случае за счет характеристики 'manner of action - with full force' ('манера действия – со всей силой') – акцент делается не на внезапности,

а на силе воздействия.

Обратимся к следующему примеру: flap (one's) jaws (букв. «хлопать челюстями») – болтать, злословить, сплетничать. Например, (1) 'Quit flapping your jaws – I need some quiet so I can think!' и (2) 'Jim always starts flapping his jaws after he's had a couple of drinks' [TFD].

Можно отметить, что подобное пренебрежительное наименование процесса речепроизводства содержит оценку качества воспроизводимой информации: человек лишь сотрясает воздух, бездумно говоря что-либо, будучи не в состоянии или просто не желая отдавать этому отчет. С одной стороны, такое общение может рассматриваться просто как праздная и бессмысленная болтовня, как в примере (2), с другой же – как нечто раздражающее и отвлекающее, что показывает пример (1). Нельзя не отметить несколько грубое звучание первого контекста, предполагающего прямое обращение к собеседнику. Отметим, что буквальное значение компонентов ФЕ отсылает только к артикуляционному аспекту порождения речи, т.е. можно предположить, что семантика данной ФЕ формируется за счет привлечения метонимической модели PART (action fragment) – WHOLE (action).

Для описания долгого, но безрезультатного общения может быть использована следующая ФЕ: talk until (one's) face is blue или talk until (one) is blue in the face (букв. «говорить пока не посинеет лицо») – говорить/убеждать до посинения/изнеможения/ хрипоты. Например, 'She talked until she was blue in the face but could not change their minds' [TFD].

По сути, данный пример показывает, что процесс коммуникации не имеет успешного завершения, и усилия одной из сторон не могут увенчаться успехом. Нельзя сказать, что данная ФЕ освещает некий острый конфликт, однако акцентирует внимание на отсутствии взаимопонимания между собеседниками. При формировании семантики ФЕ привлекается метонимическая модель PART1 (effect) – PART2 (cause): долгий и не дающий результатов процесс общения может приводить говорящего в состояние полного изнеможения, что и выражается за счет отсылки к цвету лица. В качестве целого (WHOLE) в данном случае выступает ситуация, в ходе которой говорящий участвует в изнурительной беседе, и его психологическое и физическое состояние находит внешнее проявление.

Рассмотрим ряд ФЕ, передающих представления о том, какая манера общения может утомляющим образом влиять на слушателей: talk (one's) head off (букв. «отговорить чью-либо голову»), talk (one's) arm(s) off (букв. «отговорить чьи-либо руки») и talk (one's) ear(s) off (букв. «отговорить чьи-либо уши») – болтать без умолку, наговориться внаглую до изнеможения собеседника. Например, (1) 'I love my Aunt Lily, but she talks her head off whenever I go to visit her', (2) 'Stay away from Mr. Jones. He will talk your ear off if he gets a chance', (3) 'Whenever I run into her she talks my arm off' [TFD].

В основе семантики данных примеров лежит образ излишне разговорчивого человека, от общения с которым может отвалиться голова, рука, ухо и т.д., либо, напротив, человек якобы сам теряет части тела от чрезмерной общительности. Таким гиперболизированным образом оценивается степень скуки и изнурения, которую привносит в общение собеседник. С одной стороны, процесс коммуникации происходит крайне активно. Однако подобный стиль общения по большей части негативно оценивается окружающими, что иллюстрируют примеры (1), (2) и (3). Очевидно, что получить подобную характеристику в свой

адрес потенцијално оскорбително. Можно отметить, что в ходе формирования семантики данных ФЕ привлекается метонимическая модель PART1 (effect) – PART2 (cause): происходит наименование эффекта излишне общительного собеседника на слушателя, замещающее причину – чрезмерную разговорчивость, а в качестве целого (WHOLE) подразумевается ситуация подобного общения.

Следует отметить ФЕ, передающие представления об осторожности в процессе коммуникации, которые могут допускать конфликтные прочтения: watch (one's) tongue (букв. «смотреть за своим языком») и watch one's mouth (букв. «смотреть за своим ртом») – быть очень внимательным или осторожным в том, что кто-то говорит; следить за своим языком. Рассмотрим контексты их употребления: (1) 'After being threatened with expulsion for my vulgar remarks in class, I knew had to watch my tongue/mouth for the rest of the semester'; (2) 'Hey, don't talk that way! Watch your tongue/mouth!' [TFD]. При использовании данных ФЕ в рамках контекстов, похожих на пример (1), мы получаем представление о том, что человек призывает себя следить за произносимым во избежание неприятных последствий, т.е. делает попытку сохранить отношения с окружающими. Пример (2) иллюстрирует довольно грубую попытку воздействовать на человека, который по тем или иным причинам допускает неподобающие высказывания. Таким образом, мы получаем информацию об определенной конфронтации. При формировании семантики данных ФЕ производится отсылка к частям тела человека, участвующим в порождении речи – языку и рту. Можно предположить, что в данном случае происходит метонимический перенос по модели PART1 (organ/body part) – PART2 (functional significance), а в качестве целого (WHOLE) подразумевается ситуация, в рамках которой организовано общение.

Следует отметить, что существуют примеры, способные указывать на способы выхода из конфликтной ситуации или сохранения общения в норме – они могут отражаться в семантике ФЕ, отсылающих к прекращению общения, к замолчанию. С помощью таких ФЕ может быть представлен как призыв человека к самому себе сохранять молчание, так и шуточный призыв со стороны других людей в рамках неформального общения. Между тем, их употребление может рассматриваться в качестве грубой просьбы замолчать при использовании в адрес собеседника, что способно подстегнуть конфликт. К таким ФЕ можно отнести следующие: button (one's) lip (букв. «застегнуть губу») – прекратить разговаривать; shut one's mouth (букв. «захлопнуть свой рот») – замолчать или немедленно прекратить говорить; keep a civil tongue in (one's) head (букв. «держат вежливый язык в голове») – говорить вежливо, думать, что говоришь; keep (one's) mouth shut (букв. «держат свой рот закрытым») – хранить молчание, сохранять секрет; hold one's tongue (букв. «придерживать свой язык») – воздерживаться от разговоров, воздерживаться от того, чтобы сказать что-то неприятное; bite (one's) tongue (букв. «прикусывать свой язык») – остановить себя от того, чтобы сказать что-то (часто потенциально неуместное или оскорбительное). Можно отметить, что при осмыслении компонентов-соматизмов привлекается метонимическая модель PART1 (organ/body part) – PART2 (functional significance), т.к. происходит наименование органа/части тела, на который производится действие, обеспечивающее молчание, что отсылает к прекращению беседы.

Как можно заключить, для подобных примеров контекст употребления играет важнейшую роль, потому что он напрямую определяет то, в каком ключе происходит процесс коммуникации. Конечно, роль контекстного употребления

нельзя умалять и для рассмотренных ранее примеров из других групп. В ходе исследования процесса вербального взаимодействия важно понимать, с какой целью и в какой ситуации это взаимодействие протекает, стремятся ли собеседники сохранять общение в норме или готовы от нее отклониться. Очевидно, что при малейшем намеке на конфронтацию значение ФЕ будет отклоняться в сторону конфликтности.

Семантика исследуемых ФЕ также позволила еще раз обратить внимание на то, что в человеческом обществе подразумевается под бесконфликтным общением: общение в норме – это не излишняя разговорчивость или молчаливость, а честное, умеренное и доступное изложение информации, в ходе которого устанавливается взаимопонимание между собеседниками на концептуальном и языковом уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баско Н.В. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologiya-politicheskogo-diskursa-v-aspekte-mezhkulturnoy-kommunikatsii>
2. Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования. Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (в печати).
3. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
4. Вакк Ф.А. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964. 30 с.
5. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Ашхабад, 1973. 30 с.
6. TFD – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>

Елена Владимировна ДолговаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОНЕНТОВ- НАИМЕНОВАНИЙ МЕБЕЛИ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается семантика английских фразеологических единиц (далее – ФЕ). Исследуется, как вторичное осмысление входящих в состав ФЕ компонентов-наименований мебели способствует передаче ФЕ знаний о людях. Интерпретирующий потенциал компонентов-наименований мебели при осмыслении ФЕ определяется обращением к концептуальной области FURNITURE, которая представляется в виде общей когнитивной матрицы, включающей ряд когнитивных контекстов. В ходе работы рассматриваются основные когнитивные модели формирования семантики исследуемых ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, наименования мебели, вторичная интерпретация, когнитивное моделирование, когнитивная матрица, знания о людях, знания о мебели.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

INTERPRETIVE POTENTIAL OF COMPONENTS–FURNITURE NAMES IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract: The proposed paper examines the semantics of English phraseological units (hereinafter – PUs). It is investigated how the secondary comprehension of the names of furniture included in the PUs contributes to the transmission of knowledge about people. The interpretive potential of the names of furniture components in the comprehension of the PUs is determined by referring to the conceptual area of FURNITURE, which is presented in the form of a general cognitive matrix that includes a number of cognitive contexts. In the course of the work, the main cognitive models of the PUs semantics formation are considered.

Key words: phraseological unit, names of furniture, secondary interpretation, cognitive modeling, cognitive matrix, knowledge about people, knowledge about furniture.

Acknowledgement. The research is financially supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 20-18-00372).

Фразеологические единицы являются ярким выражением жизненного опыта носителей языка, объединяя в своем буквальном значении и образной семантике богатство сведений об окружающей действительности. «Ни в одном разделе языкознания связь языковых форм с мышлением и одновременно культурой и историей народа не проявляется так ярко и наглядно, как во фразеологии» [Гак 1988: 159]. Такую связь можно объяснить характером формирования семантики ФЕ, обусловленным необходимостью осмысления имеющегося в доступе фрагмента знаний о мире для обработки и творческого представления иной информации. Данный процесс представляет собой осмысление знаний о мире в языке или вторичную интерпретацию. Ее объектом являются уже вербализованные в языке коллективные знания о мире, а результатом выступают новые знания об объектах и событиях, в том числе оценочного характера [Болдырев 2019].

В данной работе исследуются фразеологизмы английского языка, содержащие наименования мебели, передающие знания о человеке. Исследование осуществляется на материале около 100 фразеологических единиц, полученных методом сплошной выборки из англоязычного онлайн-словаря The Free Dictionary by Farlex [TFD]. Целью работы является изучение особенностей формирования семантики ФЕ относительно концептуальной области FURNITURE и выявление роли компонентов-наименований мебели в этом процессе. В ходе достижения данной цели решается ряд задач: выявляются ФЕ, в которых вторичное осмысление наименований мебели позволяет передавать знания о человеке; рассматриваются структурно-содержательные особенности концептуальной области FURNITURE, привлекаемой для осмысления ФЕ; отмечаются характеристики, за счет которых осуществляется вторичное осмысление наименований мебели, позволяющее передать информацию о человеке. В процессе изучения языкового материала применяются методы дефиниционного, этимологического, концептуального анализа, а также метод когнитивного моделирования.

В ходе работы обращается внимание на то, что формирование семантики ФЕ осуществляется по определенным когнитивным моделям, предполагающим установление характеристик сходства или аспектов смежности в структуре привлекаемых концептов (концептуальных областей). Так, речь идет о ряде метафорических, метонимических и метафтонимических моделей, а также о когнитивных моделях сравнения, способствующих образному вторичному осмыслению знаний об окружающем мире. Отметим, что подобные модели ранее уже получали рассмотрение на материале ФЕ английского языка с компонентами-зоонимами [см. Бабина, Долгова 2022].

Интерпретирующий потенциал наименований мебели обеспечивается посредством обращения к концептуальной области ARTEFACT, составным элементом которой собственно выступает концептуальная область FURNITURE. Она является источником знаний о человеке за счет образного осмысления знаний об окружающих нас предметах интерьера, которые отражаются в составе исследуемых ФЕ. Отметим, что согласно толковому словарю Lexico, 'Artefact – an object made by a human being, typically one of cultural or historical interest' и 'Furniture – the movable articles that are used to make a room or building suitable for living or working in, such as tables, chairs, or desks' [Lexico]. Из рассмотренных определений следует, что концептуальная область FURNITURE может быть охарактеризована наличием следующих смысловых составляющих: 1) нечто, изготовленное человеком; 2) нечто, в определенных случаях отсылающее к культурному или

историческому контексту; 3) предметы, определенным образом расположенные в пространстве, занимающие определенное место; 4) предметы, выполняющие определенные функции; 5) предметы, над которыми человек может производить те или иные действия; 6) предметы, обладающие определенным внешним видом и устройством.

Можно отметить, что знания о мебели разноплановы и многоаспектны. Различные аспекты информации о предметах интерьера можно рассмотреть в виде взаимосвязанных когнитивных контекстов общей когнитивной матрицы FURNITURE (термин Н.Н. Болдырева [Болдырев 2019]). В рамках данного исследования мы предлагаем уделить внимание тому, какие когнитивные контексты данной концептуальной области наполняются за счет буквальных значений ФЕ английского языка, репрезентирующих информацию о человеке. Это позволит получить представление о том, какие именно знания о мебели задействуются для осмысления знаний о человеке, какую роль в этом процессе играют компоненты, номинирующие предметы интерьера.

Так, в ходе анализа языкового материала удалось установить, что концептуальная область FURNITURE, получающая отражение в буквальном значении исследуемых ФЕ, содержит следующие когнитивные контексты: 1) 'Place in Space' («Место в пространстве»), 2) 'Furniture Properties' («Свойства мебели»), 3) 'Human Actions on Pieces of Furniture' («Действия человека над предметами мебели»), 4) 'Human Actions Involving Pieces of Furniture' («Действия человека, в которые вовлечены предметы мебели»). Рассмотрим подробнее данные когнитивные контексты и ФЕ, в основе семантики которых лежат сведения, привлекаемые из них.

Когнитивный контекст 'Place in Space' актуализируется тогда, когда при формировании семантики ФЕ используется информация о том, что мебель занимает определенную позицию, место в помещении, может служить для размещения людей и предметов, а также являться стабильной точкой, вокруг которой происходят определенные действия. К примеру, посредством фразеологизма *part of the furniture* (букв. «часть мебели») можно упомянуть человека, так долго находящегося где-либо, что его перестали замечать. Буквальное значение компонентов данной ФЕ в результате метафорического переноса по модели HUMAN BEING – FURNITURE за счет характеристики сходства 'habitualness' ('привычность') в конечном итоге помогает описать человека, как нечто обыденное и удобное, но не привлекающее должного внимания. Данный пример, имеющий в своем составе компонент *furniture*, отсылает к основным представлениям о роли мебели, как базовой части повседневной жизни, которая зачастую незаслуженно воспринимается как должное.

Можно также выделить ФЕ, отсылающие в буквальном значении к наименованию места через наименование мебели, например, *top drawer* (букв. «верхний ящик») – о человеке, принадлежащем к высшему обществу, *deer bench* (букв. «глубокая скамья») – 1) большое количество опытных игроков в команде, готовых играть, 2) большая команда высококвалифицированных людей в распоряжении компании. Интересно, что в основе осмысления обоих наименований места для обозначения людей лежит одна и та же метонимическая модель WHOLE (place) – PART (objects located in this place): наименование мебели как места расположения замещает сами объекты мысли. Важно заметить, что при формировании семантики ФЕ *top drawer* дополнительно участвует метафорическая

модель HUMAN BEING – ARTEFACT, помогающая за счет характеристики сходства 'value' ('ценность') ассоциировать людей из высшего общества с ценными вещами, которые зачастую хранятся в верхних ящиках шкафов. В этом случае наблюдается совместное использование метафорической и метонимической модели, что может рассматриваться как пример метафтонимии.

Отдельно возможно выделить ряд ФЕ, прямо или косвенно использующих в процессе формирования своей семантики сведения о том, что человек может находиться в той или пространственной позиции относительно мебели. Можно отметить следующие аспекты пространственных отношений:

- мебель как место пребывания человека: to die in one's bed (букв. «умереть в своей кровати») – умереть естественной смертью; in bed with one's boots on (букв. «в кровати в ботинках») – о чрезмерно пьяном человеке; to take to bed (букв. «ложиться в кровать») – лечь в постель и оставаться в ней, особенно для преодоления усталости или болезни; to go to bed with the chickens (букв. «ложиться в кровать с курами») – рано ложиться спать; nearly fall out of one's chair (букв. «почти упасть со стула») – отреагировать на что-то с большим потрясением; on the edge of one's seat/chair (букв. «на краю своего сиденья/стула») – о человеке, находящемся в нервном ожидании чего-либо; armchair something (armchair general/critic/quarterback/traveler, etc.) (букв. «кресловый кто-то – генерал/критик/защитник/путешественник и т.п.») – человек, который интересуется определенной темой и может говорить о ней, но не имеет реального опыта в обсуждаемом деле; couch doctor (букв. «диванный врач») – психиатр или психолог; bench jockey (букв. «жокей скамейки») – запасной игрок, оскорбляющий игроков команды противника; desk jockey (букв. «жокей письменного стола») – офисный работник; to ride a desk (букв. «оседлать письменный стол») – проводить большую часть времени за рабочим столом; on the bench (букв. «на скамье») – 1) о человеке, выступающем судьей на заседании, 2) о запасном игроке; to come to the table (букв. «прийти к столу») – встретиться, чтобы договориться или обсудить, как решить тот или иной вопрос; to get someone around the table (букв. «собрать кого-либо за столом») – собрать людей вместе с какой-либо целью; to bring (someone or something) to the peace table (букв. «привести за мирный стол») и to bring (someone or something) to the bargaining table (букв. «привести за стол переговоров») – побудить человека или группу людей к переговорам и соглашению; to get one's feet under the table (букв. «поместить ноги под стол») – обрести уверенность в новой работе; to have a front-row seat (букв. «иметь место в первом ряду») – быть в непосредственной близости от определенной ситуации или события; to have a place at the table (букв. «иметь место за столом») – быть в положении в положении, при котором к твоему мнению прислушиваются и имеют влияние на то, как принимаются решения.

Нельзя не отметить, что в большинстве рассмотренных примеров компонент bed отсылает к месту отдыха и сна, компонент table – к месту переговоров и/или рабочему процессу, а компонент armchair – к домашнему комфорту. Указанные характерные черты соответствующим образом отражаются на семантике ФЕ. Так, можно предположить, что при формировании значений примеров to die in one's bed, in bed with one's, to go to bed with the chickens, to take to bed используется метонимическая модель PART1 (effect) – PART2 (cause): факт, того, что человек в силу определенных обстоятельств оказывается в кровати, замещает причину, по которой он в ней оказался (естественная смерть, состояние опьянения, ранний сон и болезнь соответственно). В качестве целого (WHOLE) рассматривается сама

переосмысляемая ситуация, в ходе которой возникли причинно-следственные отношения. Аналогично можно рассуждать о семантике примеров *to come to the table*, *to get someone around the table*, *to bring (someone or something) to the bargaining table*, *to bring (someone or something) to the peace table*: причина сборов – переговоры замещается следствием – совместным сбором за столом. При этом компонент *armchair*, используемый в составе рассмотренных выше примеров, осмысляется несколько иначе: в результате метонимического переноса по модели PART (object that the action is performed on) – WHOLE (action) он отсылает к пребыванию в комфорте домашних условий вместо выполнения активных действий.

Выявленный языковой материал показал привлечение и других смысловых составляющих рассматриваемого когнитивного контекста, например:

- человек вне мебели: *to be caught between two stools* (букв. «быть пойманным между двумя стульями») и *to fall between two stools* (букв. «упасть между двумя стульями») – потерпеть неудачу, колеблясь между двумя выборами; *to miss the cushion* (букв. «промахнуться мимо подушки») – потерпеть неудачу; *to be away from one's desk* (букв. «не за своим столом») – о человеке, который находится не на рабочем месте;

- мебель как место расположения объектов: *from the top drawer* (букв. «из верхнего ящика») – из высшего общества; *not the sharpest knife in the drawer* (букв. «не самый острый нож в ящике стола») – недалекий, глупый; *to get something off the shelf* (букв. «взять что-либо с полки») – получить что-то готовое к покупке из имеющихся запасов, получить что-то, что не было изготовлено на заказ или изготовлено вручну; *to be on the shelf* (букв. «быть на полке») – 1) о человеке, неактивном в плане работы и общественной жизни, 2) о чем-либо в состоянии приостановки, 3) о незамужней женщине, которая в силу возраста вряд ли выйдет замуж; *to put one on the shelf* (букв. «положить кого-либо на полку») – сделать кого-то неспособным к выполнению чего-либо; *couch potato* (букв. «диванный картофель») и *sofa spud* (букв. «диванный картофель») – тот, кто много проводит времени дома (обычно за просмотром телевизора); *stool pigeon* (букв. «настольный голубь») – информатор, в особенности преступник, шпионящий для сотрудников правоохранительных органов.

В целом стоит отметить, что осмысление знаний о человеке благодаря наименованиям мебели в рамках данного когнитивного контекста осуществляется именно за счет понимания того, что мебель занимает определенное место в интерьере, а человек или предмет может занимать определенную пространственную позицию относительно нее.

Когнитивный контекст 'Furniture Properties'. Осмысление ФЕ относительно данного когнитивного контекста происходит в случаях, когда задействуется информация о свойствах и характеристиках мебели. Это могут быть сведения о внешнем виде предмета интерьера: *unmade bed* (букв. «незаправленная кровать») – неопрятный на вид человек. Семантика данной ФЕ формируется по метафорической модели HUMAN BEING – FURNITURE за счет характеристики 'appearance' ('внешний вид').

Информация о прочности мебели используется при формировании семантики ФЕ *to fold like a (cheap) card table* (букв. «сложиться как (дешевый) карточный стол») – подчиняться, уступать или сдаваться очень легко. В данном случае привлекаются фоновые знания о том, что карточный стол сконструирован

так, чтобы его можно было легко свернуть для хранения. Можно предположить, что семантика ФЕ формируется посредством когнитивной модели сравнения HUMAN BEING LIKE FURNITURE, в фокусе внимания при сравнении находится характеристика 'easily influenced' ('легко поддается влиянию').

Когнитивный контекст 'Human Actions on Pieces of Furniture' содержит в себе смысловые составляющие, используемые для последующего осмысления знаний о человеке, которые отсылают к его непосредственному физическому взаимодействию с мебелью. Это можно проследить на примере следующих ФЕ: to save the furniture (букв. «спасать мебель») – создавать наилучший возможный исход из неудачной ситуации; to turn the tables (букв. «поворачивать столы») – одержать верх после поражения; to grab a chair (букв. «взять стул») – и to pull up a chair (букв. «подвинуть стул») – присесть с кем-то, присоединиться; to rearrange (the) deckchairs on the Titanic (букв. «переставлять шезлонги на Титанике») – предпринять курс действий, который в конечном итоге окажется бесполезным; to crack a crib (букв. «сломать кроватку») – совершить кражу со взломом; to empty the bench (букв. «опустошить скамейку») – заменить стартовый состав команды игроками из запаса; to grab some bench (букв. «взять скамейку») – сидеть на скамейке запасных во время игры; to warm the bench (букв. «греть скамейку») – быть в запасе, сидеть на скамейке запасных во время игры; bench warmer (букв. «нагреватель скамейки») – игрок, большую часть игры сидящий на скамье запасных (как правило, про не слишком квалифицированных игроков); to take the bench (букв. «взять скамью») – быть назначенным судьей в суде общей юрисдикции.

Стоит отметить, что компонент bench может осмысляться двояко: он либо дает отсылку к области спорта, в частности, указывая на игроков, находящихся в запасном составе (например, to warm the bench); либо он передает информацию о деятельности человека в судебной сфере (например, to take the bench). При осмыслении данного компонента в составе ФЕ можно отметить использование метонимической модели PART1 (effect) – PART2 (cause), т.к. факт того, что человек занимает определенную мебель, является следствием ситуаций в профессиональной сфере (пребывание в запасе или назначение на должность судьи соответственно).

Когнитивный контекст 'Human Actions Involving Pieces of Furniture' предполагает наличие ситуаций, в ходе которых человек выполняет определенные действия, при которых может использоваться мебель. Рассмотрим ФЕ, которые были образованы за счет привлечения указанных сведений: to drink (someone) under the table (букв. «запить кого-то под стол») – перепить кого-либо; to pay (someone) under the table (букв. «платить под столом») – платить неофициально; to work under the table (букв. «работать под столом») – работать неофициально; to put money on the table (букв. «класть деньги на стол») – давать деньги на что-то или вкладывать их во что-то; to take (something) off the table (букв. «убирать что-либо со стола») – убрать что-либо или сделать это более недоступным (для рассмотрения, обсуждения); not bring anything to the table (букв. «не приносить ничего к столу») – не обладать чем-либо в плане полезных или интересных навыков или функций; to keep a good table (букв. «держат хороший стол») – хорошо готовить, быть гостеприимным хозяином; to lay (something) on the table (букв. «положить что-то на стол») – представить что-то для общего обсуждения; to lay (one's) cards on the table (букв. «выложить свои карты на стол») – раскрыть что-то, что скрывалось (мотивы, намерения, мнение и т.д.); to play musical chairs (букв.

«играть в музыкальные стулья») – переставлять людей с одной должности на другую внутри организации; to speak through the chair (букв. «говорить через кресло») – выступать на заседании после получения разрешения на это от председателя; to rob the cradle (букв. «грабить колыбель») – встречаться с партнером с большой разницей в возрасте; to chuck (one's) toys out of the cot (букв. «выбрасывать свои игрушки из кроватки») – вести себя как сердитый ребенок; couldn't lie straight in bed (букв. «не мог прямо лежать в кровати») – о недобросовестном человеке, не вызывающем доверия; to get out of bed on the wrong side (букв. «встать с кровати с неправильной стороны») – быть в плохом настроении; to play first chair (букв. «играть на первом стуле») – выполнять роль руководителя.

Стоит отметить, что в таких примерах, как to speak through the chair и to rob the cradle компоненты-наименования мебели, отсылают к людям, которые используют предметы интерьера. Так, компонент chair означает председательствующее лицо на собрании, а компонент cradle акцентирует внимание на человеке младшего возраста. Можно предположить, что при формировании семантики подобных примеров для осмысления компонентов-наименований мебели используется метонимическая модель PART1 (place) – PART2 (person associated with this place), а в качестве целого (WHOLE) осмысляется ситуация, в рамках которой человек ассоциируется с предметами мебели.

Интересен пример to get out of bed on the wrong side, в котором ярко отразились народные верования. Так, существует старое суеверие, согласно которому, вставая с постели, ставить первой на пол левую ногу – к несчастью. Исходя из этого, можно предположить, что семантика рассматриваемой ФЕ формируется за счет метонимической модели PART2 (cause) – PART1 (effect): вместо наименования факта плохого настроения человека называется его причина – неправильный утренний подъем.

Подводя итоги работы, отметим, что нами были рассмотрены ФЕ, английского языка, содержащие наименования мебели, передающие сведения о человеке. Было установлено, что интерпретирующий потенциал компонентов-наименований мебели при формировании семантики исследуемых ФЕ весьма значителен: благодаря привлекаемым фоновым знаниям о предметах интерьера в результате вторичной интерпретации формируются языковые единицы, позволяющие метко, емко и доступно передавать информацию о людях. Выявлено, что концептуальная область FURNITURE, которую возможно представить в виде общей когнитивной матрицы, служит источником сведений о мебели, которые могут быть представлены в виде следующих когнитивных контекстов: 1) 'Place in Space'; 2) 'Furniture Properties'; 3) 'Human Actions on Pieces of Furniture'; 4) 'Human Actions Involving Pieces of Furniture'.

При повторном осмыслении сведений о предметах интерьера, привлекаемых из выявленных когнитивных контекстов, задействуются метафорические, метонимические, метафтонимические когнитивные модели, а также когнитивные модели сравнения. Основные когнитивные модели были рассмотрены в данной работе, чтобы проиллюстрировать пути, по которым человек может вновь осмыслять имеющиеся у него знания об окружающем мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Интерпретирующий потенциал зоонимов в составе английских фразеологизмов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 65-73.
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
3. Гак В.Г. Фразеология, образность и культура (о новейших фразеологических словарях французского языка) / Советская лексикография: сборник статей. М., 1988. С.159-170.
4. Lexico. URL: <https://www.lexico.com/en>
5. TFD – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>

Нохрина Валерия АлексеевнаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

УЧЕБНО-РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка; выявлены компоненты данного потенциала, реализующегося в основной школе; описаны способы реализации и развития воспитательного и развивающего потенциала; разработан урок по дисциплине «Иностранный язык», способствующий выявлению воспитательного и развивающего потенциала в основной школе.

Ключевые слова: воспитательный и развивающий потенциал, иностранные языки, методика преподавания, изучение иностранных языков, формирование компетенций, профессионально ориентированное обучение иностранному языку.

EDUCATIONAL AND DEVELOPING POTENTIAL OF A FOREIGN LANGUAGE AND WAYS OF ITS REALIZATION IN PRIMARY SCHOOL

Abstract. The article examines the features of the educational and developing potential of a foreign language; the components of this potential realized in the primary school are identified; the ways of realizing and developing the educational and developing potential are described; a lesson on the discipline "Foreign language" is developed, contributing to the identification of educational and developing potential in the primary school.

Keywords: educational and developing potential, foreign languages, teaching methods, learning foreign languages, formation of competencies, professionally oriented teaching of a foreign language.

Формирование личности, её становление и саморазвитие профессионализма являются главными целями высшего образования. Главными задачами обучения школьников является воспитание лиц с новым видом мышления, зарождение в них потенциала к предмету, создания предпосылок развития профессиональной компетентности, способности к развитию и самовоспитанию в течение жизни, самосовершенствованию, а так же реализации поставленных целей.

Иностранный язык имеет большой воспитательный и развивающий потенциал. Исследуя зарубежный язык, обучающиеся могут ознакомиться с примерами культур, как мировой, так и своей. Процесс обучения данному предмету осуществляется в социокультурном контексте и имеет чётко выраженную культуроведческую направленность, поэтому при обучении детей школьного возраста иностранному языку ребёнок попадает в диалог культур.

В настоящее время передовых технологий образовательной среды одной из важнейших составляющих является изучение иностранных языков, развивающее профессиональную компетентность, обширный кругозор личности человека и позволяющее на выходе процесса освоения программы образования стать квалифицированным специалистом конкретной сферы деятельности. Поэтому на учителей школы возлагается большая ответственность в обучении детей иностранному языку и выявлении у них воспитательного и развивающего потенциала языка.

В процессе изучения иностранного языка обучающиеся знакомятся с культурой носителей языка, оценивают культуру и нормы поведения носителей родного языка, что способствует развитию и укреплению культурного самосознания. И.А. Зимняя отмечает, что «иностраный язык в процессе овладения предполагает большой удельный вес формирования речевых навыков (умений) и в то же время не меньший, чем для точных наук, объем языковых знаний в виде правил, закономерностей, программ, решений разнообразных коммуникативных задач» [1, с. 213].

Дисциплина «Иностранный язык» в настоящее время имеет огромное воспитательное и развивающее значение. В данном процессе обучения школьники не только овладевают лексическими и грамматическими основами языка, но и получают разностороннее развитие, что формирует их личные и профессиональные возможности, патриотизм, потенциал к дальнейшему обучению, самостоятельность, культуру межнационального общения и многое другое.

Воспитательный и развивающий потенциал присущ многим образовательным средам и явлениям. Для точного понимания термина охарактеризуем его, обратившись за помощью к Толковому словарю Д.Н. Ушакова. Потенциалом называют внутреннюю способность или возможность человека, объекта или явления к росту, развитию, обогащению и совершенствованию, которая происходит в различных сферах общественной деятельности людей и складывается из множественных аспектов: места, условий, целей, средств, восприятия [2, с. 652].

Воспитательный потенциал является одной из способностей человека, которая реализуется в процессе работы над текстами разных жанров, бесед с учащимися, просмотра фильмов, спектаклей, проведения внеаудиторной работы. Данный потенциал достигается развитием всех сторон личности: его мировоззрения, мышления, памяти, системы нравственных и статических взглядов, черт характера, потребности в дальнейшем сама образовании и воспитании. Воспитательный потенциал, как способность человека к саморазвитию, наиболее успешно достигается при комплексной реализации всех вышеперечисленных целей обучения с учётом возраста, интересов и уровня языковой подготовки учащихся.

Развивающий потенциал – это внутренняя возможность человека, которая наиболее успешно реализуются в рамках индивидуального подхода, который можно рассматривать как дальнейшее развитие идей коммуникативно - деятельностного подхода к обучению.

Потенциал характеризует способность человека к функционированию в качестве целостной системы, которая в свою очередь состоит из совокупности неотъемлемых друг от друга компонентов, и которая имеет способность к

саморазвитию, самореализации и самоутверждению.

Что касается воспитательного и развивающего потенциала, то его характерная особенность будет выражаться в условиях и средствах педагогической направленности, которые будут определять те или иные возможности в данной сфере личности, объекта или явления.

Составной частью воспитательного и развивающего потенциала в школьной среде являются некоторые компоненты (табл. 1).

Компоненты воспитательного и развивающего потенциала

№	Компоненты	Значение
1	Материальная база	Ученик имеет доступ к книжным или электронным пособиям, которые предоставляются образовательным учреждением. Вся теоретическая база, предусмотренная на изучение за год, объяснена и изучена преподавателем.
2	Технические средства	Школьные кабинеты оборудованы компьютерами для возможного просмотра видео роликов по различным темам изучения курса, плеерами или аудиосистемой для воспроизведения английской речи носителем языка, имитируемым говорящим.
3	Условия быта	Данный компонент относится к школе, времени проведения детей в ней. Происходит социальное становление школьника, развитие познаний.
4	Численность и структура воспитательной организации	Ученики поделены на классы. Составлена программа обучения для конкретного года изучения иностранного языка
5	Развитость педагогического коллектива	Компетентность преподавательского состава в вопросах методики обучения детей иностранному языку и иноязычной коммуникативной направленности.
6	Характер взаимоотношений между членами процесса	Направленность на позитивное мышление детей о нациях, национальностях, странах. Избегание конфликтных ситуаций между учениками и в межкультурном общении.
7	Нравственная, психологическая, трудовая обстановка	Понимание учениками понятий добро, мир, дружелюбие и т. д. Квалифицированная помощь детям в решении их индивидуальных проблем. Рабочая атмосфера школы.
8	Опыт	Жизненный опыт, уровень образованности и профессионализма [3].

Воспитательный и развивающий потенциал является динамическим процессом, в который входят правила и нормы поведения в обществе, возможность к бесконфликтной коммуникации с людьми, выстраивание взаимоотношений с членами общества, навыки решения сложных ситуаций и нахождения путей их решений.

Данный потенциал является изменчивым параметром. Это объясняется тем, что он полностью зависит от течения общественного развития, изменений в экономической сфере и не обходит стороной политический круг. Если происходят

какие-либо изменения в той или иной сфере, функциональная роль также начинает подстраиваться под новые преобразования, в связи с этим изменяются воспитательные и развивающие функции общественного института [4, с. 93].

Рассмотрим мнение советского учёного психолога Л. С. Выготского. Он считает, что особенности потенциального мышления определяются особенностями освоения того или иного языка. Мысль не может воплощаться, она совершается, формируется в высказывании, которое является главным компонентом речевого поведения. Для того чтобы выразить свою мысль, слова должны быть определённым способом организованы в прямолинейной очерёдности. Подобным способом, усвоение языка заключается в приобретении умения создавать высказывание с помощью языковых средств [5].

Согласно лингвистам М. Мюллеру, Э. Сепиру, Б.Л. Уорфу, Л. Витгейнштейну, язык непосредственно принимает участие в создании идей, формировании планов людской деятельности, в анализе впечатлений и их объединении [6, с. 347]. Данным образом, индивид акцентирует внимание из своего опыта на группы, которые входят в систему языка, так как он может оперировать лишь ими. Благодаря языку, на котором человек обучается и получает воспитание, происходит укрепление в сознании способов и методов мышления, формируются причинно – следственные взаимосвязи объектов и явлений окружающего мира, самооценка самого себя и окружающих, отношение к миру и его этническим особенностям. Таким образом, по мнению учёных, в языке присутствует тот воспитательный потенциал, который рационально используется в педагогическом процессе в рамках преподавания разным дисциплинам, включая все предметы общеобразовательной школы.

По словам Л.В. Павлова, Ю.В. Барышникова, М.В. Артамонова развитие речевой деятельности на иностранных языках дает возможность обучающимся накапливать духовно нравственный опыт прошлых поколений и творчески применять его, что способствует развитию у студента индивидуальных качеств личности. Более того, выявление воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка способствует формированию ценностей автономии учеников и способности к самоконтролю и саморегуляции [7, с.331].

Внедрение краеведения на уроках иностранного языка в школах играет важную роль в формировании воспитательного и развивающего потенциала. Знания о родном крае, способность к передаче данной информации посредством иностранного языка предоставляет ученикам возможность самосовершенствоваться, развиваться духовно и физически, воспитывать любовь к малой родине и дополнить содержательную речь личности [8, с. 156-157]. Изучение краеведческого материала посредством интерактивных занятий способствует развитию интереса к предмету и расширению знаний. Благодаря коммуникативным составляющим урока обучающиеся развивают навыки общения друг с другом, а в последующем и с носителями иностранного языка. Данный тип межкультурной коммуникации позволяет познакомиться с культурой страны изучаемого языка путём сравнения её с собственной культурой страны.

При изучении методологии потенциала иностранного языка, необходимо учитывать некую особенность. Родная речь запоминается бессознательным способом, во взаимосвязи с психофизиологическим развитием детей, в то время как освоение второго языка является осознанным пониманием всей системы языка. При таком обучении ученики используют метод сопоставления родного языка с изучаемым, тем самым предотвращая дальнейшие вероятные ошибки в

обучении и прогнозируя трудности иностранного языка.

Чётких границ в методике изучения потенциала иностранного языка не существует. Каждые из критериев, которые были описаны учёными, являются неотъемлемыми составляющими в выявлении потенциала иностранного языка у детей школьного возраста. Используя знания каждого из исследователей, складывается общая картина представления обучения ребенка, и выявления наиболее легкого способа потенциального воспитания учеников в школе. В исследованиях потенциала иностранных языков не существует однозначного подхода к обучению школьников с целью выявления их потенциальных возможностей, а также отсутствует чёткое обозначение границ в методологии изучения данного понятия.

Вопрос о формировании воспитательного и развивающего потенциала остаётся актуальным в современном мире. В настоящий период существует множество помощников в формировании у ребенка всех необходимых навыков, начиная с библиотечных книг, заканчивая интерактивными заданиями в сети интернет. Главное же внимание уделяется изучению потенциалу в иностранном языке в таком институте как школа. Таким образом, можно выделить некоторые закономерности в развитие воспитательской возможности в данном социальном институте:

- » У школы есть внутренние ресурсы и механизмы для того, чтобы преследовать цель формирования у учеников воспитательного и развивающего потенциала. Если не присутствует отрицательное воздействие других внешних факторов на ученика, то данные ресурсы будут использоваться в правильном ключе.
- » Ученик может развиваться за счёт сознательной саморегуляции и помощи квалифицированного специалиста в образовательной сфере.
- » Школа является образовательным пространством, которое помогает в лучшей степени, комплексно развить потенциал ученика.
- » В школьном институте присутствует специальная социально – педагогическая система, которая позволяет эффективнее развивать у ребёнка воспитательный и развивающий потенциал.
- » В стенах школы присутствуют различные информационные ресурсы, которые помогают развивать потенциал школьника.
- » В школьной среде ребёнок может стать участником разнообразной общественно - полезной деятельности, которая так же будет способствовать повышению его потенциальных навыков.

Воспитательный и развивающий потенциал может формироваться различными способами. Научно-технический прогресс предоставил обучающимся многоуровневую систему образования иностранному языку, включающую в себя различные виды практической деятельности, семинары, открытые занятия с носителями языка, курсы по развитию знаний культур стран, внедрение иностранных студентов в группы, кейс методы, ИКТ, использование онлайн-платформ и блогов, ролевые игры и т.п. Внеклассная работа способствует лучшему усвоению пройденного материала на учебных занятиях, к ней относятся: организация праздников на иностранном языке, учебных поездок, участие в различных конкурсах и олимпиадах и др. Все перечисленные способы обучения формируют из ребенка личность, которая мотивирована на дальнейшее обучение иностранным языкам. Возможно вознаграждение в качестве оценок или небольших подарков, что способствует заинтересованности в уроке ребенка

и повишењу его мотивации производить данную деятельность. Стоит отметить, что программы по обучению дополняются воспитательными моментами.

Опираясь на современную систему образования, рассмотрим примерный кейс-метод по английскому языку для учеников 11 класса школы, составленный по параметрам требований ФГОС.

THE LESSON

Hello, guys. Today we will study the case. But before that, we will watch a film about an intercultural conflict. The film is called Japanese Story. It is a 2003 Australian romantic drama film directed by Sue Brooks. It was screened in the Un Certain Regard section at the 2003 Cannes Film Festival.

To make the information in the film clear, I will give you a translation of unfamiliar words (table 2).

New words

№	Word	Translation
1	intercultural conflict	межкультурный конфликт
2	geologist	геолог
3	excavations	раскопки
4	business trip	бизнес поездка
5	the Australian desert	австралийская пустыня
6	translation work	переводческая деятельность
7	the chatterbox	болтун
8	discreet	сдержанный

THE CASE:

Sandy, a young geologist, is forced to accompany Japanese businessman Hiromitsu on his trip to Australia. Their car gets stuck in the sand in the most remote corner of the Australian desert. They can be saved if they act together, but there is one problem: an intercultural conflict between them.

He is harsh, uncommunicative and looks down on women, like many Japanese men, she, in his opinion, is too noisy, rude and aggressive, like many Western women.

Actors: a girl from the UK, a man from Japan

In order for the task to be completed qualitatively, I will give you questions for discussion:

1. Describe the subjects of the conflict and their national characteristics.
2. Determine the type of conflict in a given case.
3. What is the cause of the conflict? Discuss in a group.
4. How can this conflict be resolved? Use Internet resources.
5. Predict the outcome if the conflict is not resolved.

Homework: to prepare a solution to this conflict and ways of avoiding it in the form of a presentation and tell us about it in class.

Данное упражнение поможет понять детям школьного возраста, что такое межкультурная компетенция и межкультурный конфликт; поможет развить навыки говорения и аудирования на иностранном языке. Дискуссия в группе поспособствует развитию интереса и вовлеченности к заданию в группе.

Творческото домашно задание ќе зацврсти протрчаниот материјал и благопријатно скажета на усвоениот знај и раширениот кругозор ученика. Новизна заданија виведет учеников из зони комфорта, тем самым мотивирајќи их к обучению чегото нового, и разовьет воспитателен и развивающен потенциал детей в изучении иностранного языка (в данном контексте - английского языка) по параметрам обучения ФГОС.

Иностранен язык проводит воспитание учеников на уроках, а так же развивает социально значимые качества личности, такие как: толерантность, уважение друг к другу, ответственность, умение сотрудничать. Но в то же время процесс воспитания и процесс обучения иностранному языку неразрывно связаны друг с другом, составляют единое целое и их не следует разделять. Благодаря предмету, можно прививать неотъемлемые качества личности в процессе обучения также посредством игр, литературы.

Изучение иностранного языка важно как для профессионального успеха в жизни, так и для личностного развития и самосовершенствования обучающихся. Иностранен язык способствует всестороннему развитию человека, и хотя полностью его личность сформируется уже после окончания школы. Однако для развития потенциала в детях и их всестороннего развития личностных качеств требуется перестройка учебно-воспитательного процесса обучения иностранному языку, поиск и внедрение в практику преподавания современных, психологически адекватных методических приёмов учебно-воспитательной работы по предмету.

В настоящее время первоочередной целью освоения учениками курса иностранного языка является ознакомление обучающихся с культурными особенностями и структурой изучаемого языка и их участия в диалоге культур. Поставленная задача достигается путём формирования у детей потенциала иностранного языка и способности к иноязычной коммуникации.

Главной задачей курса « Иностранен язык » является развитие личности обучаемого, которая способна мотивирована принимать участие в межкультурной коммуникации среди представителей других культур на изучаемом иностранном языке и которая, благодаря заложенным потенциальным возможностям языка, в дальнейшем сможет самостоятельно развивать свои навыки иностранной речи.

Во время урока происходит процесс освоения знаний иностранного языка. Происходит воспитание и развитие обучающихся по стандартам ФГОС, так как во время процесса формируется уважение к языку и культуре иноязычных жителей, воспитание толерантности, развитие коммуникативных способностей, правильный подход предотвращения или избегания межкультурных конфликтов, быстрота принятия решений в коммуникативных задачах и развитие мотивации и интереса к изучаемому языку и его культуре. Более того, ученик приобщается к самостоятельному выполнению заданий, работе с литературой, интернет ресурсами, зарубежными источниками информации.

Научно-технический прогресс предоставил студентам многоуровневую систему образования иностранному языку, включающую в себя различные виды практической деятельности, семинары, открытые занятия с носителями языка, курсы по развитию знаний культур стран, внедрение иностранных студентов в группы направлений подготовки и т.п. Все перечисленные способы обучения помогают развить у ученика потенциал иностранного языка и создают предпосылки формирования у ребенка знаний специальной направленности,

которые включают в себя грамотное освоение сложной иноязычной коммуникативной компетенции.

Формирование речевых навыков и умений на уроках иностранного языка способствует улучшению внимания, памяти, мышления, тем самым сформирует умственную развитость личности школьника.

Что касается концепции диалога культур, она является неотъемлемой частью в обучении детей школьного возраста иностранному языку. Данная концепция, используемая в программе обучения в общеобразовательных школах, помогает развить благополучные взаимоотношения между учащимися, расширить горизонты в изучении языка, способствует разрешению межнациональных конфликтов, учит толерантности. Более того, она мотивирует учеников на дальнейшее обучение иностранному языку. Данные умения в будущем сделают из ребёнка настоящего специалиста, которые помогут ему разрешить множество проблем образовательной, общественной и других сферах деятельности и помогут увеличить продуктивность и успеваемость при обучении и самообразовании.

Реализация воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка формирует у ученика твердый базис для формирования разносторонне - развитого и интеллигентного человека, владеющего знаниями иностранных языков и культур.

Результатом освоения воспитательного и развивающего потенциала является личность, которая заинтересована в развитии и принимает активное участие в социально- культурной прогрессии информационного общества; более того, она обладает способностью без проблем быть частью интегративного процесса глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник, 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2000. – 384 с.
2. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
3. Определение содержания понятия воспитательный потенциал // URL: https://spravochnik.ru/pedagogika/opredelenie_soderzhaniya_ponyatiya_vospitatelnyy_potencial. – (Дата обращения: 17.05.2022).
4. Лихачев Б.Т. Воспитательные аспекты обучения: учеб, пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов / Б. Т. Лихачев. – М.: Просвещение, 1982. – 192с.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
6. Мюллер М., Сепир Э., Уорф Б.Л., Витгейнштейн Л. и др. Языки как образ мира. – М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 576 с.
7. Павлова Л.В., Барышникова Ю. В., Артамонова М. В. Формирование ценностной автономии студентов в процессе овладения иностранным языком // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). – 327-341 с.
8. Поляков О.Г. Обучающий, воспитательный и развивающий потенциал краеведения на уроках иностранного языка в школе // Новая наука: современное состояние и перспективы развития. 2021. – 155-158 с.

37.018.556:811.111

Jehona Rexhepi IljaziFaculty of Languages, Cultures and Communication- Southeast European University
Republic of North Macedonia**Agron Iljazi**Faculty of Pedagogy – University of Tetova
Republic of North Macedonia

THE INTEGRATION OF CULTURE IN TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: This paper represents a theoretical overview of the importance of the inclusion of culture into the language learning process. Teaching English as a Foreign Language is incomplete without the integration of culture in the classroom. The intertwining of culture and language will be the focal point of this paper, by addressing certain cultural aspects in English Language Teaching. Additionally, approaches to teaching the culture of the target language in the EFL classroom will be reviewed and supported with examples. Moreover, both teacher and student awareness of the teaching and learning of culture alongside of language will be emphasized.

Keywords: teaching culture, EFL classroom, cultural aspects in ELT

Culture is “in us and all around us, just as the air we breathe” (Erickson, 1997). Culture shapes our opinions, beliefs, values, perceptions and evaluations of others. Everyone has culture and shares it with a certain group of people who follow certain patterns of behavior or ways of thinking which identify them as part of a certain culture. A major aspect of culture that influences human interaction to a great extent is language. “It would be difficult, if not impossible, to understand a culture without first understanding its language, and it would be equally impossible to understand a language outside its cultural context.” (Ferraro, 2004, p. 122) Language is the main tool of communication that is closely linked to culture. While learning about a culture requires knowledge about the language that people belonging to that culture speak, it is culture that influences language learning to a great extent. Thus, when deciding to learn a foreign language culture should be taken into account as an essential integrative part of the language learning process.

Culture has a significant role in the language classroom. Integrating culture into language learning means making it easier for students to understand the true meaning of vocabulary when they cannot find equivalents in their own language. “A sociocultural system, and any of its variant lifestyles, is a whole whose parts cover one another, this is why a value, a custom or a word has not one-to-one correspondence in another culture. It is why the cross-cultural contrasting of discrete elements leaves the students with his private belief that only his view really makes sense- unless he learns to feel the “fittingness” of the detail as perceived by the bearer of the other culture.” (Nostrand 1974, p.273) Therefore, when learning a second language, students need to be educated about the culture of the people that speak that language in order to understand some cultural aspects of language which cannot be taught separately

from language. There is a 'cultural emphasis' which shows the huge effect that culture has on vocabulary. Therefore, English language teachers should not have to struggle in finding one-word equivalents for words that need to be elaborated and explained based on a cultural level.

Even though culture has proven to have a huge influence in language learning, many teachers find it difficult to integrate cultural teaching into language teaching by identifying several problems such as "[T]ime consuming, not having enough knowledge about culture and the hardship in dealing with students' attitudes." (Ferraro, 2004, p. 358) The fact that these problems exist does not mean that they should be ignored and be used as excuses not to integrate culture, especially after being aware of its importance. "The area of what constitutes culture is poorly defined, and courses offered in universities on culture or civilization generally lack a foundation in theory and research." (Stern, 1981). According to this quote, the first step that teachers should do is try to define culture appropriately and fully understand what it means, which would make it easier to choose the adequate syllabus that would correspond to the curriculum. So, the answer to the problem of not knowing enough about culture would be to try and find out more about it.

Teacher's knowledge about culture is very important as the way he/she will present it can have an impact on students. Teachers should be very careful in this direction and work on removing any stereotype or prejudgment which students might have formed about the culture being taught. It would be very helpful if some insights are given about what culture means and not start directly by introducing cultural themes. "As students are introduced to the target culture, they need to learn to expect differences and eventually to understand and appreciate their logic and meaning." (Hadley, 2001, p. 360) This means that students need to be prepared for what they are going to be taught. Another way of dealing with students' attitude towards culture is to use "The Frankenstein Approach: A taco from here, a flamenco dancer from there, a gaucho from here, a bullfight from there." (Hadley, 2001, p. 360) This approach will offer students a variety of cultures and by teaching these elements the importance of accepting differences can be stressed and students will be exposed to more than one culture and will be able to compare and contrast.

Considering that it is still arguable what aspects of culture should be included in the syllabus and teachers are often skeptical in this direction, it is crucial that a balance of what is taught should be made and avoid both the teacher's and students' biases. "Becoming aware of our own biases and helping students to recognize theirs are thus important first steps in teaching for cultural understandings in our classroom." (Ferraro, 2004, p. 368) Non-native teachers of English should be very careful when it comes to discussing certain cultural issues in a classroom environment. Presenting only one point of view may lead to misunderstanding and may not show the whole reality of that culture. Helping students find out what their biases are can be achieved if a balance of the elements that we include is made. For instance, when focusing on religion and not including all religions that are part of that culture, students are not offered the reality that people belonging to that certain culture share different religious beliefs. If students are guided into accepting intra cultural differences, it will be easier for them to accept the intercultural ones. The idea of intra cultural differences leads to the subcultures which should not be left aside. "The decision about what to include in cultural lessons must ultimately rest with the teacher, who must balance the various viewpoints presented in this section with the practical realities of his or

her instructional situation." (Hadley, 2001, p.373) The inclusion of subcultures, not only the dominant culture, gives more options to the students and offers them more than one point of view. By doing this, teachers stress the importance of differences and the importance of respecting these differences.

Teachers should be free to experiment with different strategies for teaching culture as long as it is integrated appropriately. "In designing activities for cultural instruction, it is important to consider the purpose for the activity as well as its usefulness in teaching language and culture in an integrative fashion." (Hadley, 2001, p. 374) Thus, taking into consideration the objectives that need to be achieved with a certain activity and weigh the advantages of using that specific activity is crucial. Lafayette (1978, 1988) generates 9 suggestions about integrating language and culture, with the integration of the four language skills being one of the most useful. A good way to use the integrated skills approach in teaching culture is when teaching vocabulary about food. If students listen to a recording of native speakers talking about food and then discuss about it, it will enhance both their listening and speaking skills by teaching a certain aspect of culture. Furthermore, if students are asked to write down sentences by using the new words they have listened to and discussed about, they will have the chance to develop their writing skills. This activity could be followed by getting students to read their friend's sentences which will enhance their reading skills. Integrating the skills is a very helpful approach when teaching culture as it enables students to become acquainted with a certain aspect of culture in a complete, meaningful setting. Other points we can consider when teaching vocabulary are "connotations" and the use of "realia" or illustrative textbooks. (Lafayette, 1978, 1988) Visualization is very important especially when teaching culture. Using realia can also make the lesson very interesting especially when it is done with young children when introducing new vocabulary which is done by using real things that students are familiar with.

Another activity that can be very helpful for teaching culture is the "Native informant" which can serve as a model for students. Even though students get to hear native speakers in their CD attached to their books, having a native person in the classroom and initiating a face-to-face interaction is much more valuable. When using this kind of activity, teachers should take into account Galloway's tips for a successful encounter with the native informant. This activity includes three phases such as "previsitation", "during visitation" and "post visitation". The first phase which includes arranging with the native speaker in the community and preparing everything so that it results successfully is very important. Having students brainstorm about questions they would like to ask to the native speaker is a very useful pre-activity as it encourages them to find out more about the place where he/she lives. Thus, students get the chance to explore culture on their own. Considering that they will address a native speaker, they will try to be more accurate in the language they will use, as they would want to present themselves in the best light. In this case, the learning of language and culture is interwoven as students try to use accurate language and get first-hand information about the culture of the person, whose language they speak. The previsitation activity can be very important in teaching students the values, norms, beliefs and especially taboos of that culture so that they prepare appropriate questions. Considering that testing cultural understanding is crucial to cultural integration according to Lafayette (1978, 1988), postvisitation offers an evaluation of this cultural experience and enables the teacher to assess students' understanding based on the answers they have received. Students' reaction to the interview in a written form will reflect students' understanding

of culture. This activity can also be used by the teacher for further clarification if he/she concludes that some students have not fully understood certain cultural elements or do not know the connotations behind certain words used by the speaker.

Authentic materials are very useful when it comes to teaching culture. Authentic materials reflect experiences of people belonging to the culture being taught. "In fact, one infrequently discussed liability of authentic materials is that they assume no intercultural dialogue and can only be effective (as far as the teaching of culture is concerned) with a help of interculturally sophisticated instructor" (Moorjani and Field, 1988, p.26) According to this quote, authentic materials should be followed by the instruction of an expert because they do not offer the contrastive process of two cultures. It should be argued that authentic materials represent situations or experiences that students would normally encounter in their everyday life if they immigrated to that specific culture. Therefore, students should be exposed to these kinds of materials as they learn about culture because it ensures them a preparation and training when they will need to put their knowledge of culture and language into practice. If a teacher is familiarized with a culture that he/she is teaching and prepares the lesson by focusing on the purpose and usefulness of the activity, it should not be out of his/her competences to instruct if authentic materials are involved. Moreover, the teacher can ensure intercultural communication by using authentic materials. For instance, if the teacher is going to present an article posted in one of the daily online newspapers in an English-speaking country, firstly, he/she can initiate a discussion by asking students about what they are accustomed to reading in their home online newspapers. This would involve the contrastive element after reading the article, which might lead to a post-reading discussion. For a teacher to be successful in teaching culture he/she should take into account students' first culture in order to find out what cultural values and norms belonging to their culture encourage or prevent students' learning. "The ESF/EFL teacher is primarily concerned with cultural considerations that have a direct impact on his/her students' ability to learn and do their best in a second language and in a second culture environment." (Hinkel, 2001) If a teacher is supposed to design a lesson plan that would integrate culture into language teaching, he/she should take into account students' first culture and set lesson objectives that correspond to students' norms and behaviors according to their culture. Thus, if students come unprepared in class after being required to read the material at home, it may be of several reasons which might be determined by their cultural norms or values.

Finally, culture can be considered as an inseparable part of language learning. It is the means that defines the way how many linguistic features can be used in a cultural context. Learning language for its own sake by not including culture but only the linguistic elements would result in an incomplete language learning. "The complexity of teaching culture lies in the fact that, unlike speaking or writing, culture does not represent a separate domain of L2 instructions; instead, the learning of the L2 culture makes learners better communicators." (Hinkel, 2001) This means that culture goes together with the language, and they cannot be considered as separate units. Culture 1 explains the ways in which students behave in a classroom environment and the learning of culture 2 can help students engage in a meaningful setting when using the target language outside the classroom. Culture is the key to explaining vocabulary, the equivalent of which cannot be found in L1. Culture also serves as a tool for ensuring fluency as by learning the cultural norms, values and beliefs, patterns of expressions which are closely linked to a certain value or belief can be learned. A

second language is learned in order to enable contact and communication with people who speak that language. Therefore, the fact that culture deals with the way people behave when socializing or interacting with others, it is logical that language taught without the integration of culture would be insufficient. Teacher's duty is to offer a complete process of teaching by integrating culture as an element that would enable the communicative use of language when exposed to the cultural norms and values. One can fully comprehend another language when he/she understands the behavior, beliefs, norms, and values it was built upon.

REFERENCES

1. Erickson, F. (1997). Culture in society and educational practices. In J.A. Banks & C.A.M Banks (Eds.), *Multicultural Education: Issues and Perspectives* (3rd ed., pp.32-60). Boston: Allyn and Bacon
2. Ferraro, G. (2004). *Cultural Anthropology: An Applied Perspective* (fifth edition), Toronto, ON: Thompson Wadsworth
3. Hadley, A. O. (2001). *Teaching language in context* (pp. 116118). Boston, MA: Heinle & Heinle.
4. Hanna, B. E., & de Nooy, J. (2009). *Learning language and culture via public internet discussion forums*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
5. Hinkel, E. (2001) *Building awareness and practical skills to facilitate cross-cultural communication*.
6. Kostikova, L. P, Prishvina, V. V., Ilyushina, A. V., Fedotova, O. S., & Belogurov, A. Yu. (2018). Culture in Teaching English as a Foreign Language. *Proceedings of the 2018 International Conference on Culture, Education and Financial Development of Modern Society (ICCESE 2018)*. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 205, 13-17. doi:10.2991/iccese-18.2018.4.
7. Parson, T. (1949). *Essays in Sociological Theory*. Glencoe, IL.
8. Sowden, C. (2007). Culture and the good teachers in the English language classroom. *ELT Journal*, 61 (4), 304-310.
9. Wardhaugh, R. (2010). *An introduction to sociolinguistics*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
10. Zhang, Y. L. (2007). Critique on the four levels of cross-cultural awareness. *Sino-US English Teaching*, 4 (12), 26-28

Махотина Анастасия СергеевнаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ И РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

Аннотация. В статье рассмотрены методы внедрения воспитательной и развивающей составляющих в образовательный процесс начальных классов, проанализирована их возможная эффективность; проанализирован потенциал иностранного языка как воспитательного и развивающего компонента разностороннего развития школьников начальных классов.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, воспитательный потенциал иностранного языка, развивающий потенциал иностранного языка, реализация воспитательного потенциала иностранного языка, реализация развивающего потенциала иностранного языка.

EDUCATIONAL AND DEVELOPING POTENTIAL OF A FOREIGN LANGUAGE AND WAYS OF ITS REALIZATION IN PRIMARY SCHOOL

Abstract. The article considers the methods of introducing educational and developmental components into the educational process of primary school, analyzes their possible effectiveness; analyzes the potential of a foreign language as an educational and developmental component of the versatile development of primary school students.

Keywords: teaching a foreign language, educational potential of a foreign language, developing potential of a foreign language, realization of the educational potential of a foreign language, realization of the developing potential of a foreign language.

Иностранный язык в школах изучается с младших классов - в это же время начинается формирование личности ученика, его активная социализация, развитие дисциплины и понимание правил поведения с людьми вне семейного круга.

В отличие от традиционного общества современный мир выдвигает множество требований к человеку, подавляющее большинство которых относится к его интеллектуальным способностям. К моменту поступления в школу дети проходят процесс только первичной социализации, что потенциально может оказаться недостаточным для успешной интеграции в общество.

Иностранный язык к настоящему моменту прочно укрепился в системе российского образования: изначально его начали преподавать в высших учебных заведениях, затем в старших классах школ. Как известно, детский мозг, благодаря любопытству ребёнка, гораздо быстрее адаптируется к новым дисциплинам

и усваивает внушительный процент информации в игровой форме, поэтому было решено начать обучать иностранным языкам детей младшего школьного возраста. Согласно постановлению Совета министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков» от 27 мая 1961 года, было принято решение о создании спецшкол и написании новых учебных пособий по иностранным языкам, обучение которым теперь велось с начальных классов школы.

Современное школьное образование продолжается 9 (основное общее образование) или 11 (полное среднее образование) лет, в течение которых учащиеся изучают иностранный язык. Таким образом, к моменту выпуска из общеобразовательной организации, школьники владеют языком на уровне B1 (threshold), что даёт им возможность как дальнейшего самостоятельного изучения языка, так и поступления в высшие учебные заведения на языковые/требующие владения языком специальности, которые, в свою очередь, являются более перспективными и высоко ценятся в обществе.

Изучение иностранного языка, как и любая человеческая деятельность, преследует определённую цель. Среди множества возможных целей обучения можно выделить ряд основных: общие (коммуникация, бытовое использование языка), академические (касающиеся вопросов обучения) и специальные (язык изучается с определённой стороны, делается упор на специфическую лексику какой-либо конкретной сферы: медицина, химия, математика).

На всех этапах обучения также преследуются определённые цели: учебная (формирование иноязычной коммуникативной компетенции), воспитательная (духовно-нравственное или идеалистическое воспитание) и развитие (формирование определённых навыков и черт характера).

Такие цели обучения как развитие и воспитание наиболее актуальны и эффективны именно в младшем школьном возрасте. Изучение иностранного языка положительно сказывается на развитии памяти, критического и творческого мышления, коммуникативных способностях. Дети не сопоставляют новый материал с ранее изученным (привычным), им не требуется переучивание. Они с детским любопытством усваивают новую информацию, не отвлекаясь на рефлексию, а полагаясь на авторитет учителя. Преподаватель, отталкиваясь от темы урока, может напрямую влиять на формирование системы моральных ценностей школьников, их убеждений и мировоззрения.

Понятие иноязычной коммуникативной компетенции включает в себя ряд взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Среди них можно выделить:

- » Языковая компетенция (лингвистическая) определяется способностью использовать языковые средства как инструмент общения и выражения человеком своих мыслей;
- » Речевая (дискурсивная) компетенция связана со способностью общения на иностранном языке;
- » Социально-культурная компетенция подразумевает владение культурой не только родного языка, но и изучаемого;
- » Компенсаторная компетенция также используется во время общения и даёт возможность восполнять пробелы в знаниях с помощью уточнений и переспроса;
- » Учебно-познавательная компетенция позволяет обучаться и заниматься самообразованием.

Таким образом, иноязычная коммуникативная компетенция – это способность и готовность использовать иностранный язык как средство общения. Важно отметить, что иноязычная речевая компетенция прочно связана с владением речью и на родном языке, что позитивно сказывается на развитии ребёнка младшего школьного возраста.

В силу разнородности и всевозможности учебных процессов во время обучения иностранному языку, его развивающий потенциал касается также и творческих способностей школьников. Прохождение какой-либо темы может сопровождаться творческим заданием, будь то написание рассказов/стихотворений, рисование плакатов/стенгазет, выступление с песней на иностранном языке. Детский возраст является периодом, когда наиболее заметен потенциал и тяготение к какому-либо виду творческой деятельности, так как интерес к новой активности часто способен перебороть стеснительность, страх неудачи или ощущение собственной неопытности. Эти задания могут быть выполнены учениками по собственному желанию и оцениваться дополнительными, премиальными баллами, или же в случае их низкого уровня сложности быть обязательными к исполнению. В обоих случаях обучение иностранному языку будет выступать в качестве инструмента развития творческих способностей учеников.

Интерес школьников к культуре других стран также является мотивационным фактором к изучению иностранного языка, так как доступ к интересующим материалам открывается только путём пополнения словарного запаса, изучения новых грамматических конструкций и развития навыков каждого вида речи (говорение, письмо, аудирование и чтение).

Социокультурный компонент обучения иностранному языку имеет большой потенциал не только в плане расширения кругозора учащихся, но также положительно влияет на их умственное развитие в целом, формируя знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации и развивая умения вербального и невербального поведения. Обучаясь этому с младшего школьного возраста, учащиеся эффективнее усваивают более сложный материал, преподаваемый в средней/старшей школе, что, в свою очередь, влияет на эффективность и результативность школьного образования к моменту выпуска из учебной организации.

В силу того, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции подразумевает не только лингвистический, но и социально-культурный компонент, обучение иностранному языку имеет огромный воспитательный потенциал.

Немаловажное значение имеет когнитивно-познавательный компонент обучения иностранному языку. На занятиях по иностранному языку ученики, начиная с начальной школы, вынуждены справляться с множеством вариантов заданий и учебной активности, где необходимо применять разнообразные подходы к их выполнению и использовать сторонние источники. Как следствие, школьники привыкают эффективно использовать подручные материалы и гаджеты, быстро находить необходимую им информацию – все это положительно сказывается на умственном развитии учащихся.

Во время занятия ученики сталкиваются с необходимостью выражения собственного мнения о затрагиваемой теме урока проблеме/ситуации, что не только положительно влияет на формирование навыков критического мышления, но и даёт возможность сопоставить свои взгляды с общепринятыми

нормами. Учитель, в свою очередь, контролирует этот процесс, корректируя при необходимости мировоззрение учеников и влияя на создание адекватной системы нравственных ценностей ученика.

Именно поэтому воспитательный потенциал обучения иностранному языку наиболее важен для школьников младшей ступени: в этом возрасте возможно скорректировать поведение и мышление ребёнка, не нанося ему при этом психологический урон, так как данный процесс на этом этапе личностного развития протекает естественно и не требует «переключения» с привычных установок, с которыми человек прожил много лет, так что с общепринятыми нормами поведения и морали ребенок свыкается быстро, постепенно избавляясь от возможных в этом возрасте девиантных наклонностей, которые не смогли должным образом скорректировать родители.

Выполнение большинства заданий на уроках иностранного языка подразумевают коллективную форму взаимодействия (работа в парах, микрогруппах), что положительно влияет не только на развитие навыка работы команды, но и воспитывая в учениках такие немаловажные качества как взаимопомощь, взаимоподдержка и уважительное отношение как к товарищам по команде, так и соперникам во время игр/дискуссий.

Воспитание – непрерывный объективный процесс, формирование личности никогда не останавливается и не поддается полному контролю извне. Задача учителя заключается в использовании иностранного языка как инструмента воспитания, давая ученикам представление об общепринятой системе морали и нравственности, а затем корректируя их рассуждения.

Посредством обучения иностранному языку ученик приобретает ряд необходимых в современном мире качеств, таких как:

- » Толерантность – во время изучения культур зарубежных стран у детей формируется уважительное отношение к их представителям, так как, в силу детского возраста, разница в традициях и культурных особенностях родной страны и страны изучаемого языка не кажется им отторгающей или «чужой», а наоборот, неизведанной и любопытной. Как итог – ученики, которые с раннего детства изучают особенности других народов, наиболее готовы к диалогу культур и межкультурной коммуникации;
- » Усвоение правил поведения в обществе и речевого этикета – в качестве практики устной речи на занятиях школьники моделируют речевые ситуации, основанные на разнообразных случаях, возможных в реальной жизни – от бытовых до критических – а учитель, в свою очередь, выступает в качестве медиатора, направляя ход развития диалога и следя за корректностью высказываний каждого собеседника. Во время выполнения подобных заданий ученики работают в парах или группах, что даёт возможность педагогу контролировать их межличностные отношения, не допуская возникновения конфликтных ситуаций внутри учебного коллектива или унижения достоинства кого-либо из учащихся, тем самым формируя уважительное отношение к окружающим;
- » Дисциплинированность – каждое занятие по иностранному языку включает в себя как усвоение нового материала, так и практику всех видов речевой деятельности, что делает необходимым соблюдение дисциплины. Важно отметить, что обучение иностранному языку в

начальных классах имеет потенциал развития самодисциплины и самоконтроля учащихся, так как поддерживаемый учителем интерес к предмету служит мотивационным фактором для самообразования учеников, формируя его познавательную активность.

Таким образом, уделяя должное внимание реализации воспитательного потенциала обучения иностранному языку, учитель имеет возможность способствовать «развитию самосознания обучаемого как культурно-исторического субъекта и его роли как субъекта диалога культур» (В.В. Сафонова) и помочь ученикам начальных классов сформировать в себе весь спектр необходимых современному человеку качеств, что положительно скажется на их дальнейшем обучении и будущей жизни в качестве достойных членов социума.

Рассматривая пути реализации воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка для учеников именно младшего школьного возраста, необходимо уделить особое внимание психологическим особенностям данного периода развития ребенка, характерному виду их мышления и возрастной предрасположенности к определенным формам учебной деятельности.

Важно отметить, что в силу детской психологии, знания об окружающем мире гораздо эффективнее усваиваются в игровой форме, когда акцент деятельности приходится не на сам момент изучения чего-либо, а на игровую/развлекательную составляющую образовательного процесса. Именно такой позиции придерживалась И. Н. Верещагина, выделявшая игру как один из самых перспективных методов реализации воспитательного потенциала иностранного языка для учащихся младшего школьного возраста. Во время игрового процесса ученики имеют возможность отработать произношение, а также активизируются творческие и мыслительные способности. Немаловажным фактором является то, что дети воспринимают игры в качестве развлечения, а не обучения, что делает этот процесс увлекательным и интересным, повышая мотивацию школьников к изучению иностранного языка. Помимо этого, игровой процесс снижает уровень стресса у детей, что положительно сказывается на их готовности к дальнейшей речевой деятельности и снижает вероятность появления страха использования иностранного языка как средства коммуникации.

Отсюда следует, что одним из наиболее эффективных путей реализации воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка для учеников младшей школы может быть проведение ролевых игр, имеющих в своей основе изучаемые на данный момент темы. Например, изучая тему «Времяпровождение на каникулах», предложенную «Примерными программами по иностранному языку», можно предложить ученикам разыграть в парах некую сцену, при которой ученики либо вместе идут в театр, либо неожиданно встречаются там. В ходе такой ролевой игры реализуется воспитательный и развивающий потенциал урока иностранного языка: развивающий потенциал реализуется посредством практики устной речи на изучаемом языке и изучения тематической лексики; воспитательный потенциал реализуется при правильном поведении учеников во время моделирования ситуации, то есть соблюдения правил поведения в общественном месте и речевого этикета. В случае ошибочного выбора учеником модели поведения, учитель имеет возможность корректировать происходящее, направляя учеников в нужное русло и формируя их нравственный облик.

Высокую эффективность реализации воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка имеет использование на уроках кейс-метода.

Кейс-метод – это метод ситуационного анализа, который предполагает решение учениками определенной проблемы, затронутой в предоставленном материале (фильме, литературном произведении, устном описании ситуации). Например, ученикам предлагается текст детской сказки, где между персонажами произошел некий конфликт. После знакомства с кейсом дети обсуждают прочитанное, и с помощью учителя и групповой дискуссии находят причину конфликта героев (к примеру, грубое поведение одного из них). Учитель предлагает детям проанализировать ситуацию кейса, найти возможные пути разрешения конфликта героев. Таким образом, помимо практики речевой деятельности, данный метод положительно сказывается на формировании у детей критического мышления, умении выстраивать причинно-следственные связи, а также расширяет их кругозор посредством знакомства с, к примеру, новым для них литературным произведением. Немаловажен и воспитательный компонент кейс-метода, так как анализируя ситуацию героев произведения, дети формируют собственные выводы о правилах межличностного общения, нормах поведения и способах избегания/разрешения конфликтных ситуаций.

Высокую эффективность реализации воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка показывает метод сторителлинга (от англ. storytelling- рассказывание историй). Впервые это понятие было использовано в 1992 году Д. Армстронгом, однако метод обучения иностранному языку через рассказывание историй впервые был предложен в 1990-х годах Р. Блэйном. Данный метод основывается на презентации учащимся текста на иностранном языке, и определяется как технология воздействия на людей с разными целями через тексты, облеченные в форму увлекательных историй. Сторителлинг гораздо эффективнее воздействует на учеников младшего школьного возраста, так как они находятся ближе всего к тому возрастному периоду, где сказки и выдуманные истории являются привычным способом получения информации. Сторителлинг как метод обучения способен эффективно развивать восприятие учениками речи на слух и помогать в изучении новой лексики. Также посредством выбора определенной темы истории учитель имеет возможность проведения воспитательной работы с учениками, разбирая нюансы поведения персонажей (формирование нравственного облика) и включая в историю сведения о зарубежной культуре/традициях (расширение кругозора). Наиболее важным моментом при работе с методом сторителлинга выступает подбор материала – «нужен специальный подбор текстов, опирающихся на знание учащимися в целом предмета речи, но предусматривающий в то же время элемент новизны» (И.Л. Бим).

Спектр возможных для модификации под использование на уроках иностранного языка общеизвестных игр крайне широк: например, популярная детская игра «горячая картошка» имеет большой воспитательный и развивающий потенциал. Если задать в качестве условия «как можно быстрее назвать слово, касающееся изучаемой темы», то в процессе игры дети не только будут активно использовать новую лексику, пройденную во время урока, но и развивать скорость реакции и способность быстро принимать решение в условно экстренной ситуации.

Для учеников начальной школы можно использовать модифицированную версию классических пазлов, где вместо частей изображения на карточках размещены элементы пройденных грамматических конструкций, которые

необходимо расставить в верном порядке и/или убрать со стола лишние части - такая игра активно развивает память и критическое мышление.

Развивающим потенциалом обладает также известная игра «лото»: в начале игры детям раздаются карточки со словами на иностранном языке, а затем ведущий в хаотичном порядке достает из мешочка буквы, изображенные на карточках или кубиках. Таким образом, учащиеся развивают внимание, запоминая при этой правильное написание пройденных на занятиях новых слов.

Таким образом, подбирая наиболее эффективные пути реализации воспитательного и развивающего потенциала иностранного языка в начальных классах, следует уделить особое внимание проведению уроков в игровом формате, встраивая в процесс любимых детьми игр учебную составляющую, а также на возможность применения методов, требующих погружения в вымышленную ситуацию и ее последующего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багрецова Н.В. Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-klyuchevye-aspekty> (Дата обращения: 16.05.2022)
2. Белкина, В. Н. Психология раннего и дошкольного детства : учебное пособие для вузов / В. Н. Белкина. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 170 с.
3. Ильин, М.С. Основы теории упражнений по иностранному языку/ Под ред. проф. В. С. Цетлина. М., «Педагогика», 1975. – 152 с.
4. Примерные программы по иностранному языку (Английский язык) [Электронный ресурс] // URL: https://www.titul.ru/uploads/journal/8/Journal_08_4_33.pdf (Дата обращения: 15.11.2021)
5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. – М.: Высшая школа; АМСКОРО-ИНТЕРНЕТНЛ, 1991. – 311 с.
6. Стайнберг Д. 110 игр на уроках английского языка / Дж. Стайнберг; Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 124, [4] с.
7. Степанова О.В. Особенности развития мышления у детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-myshleniya-u-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta-1> (Дата обращения: 15.05.2022)

Шарандин Анатолий ЛеонидовичТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РКИ

Аннотация. Актуальное членение предложения рассматривается в контексте знаний носителя языка, которые сориентированы на функциональные и деятельностные возможности изучающего русский язык как иностранный. Поэтому формирование и овладение коммуникативными компетенциями оказываются в центре изучения русского языка. Они находят отражение в актуальном смысловом членении высказывания. Языковой подход к предложению связан с его грамматическим членением. Представлен вопрос о соотношении актуального и грамматического членения предложения с позиций его представления как антиномии, которая включает определение актуального членения в аспекте языка (синтаксиса) и коммуникации. На основе актуального членения рассматривается вопрос о статусе и функционировании девербативов и их роли в тема-рематической структуре высказывания и тексте.

Ключевые слова: язык, коммуникация, актуальное членение предложения, тема и рема, грамматическое членение, коммуникативное задание, диалог, девербатив.

ACTUAL SENTENCE DIVISION AS AN OBJECT OF RCT STUDY

Annotation. The actual division of the sentence is considered in the context of the knowledge of a native speaker, which is oriented to the functional and activity capabilities of the learner of Russian as a foreign language. Therefore, the formation and mastery of communicative competencies are at the center of learning the Russian language. They are reflected in the actual semantic division of the utterance. The linguistic approach to a sentence is related to its grammatical division. The question of the correlation of the actual and grammatical division of the sentence is presented. This question is explained from the standpoint of its representation as an antinomy, which includes the definition of the actual division in the aspect of language (syntax) and communication. On the basis of the actual division, the question of the status and functioning of deverbatives and their role in the thematic structure of the utterance and the text is considered.

Keywords: language, communication, actual sentence division, topic and rhema, grammatical division, communicative task, dialogue, deverbative.

Как известно, системной особенностью русского языка как иностранного (РКИ) является практико-ориентированный подход к его изучению. В наибольшей степени он находит реализацию в направлениях, которые связаны с функциональными аспектами описания языка и речи (см.: А.В.Бондарко, М.В.Всеволодова, В.Ю.Копров, А.Мустайоки и др.). Важнейшим фактором, определившим данные аспекты, стало рассмотрение коммуникации в качестве центрального объекта изучения и описания русского языка. Именно она обуславливает реализацию основных функций языка и подлежит познанию с позиций, прежде всего, развертывания в ней мыслительных структур, отраженных посредством языковых репрезентативных средств. Выбор этих средств определяется целями носителей языка, их прагматическими установками. В этом случае на первый план выдвигается изучение знаний носителя языка, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, в большей степени сориентированных на функциональные и деятельностные возможности носителя языка. Поэтому формирование и овладение коммуникативными способностями оказываются в центре изучения русского языка как родного, так и неродного. Данные способности в наибольшей степени проявляются в функционировании синтаксических единиц, прежде всего предложения как законченной и оформленной мысли. Поэтому не случайно долгое время считалось, что именно предложение представляет собой коммуникативную единицу. Однако в последнее время такая позиция стала подвергаться уточнению в связи с противопоставлением языка и коммуникации. Дело в том, что они, будучи неразрывно связанными, не оказываются полностью тождественными. Коммуникация включает в себя язык как основное средство общения, но не исчерпывается им. Наряду с языковыми средствами в коммуникации представлены и невербальные средства (мимика, жесты и т.д.), которые в коммуникативном плане порой оказываются не менее значимыми для осуществления коммуникативных задач и точного, адекватного осмысления передаваемой информации. В результате сегодня получает все большее распространение позиция тех исследователей, которые видят в синтаксисе один из компонентов коммуникации, но не сводят к нему ее сущность. Так, по мнению С.Г.Ильенко, «нельзя считать приемлемой распространенную формулировку «синтаксис – коммуникативный уровень языка» (Ильенко 2009, с. 26). Дело в том, что коммуникация представлена коммуникативным актом, в котором участвуют и говорящий, и слушающий. Поэтому в коммуникации главное – это отражение отношений между говорящим и слушающим (автором и читателем). Именно эти отношения, на наш взгляд, обуславливают рассмотрение коммуникации не как одного из наиболее высоких уровней языковой системы, а как пространства, которое интегрирует в себе структурные языковые уровни. В этом смысле синтаксис с его основной единицей (предложением) также является интегративным уровнем, включающим в себя фонетику, лексику и морфологию, но при этом, в свою очередь, оказывается интегрированным в коммуникативное пространство в качестве одного из важнейших компонентов коммуникативной единицы, представляющей данное пространство. В качестве такой коммуникативной единицы выступает, в частности, диалогическое единство, представляющее наиболее простую структурную организацию коммуникации и отражающее коммуникативный акт. Диалог демонстрирует не столько формирование и законченность мысли, что присуще предложению как единице синтаксиса, сколько ту форму речевого взаимодействия двух или нескольких лиц, которая по существу определяет собственно коммуникацию, представляя ее в

наиболее естественном виде. Поэтому диалог оказывается единицей общения, единицей текстового уровня, а не собственно синтаксического. Как отмечает С.Г.Ильенко, «коммуникация осуществляется не отдельными предложениями-высказываниями, а их содружествами» (Ильенко 2009, с. 20). При этом важно иметь в виду, что в коммуникации присутствует не только данное содружество как ее структурная составляющая, имеющая языковое выражение, но и то, что оказывается за пределами коммуникативной единицы и представлено контекстом, включающим экстралингвистическую информацию (когнитивно-дискурсивный контекст). И в этой интегративном единстве структурные единицы (высказывания) и контекст осуществляют реализации коммуникативной функции в целом. Более того, диалог делает полноценными коммуникативными единицами такие высказывания, как нечленимые в структурно-семантическом плане высказывания типа Ах! Ой ли?! В них в большей степени представлена реакция на что-либо. И поэтому вне ситуации они оказываются неполноценными, несамостоятельными, что и позволяет считать их ситуативно-зависимыми высказываниями. Однако человек способен включать ситуативно зависимые (нечленимые) высказывания в процесс коммуникации на правах компонентов коммуникативного акта, в котором представлены ситуативно независимые (членимые, структурно-семантические) высказывания. Именно это и определяет коммуникативный потенциал нечленимых высказываний с позиций говорящего и слушающего, которые включаются в коммуникативную ось Я – Ты. По мнению С.Г.Ильенко, «в практике человеческого общения коммуникативная функция может реализоваться и без синтаксической организации как таковой – за исключением интонационной оформленности, которая в случаях типа Вот еще!, Неужели?, Ах!, Нет и т.п. оказывается средством, придающим данной знаковой последовательности характер высказывания, единицы коммуникации. Фактически лишенные синтаксической организации, такие высказывания, однако, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение и т.д.» (Ильенко 2009, с. 14-15). Принципиальное различие между членимыми и нечленимыми предложениями в том, что они имеют разную природу своего формирования. Понятие предикативности наиболее полно раскрывается и реализуется в ситуативно независимых (членимых) высказываниях, т.е. в предложениях структурно-семантического типа. По отношению же к ситуативно зависимым (нечленимым) высказываниям данное понятие по существу нерелевантно, поскольку отсутствие структурной организации в этом типе высказываний не позволяет соотнести содержание высказывания к действительности с позиций модальности, времени и лица, которые имеют грамматическую природу и определяют сущность предикативности. Вследствие этого данные высказывания коммуникативны, но не предикативны. Поэтому необходимым и неотъемлемым свойством любого предложения является его коммуникативное, смысловое членение, которое чаще всего определяется более однозначным термином «актуальное членение предложения». Данное название обусловлено тем, что характер передаваемой информации неоднозначен. В ней можно выделить актуальную, наиболее значимую часть для коммуникативного акта, которая составляет суть коммуникации, и ради сообщения данной информации строится высказывание. Учение об актуальном членении предложения, как известно, создано чешским ученым В.Матезиусом в 20-30-е годы XX века. Он определил основные понятия и термины учения об актуальном

членении. Сущность его в бинарности, т.е. в членении на две части – «ядро» и «основу». Ядро высказывания - это его тема, это исходная информация, то, о чем сообщается. Основа – это уже то, что сообщается, то, что вносит новое в раскрытие темы (Матезиус 1967) В настоящее время не установилась единая терминология в отношении частей (компонентов) актуального членения. В лингвистической литературе в значении исходного и в значении нового, актуального в сообщении употребляются различные термины (в зависимости от разных подходов к данному явлению): психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, данное и новое, тема и рема, основа и предиктируемая часть и др. В принципе и термин «актуальное членение» не единственный. Употребляются и другие термины: коммуникативное членение, смысловое членение, контекстуальное членение, функциональная перспектива предложения и др. Однако наиболее употребительным является термин «актуальное членение предложения», в качестве компонентов (частей) которого используются термины «тема» и «рема». Термин «рема» греческого происхождения, который имеет значение «рассказ». Исследователи отмечают 3 признака темы и ремы. Признаки темы: 1) это исходный пункт высказывания, отправная точка для передачи актуальной информации; 2) тема актуально менее значима, чем рема. Поэтому она может отсутствовать, например, в неполных предложениях: Что слава? Без следа мелькнула и погасла... (С.Кирсанов); 3) тема – это та часть предложения, которая часто предопределяется предшествующим текстом. Ср.: Пусть я кого-нибудь люблю; Любовь не красит жизнь мою (М.Ю.Лермонтов). Соответственно при определении ремы отмечаются следующие признаки: 1) рема содержит то, что сообщается о теме; 2) рема актуально более значима, чем тема. Поэтому предложения без ремы не может быть; 3) рема является носителем нового. Важным понятием в учении об актуальном членении предложения является понятие коммуникативного задания, поскольку оно в значительной степени определяет актуальное членение и тем самым формализует его. Особенно ярко и непосредственно коммуникативное задание обнаруживается в вопросно-ответной форме диалога, где, по выражению Л.В.Щербы, «язык находит свое бытие». Здесь коммуникативное задание представлено, чаще всего, вопросительным предложением, а ответ, в форме повествовательного предложения, которое обычно дублирует содержание вопроса и сообщает то неизвестное, ради выяснения которого вопрос и был поставлен. Например: - А как ее зовут? - Ее зовут Бэлоу, - отвечая (М.Ю.Лермонтов). Выдвигая коммуникативное задание в качестве важнейшего фактора, обуславливающего актуальное членение предложения, следует отметить, что само это задание не является чем-то произвольным. В действительности оно всегда вытекает из речевого взаимодействия говорящего и собеседника. Когда предложение реально употреблено говорящим в речи, то оно выражает одно и только одно суждение, точно так же, как многозначное слово в конкретном употреблении реализует лишь одно из своих значений. В этом случае предложение с точки зрения актуального членения может быть расчленено только одним единственным способом согласно коммуникативному заданию. В другом контексте это предложение может выражать другое суждение и, следовательно, иметь иное актуальное членение. Ср.: - Что происходит за окном? - Ничего. Солнце светит, птицы летают. Здесь ответ представлен рематическими высказываниями. В тема-рематических высказываниях типа «Мы знаем, что солнце / светит, птицы / летают» характер коммуникативного задания

принципиално иной, ибо здесь речь идет о постоянных признаках субъектов, и коммуникативное задание определяет ответ именно на вопрос об этих признаках (типа «какими свойствами, признаками характеризуются солнце, птицы?»).

Важным в теории актуального членения представляется вопрос об отношении актуального членения к грамматическому членению предложения. И здесь можно выделить две основные точки зрения.

1. Актуальное членение автономно, оно представляет собой отдельное устройство в общем синтаксическом механизме. Так, по мнению В.А.Белошапковой, актуальное членение не соотносительно с грамматическим по следующим причинам: а) актуальное членение всегда бинарно, в то время как грамматическое членение предполагает какой угодно по количеству состав членов. Особенность актуального членения распространенных предложений в том, что тема и рема (или одна из них) бывают комплексными, объединяющими несколько членов предложения: *Алый свет вечерней зари / медленно скользит по корням и стволам деревьев* (И.С.Тургенев); б) актуальное членение в распространенных предложениях может быть многоступенчатым. В этом случае компоненты ремы, выделяемой на первом уровне членения, неоднородны по своей актуальной значимости, и рема членится дополнительно. Например: *Тонкие стволы берез / белели // резко и отчетливо*; в) за членами предложения не закреплены какие-либо определенные функции в актуальном членении: образовать тему и рему могут разные члены предложения. Хотя некоторая устойчивость закрепления, по мнению В.А.Белошапковой, существует: для подлежащего типична функция темы, для сказуемого – ремы, т.е. координированность актуального членения и грамматического членения есть, но только она прослеживается, как считает В.А.Белошапова, как общая тенденция и не имеет характера жесткой обусловленности (Белошапова 1997, с. 796-802)..

Думается, мнение В.А.Белошапковой об автономности актуального и грамматического членения не вполне учитывает те же особенности по отношению к грамматической (синтаксической) стороне предложения. Во-первых, в принципе бинарным является и грамматическое членение. Мы выделяем в предложении, прежде всего, грамматическую основу, а это не что иное, как выделение двух составов – подлежащего (и его группы) и сказуемого (и его группы). Особенность распространенных предложений также в комплексности основных компонентов грамматического членения (ср. группа подлежащего и группа сказуемого).

Во-вторых, многоступенчатым по существу является и грамматическое членение, ибо на первом уровне грамматического членения компоненты грамматической основы неоднородны по своей значимости в структуре предложения и членятся дополнительно (ср. также современную теорию актантов).

В-третьих, как за членами актуального членения не закреплены строго те или иные компоненты как средства их выражения, так и за членами грамматического членения не закреплены однозначно компоненты их выражения (ср. подлежащее может быть выражено и существительным, и инфинитивом и т.д.).

2. Вторая точка зрения предполагает рассмотрение актуального и грамматического членения как двух аспектов анализа предложения, которые не существуют автономно друг от друга, а взаимосвязаны друг с другом. Эта точка зрения была представлена в работах И.П.Распопова (Распопов 1981; 1970). По его мнению, любое предложение выражает не просто мысль, а сообщаемую

мысль. Поэтому оно богаче по своему содержанию и внешнему оформлению, нежели та или иная синтаксическая конструкция, которая представляет только фундамент того здания, которое должно быть еще достроено, чтоб стать в полном смысле слова предложением, т.е. коммуникативной единицей языка. И одним из существенных моментов такой достройки, считает И.П.Распопов, является установление особого соотношения между компонентами их состава, известное под названием актуального членения предложения. Дело в том, что предложение представляет собой не только набор словоформ, связанных между собой определенным образом. Предложение является и компонентом коммуникативной единицы, имеющей особое назначение – быть средством общения. Поэтому предложение передает ту или иную информацию, актуальную, важную для осуществления коммуникативного акта и правильной ориентации в действительности. Отрицание же взаимосвязи между актуальным и грамматическим членением может привести к выводу, что актуальное членение не является объектом изучения синтаксиса (Солнцев 1984, с. 10). Почему? Потому что если грамматическое членение и по средствам и по целям, по мнению В.М.Солнцева, остается в рамках синтаксиса, то актуальное членение только по средствам есть синтаксическая проблема, тогда как объект членения – выражаемое суждение – уже не является объектом изучения синтаксиса. Однако средства выражения не существуют сами по себе: они ведь средства выражения чего-то! Поэтому и важно определить их функции и назначение. В этом случае актуальное членение – это смысловое содержание предложения, а грамматическое членение – это форма или репрезентация его выражения. На наш взгляд, в отношении статуса актуального членения предложения как явления синтаксиса (в случае признания взаимосвязи актуального членения предложения и его грамматического членения) и как явления коммуникации (в случае признания автономности актуального членения и несводимости его к грамматическому членению) мы имеем антиномию. С одной стороны, предложение, являясь синтаксической единицей, закономерно приводит к взаимосвязи актуального членения предложения и его грамматического членения, поскольку предложение – это единица сообщения, единица сформировавшейся мысли. И в этом качестве смысл сообщения, его содержание предполагает использование средств выражения – наличие в составе высказывания лексических единиц, которые связаны между собой синтагматически и выступают в той или иной морфологической форме. В целом же синтаксические отношения между ними реализуются на основе категории предикативности, включающей грамматическую информацию синтаксических категорий темпоральности, модальности и персональности. Другими словами, грамматическое членение отражает структуру предложения, содержание которого сориентировано на грамматику. С другой стороны, актуальное членение высказывания автономно, поскольку это уже результат коммуникативного членения акта общения, содержание которого не сводится полностью к смыслу предложения, а учитывает информацию невербальных средств. Именно коммуникативная значимость включает в число синтаксических единиц и нечленимые высказывания, которые не имеют структурно-семантической организации, соотнесенной с коммуникативным членением. Данные высказывания коммуникативны по своей природе, вследствие чего их коммуникативная значимость зависит от характера общения коммуникантов. Поэтому в диалогическом единстве языковые единицы

представлены не изолированно друг от друга, а во взаимодействии друг с другом с учетом экстралингвистического контекста. В этом смысле актуальное членение оказывается результатом отношений говорящего и слушающего. Говорящий стремится активно использовать грамматические средства для реализации своего речевого замысла, а слушающий, находясь в пассивной позиции воспринимающего речь, исходит из анализа грамматических средств, чтобы понять смысл предназначенного для него высказывания. В результате диалог, как структурная коммуникативная единица, представляет собой связную речь. В качестве ее формально-организующего признака выступает обмен высказываниями, которые часто называются репликами. Именно они определяют коммуникативное задание, которое характеризует реплики с точки зрения выделения в них актуальной информации. Поэтому Л.В.Щерба охарактеризовал диалог как «цепь реплик», обеспечивающих связность диалогической речи. В качестве содержательного признака связности выступает информационная (смысловая) законченность того или иного диалогического отрезка в коммуникативном акте. Причем смысловая завершенность и полнота обмена информацией связана с экстралингвистическими факторами (паузы, жесты, мимика, ситуативные особенности). Минимально диалог может состоять из двух реплик, а максимально – из большего количества реплик, что позволяет диалогу иметь открытую структуру. Цепь реплик или их сочетание стали определять как «диалогическое единство» (Н.Ю.Шведова). Оно состоит из реплики говорящего и ответной реплики слушающего, т.е. отношения в диалогическом единстве чаще всего построены на вопросе – ответе. Однако данные отношения могут быть выражены не только вопросительным и, соответственно, повествовательным предложением, но и включать в качестве первой части диалогического единства реплику-побуждение, представленную побудительным предложением. В этом случае в качестве ответа оказывается реакция на побуждение, которое выражено побудительным предложением. Побудительные предложения, как компоненты диалогических единств, выражают несколько иную сущность коммуникации, цель которой воздействовать на слушающего, ожидая от него определенную речевую или физическую реакцию (определенное действие). Причем побуждение в диалоге может быть выражено не только побудительным предложением. Реакция может быть и на сообщение в форме высказывания, содержание которого связано с разъяснением слушающим своей позиции. Например: - Завтра мы идем в театр. – А я не могу пойти: у меня соревнования.

Таким образом, коммуникация может осуществляться не только ради обмена информацией, но и с целью воздействия на слушающего. Однако в том и другом случае важным оказывается восприятие актуальной информации. Это позволяет выделить виды диалогических единств: 1) вопрос – ответ; 2) побуждение – реакция на побуждение в виде его выполнения или отказа от выполнения; 3) сообщение в форме информирования или утверждения – реакция на сообщение в форме разъяснения, возражения, оценки и т.д.

Существенным моментом в изучении диалога является вопрос об особенностях речевых реплик, которые обусловлены, прежде всего, их актуальным членением. Учитывая ситуативный характер многих диалогов, обращает на себя внимание, что реплики представлены краткими и порой неполными высказываниями, содержание которых включает только ту часть, которая является непосредственным ответом на вопрос, т.е. рематическую

часть. Например: - Ты куда пойдешь после занятий? – На соревнования. – А ты? – В музыкальную школу. Об этой особенности писал Л.В. Щерба. Сложные предложения, по его мнению, абсолютно не свойственны репликам в диалоге: «ситуация, жест, выражение лица, интонация – все это настолько помогает взаимопониманию, что речь легко сводится к одному словечку» (Щерба 1957, с. 115-116).

Таким образом, актуальное членение отражает и синтаксическую сторону предложения, и собственно коммуникативную. В случае последнего компоненты актуального членения – тема и рема в большей степени оказываются свободными и автономными в отношении их связи с грамматическим членением. Однако в силу интегративного характера коммуникативной единицы, имеющей коммуникативно-дискурсивную природу своего формирования, грамматическое членение, присущее предложению как структурно-семантическому образованию, в той или иной степени присутствует в составе интегративной единицы.

На наш взгляд, на методологическом уровне коммуникативная интеграция в контексте антропоцентризма востребована как формат знаний, как инструментарий, позволяющий получить новые знания не только в сформировавшейся интегративной области, но и в рамках «старых» проблем, которые в этом случае получают развитие в плане их перспективного видения в решении исследовательских задач. Показательным в этом смысле является учение об актуальном членении предложения, которое демонстрирует наполнение синтаксического его осмысления новыми содержательными моментами, пониманием предназначения предложения как коммуникативной единицы, осознанием диалектических отношений между языком и коммуникацией, которые хотя и взаимно связаны друг с другом, но тем не менее представляют собой разные сущности.

В этом плане показательно мнение А.Мустайоки в отношении функционального подхода в лингвистике и коммуникативного метода обучения иностранным языкам. Он отмечает, что «содержательная близость» между ними «кажется такой очевидной, что как будто бы не нуждается в более детальном анализе. Действительно, их идейное сходство можно легко показать, используя антонимические понятия. Нефункциональное («дофункциональное», автономное, строго структуральное) языкознание уделяет внимание только языку как системе, без учета его употребления в речи, так же как в некоммуникативной («докоммуникативной») методике преподавания иностранных языков целью обучения было теоретическое знакомство с языком без особого интереса к тому, в какой мере учащийся в состоянии использовать языковые единицы в реальных ситуациях общения». В этом случае «цели обучения определяются уже не языковыми (формальными) понятиями, а единицами коммуникации» (Мустайоки 2006: 403-404).

Как показывают наблюдения, на основе актуального членения многие спорные вопросы могли бы получить новое и оригинальное решение. Например, чем обусловлено функционирование девербативов типа бег в русском языке, которые обычно рассматриваются как абстрактные существительные, хотя их абстрактность, да и сам статус как существительных, обозначающих предмет согласно традиционному определению этой части речи, строго говоря, вызывают некоторое сомнение, поскольку толковые словари не фиксируют понятия предмета в них. Поэтому тема-рематическое объяснение появления

и функционирования девербативов в высказываниях позволяет увидеть их функциональное назначение.

В русистике девербатив традиционно определяется как отглагольное существительное, называющее абстрактное действие, мотивированное глаголом, например, бег, чтение, борьба и т.д. По мнению Г.А. Золотовой, специфика девербатива заключается в том, что он соединяет в себе семантику глагола и категориальное значение существительного (Золотова 1982, 125).

Принципиально отличный взгляд на статус отглагольных образований типа бег мы находим в работах В.Г. Руделева. Используя динамический подход к частям речи, он считает, что взаимодействие глагола с существительным находит отражение в функционировании особых форм глагола – субстантивных (Руделев 1979).

Заинтересованность носителя русского языка в такой глагольной форме, как девербатив представляется особенно значимой для коммуникативного процесса, в котором исследователями выделяется особый аспект – номинализация. В результате девербатив оказывается основой для последующего рассказа о модально-временной ситуации как бы ужена на правах ее носителя (предмета мысли). Это и позволяет видеть в девербативе широкие функциональные возможности для использования его в тема-рематическом членении высказывания и использовании в текстовом аспекте.

Проиллюстрируем это на материале известного стихотворения А.С.Пушкина «Я вас любил». Первое его высказывание Я вас любил в тема-рематическом членении делится на тему Я и рему вас любил с актуализацией, прежде всего, глагольной формы. Для следующего высказывания эта информация оказывается известной читателю (слушателю) и требует дальнейшего рассказа, повествования, т.е. данная информация становится предметом (темой) для ее восприятия. В результате рема вас любил претерпевает структурно-семантическое преобразование в ту языковую форму, которая наиболее типична для выполнения функции предмета мысли. И такой формой является, прежде всего, форма существительного как категориально-семантическая форма, сориентированная на выражение предмета (предметности) – любовь (любовь в душе моей). А рема актуализирует восприятие характера любви автора (говорящего) – угасла не совсем, которая окрашена субъективной модальностью (быть может). В результате девербатив любовь как бы отсылает к предыдущему высказыванию, которое номинализуется и по отношению к которому актуализируется рема угасла не совсем с учетом модальности. В последующем разворачивании текста любовь заменяется на местоимение она, которое также выполняет функцию темы. Однако в тексте первое высказывание (я вас любил) также находит повторение, но уже на правах темы, по отношению к которой в качестве ремы выступают обстоятельственные распространители (безмолвно, безнадежно). Поэтому можно считать, что девербатив любовь выполняет текстообразующую функцию, реализация которой связана с тема-рематическим членением даже не столько отдельного высказывания, сколько текста в целом. В этом случае можно говорить о том, что девербатив оказывается одним из компонентов организации текста как синтаксической и коммуникативной единицы (Шарандин 2009а).

Таким образом, применение и последовательное воплощение теории актуального членения в практико-ориентированное изучение русского языка позволяет наполнить синтаксическое учение о предложении новыми

содержательными моментами, пониманием предназначения предложения как коммуникативной единицы, осознанием диалектических отношений между формой и содержанием на различных уровнях языковой системы в коммуникативном пространстве. Главное же, актуальное членение предложения в контексте изучения РКИ предполагает приобретение обучающимися языковых компетенций, связанных с коммуникацией, в которой значимым является восприятие смысловой информации. В этом случае понимание на уровне смысла высказывания или текста оказывается первичным в обучении русскому языку, поскольку отражает знания о мире в языке, которые требуют знаний языка и о языке, т.е. знаний владения языком. Именно в этом случае не произойдет коммуникативного сбоя, поскольку важно не только понимать, о чем идет речь, но и говорить по-русски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1997. С. 606-904.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
3. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб, 2009.
4. Матезиус В. О т.н. актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
5. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
6. Распопов И.П. Актуальное членение предложения и контекст // Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса, 1981. С.99-106.
7. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С.84-173.
8. Руделев В.Г. Русский язык. Учение о предложении. Тамбов, 1992.
9. Руделев В.Г. Существительное в русском языке. Тамбов, 1979.
10. Солнцев В.М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
11. Шарандин А.Л. К вопросу о языковом статусе девербатива // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009а. С.267-277.
12. Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов, 2009.
13. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Доц. д-р Катерина ВидоваМеѓународен Славјански Универзитет „Г. Р. Державин“ Свети Николе-Битола
Република Северна Македонија**МАКЕДОНСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ НА ИМИЊАТА
ВО „ПАЈАЖИНАТА НА КЛИМЕНТИНА“ И „ХАРИ
ПОТЕР И КАМЕНОТ НА МУДРОСТА“ (АДАПТАЦИЈА И
ТРАНСКРИПЦИЈА) (ПРЕЗЕНТАЦИЈА)**

Целта на овој труд е да даде приказ на македонските преводни еквиваленти на имињата на луѓето и животните во делата „Пајажината на Климентина“ и „Хари Потер и каменот на мудроста“. Направена е анализа на два превода на имињата во овие две дела, од страна на двајца различни преведувачи, во различна временска рамка каде што при преведувањето се земени два различни приоди: на одомаќинување (адаптација) и на транскрипција. Интересна е разликата при преведувањето, земајќи ги предвид различните приоди на преведувачите и временскиот период од дваесет години и повеќе помеѓу изданијата на преводите на делата.

КЛУЧНИ ЗБОРОВИ: имиња, македонски, превод, одомаќинување (адаптација) и транскрипција

**MACEDONIAN TRANSLATION EQUIVALENTS OF THE
NAMES IN CHARLOTTE'S WEB AND HARRY POTTER
AND THE PHILOSOPHER'S STONE (ADAPTATION AND
TRANSCRIPTION)**

The aim of this paper is to give an outline of the Macedonian translation equivalents of the names of the people and animals in the works "Charlotte's Web" and "Harry Potter and the Philosopher's Stone". The analysis has been conducted on two different translations of the names of the characters, by two different translators, in different time periods and two different translation approaches were taken: adaptation and transcription. There are interesting differences in the translations taking into account the different approaches the translators used, as well as, the time period of twenty years and more among the editions of the translation of the works.

KEY WORDS: names, Macedonian, translation, adaptation, transcription

ВОВЕД

Целта на овој труд е да даде приказ на македонските преводни еквиваленти на имињата на лицата и животните во две литературните дела, два романа од жанрот на детската литература „Пајажината на Климентина“ (Пајажината на

Шарлот) од Е. Б. Вајт и „Хари Потер и каменот на мудроста“ на Џ. К. Роулинг. Истражувањето е направено на ексцерпираниите имиња на луѓе и на животни од овие дела преведени на македонски јазик. Направена е анализа на македонските преводни еквиваленти на ликовите во овие две дела. Истражувањето има за цел да ги провери следните претпоставки, односно дали при преведувањето на имињата на лица и животни во овие два романа за деца од американската и англиската литература се употребени две различни преведувачки стратегии:

- » На одомаќинување (адаптација) на имињата на јазикот-цел
- » На транскрипција на имињата на јазикот-цел.

ОПШТИ СОГЛЕДУВАЊА ЗА СОПСТВЕНИТЕ ИМИЊА И ПРЕВЕДУВАЊЕТО НА ИМИЊАТА ВО ЛИТЕРАТУРА

Сопствените имиња се зборови или зборовни состави што служат за издвојување, индивидуализирање и идентификување на еден објект од групата слични објекти (Подольская 1990: 437). Станува збор за лексички ограничена група во која спаѓаат личните имиња, презимињата, прекарите, псевдонимите, фамилијарните, племенските, етничките и географските имиња (Правопис на македонскиот јазик 2017: 54). Според Велјановска и Мирчевска-Бошева (2021: 11) сопствените имиња имаат заеднички карактеристики со општите именки и со деиктиците. Имено, сопствените имиња делат исти граматички карактеристики со општите именки, но се разликуваат од нив со тоа што немаат лексичко значење. Како единици со деиктичка функција, сопствените имиња даваат пред сè идентификација на нивните референти, но, за разлика од деиктичките единици, не зависат од непосредниот ситуационски контекст (Lyons 1977: 217).

При преводот на литературни дела еден од проблемите со кои се соочуваат преведувачите независно од темата и преводот на којшто работат е преведувањето на личните имиња. Според Елвира Камара Агилера (Агилера Cámara Aguilera, 2008) кога зборуваме за имињата како граматичка категорија, прво на што помислуваме се антропонимите (имиња на лица) и топонимите (имиња на места), иако тие се само дел од целиот проблем при преводот. Њумарк

Според Франко Аиксела (Franco Aixela 2000: 76) теоретски се јавуваат најмалку четири начини на пренесување на личните имиња од еден јазик на друг. Имено, тие можат да бидат копирани, односно репродуцирани на јазикот-цел еднакво како во изворниот јазик. Тие можат да бидат транскрибирани, т.е. транслитерирани или адаптирани на ниво на правопис, фонетски правила итн. Формално несоодветно име може да биде заменето во друго име во јазикот-цел кога станува збор за кое било дадено име од изворниот јазик и доколку соодветното име од изворниот јазик го има во речникот на тој јазик и има „значење“, може да биде преведено. Можни се комбинации на овие четири начини на пренесување, бидејќи соодветното име може, на пример, да се копира или транскрибира и дополнително да се преведе во фуснота на (предавачот). Од теоретска гледна точка, треба да бидат споменати уште неколку можности, од кои две можеби почесто се среќаваат отколку што може да се замисли: непреведување, т.е., бришење на вистинското име од изворниот јазик во јазикот-цел и замена на личната именка со општа именка (обично означувајќи структурно функционален атрибут за особина за која станува збор). Други теоретски можности, како што е вметнувањето на личното име во јазикот цел во случаи кога нема такво во изворниот јазик, или замена на заедничката именка во изворниот јазик со соодветна именка во јазикот-цел, може да се смета

за поретко, освен можеби во одредени жанрови и контексти.

СТРАТЕГИИ ЗА МАКЕДОНСКИ ПРЕВОД НА ИМИЊАТА ВО ДЕЛАТА „ПАЈАЖИНАТА НА КЛИМЕНТИНА“ (ПАЈАЖИНАТА НА ШАРЛОТ) И ХАРИ ПОТЕР И КАМЕНОТ НА МУДРОСТА

Анализирани се преведените имиња на луѓе и на животни во делото „Пајажината на Климентина“ од Е. Б. Вајт, во превод од Драги Михајловски, во издание на „Култура“, Скопје во 1990. Исто така, истото дело со наслов „Пајажината на Шарлот“ е преведено од Марија Карадаковска и е издание на „Арс Ламина“, Скопје во 2019.

Првиот превод на првиот дел од едицијата романи „Хари Потер и каменот на мудрост“ е на Благородна Богеска – Анчевска, во издание на „Култура“, Скопје во 2001. Истиот роман е преведен од Владимир Стојановски, во издание на „Арс Ламина“, Скопје во 2021.

Интересно е што при анализата на имињата преведувачите користат речиси целосно различно преведувачки стратегии. Можеме да ја земеме предвид временската дистанца од подолг период помеѓу двете изданија, моменталните преведувачки трендови кои владееле и моменталниот тренд во преведувањето кој е во согласност со преведувачката стратегија на која ѝ пристапиле/пристапуваат преведувачите. Имено, при преведувањето на имињата на ликовите во првиот превод од делата преведувачите Драги Михајловски и Благородна Богеска - Анчевска ја употребиле стратегијата на одомаќинување (адаптација), додека во вториот превод на делата во временска дистанца од повеќе од две децении преведувачите Марија Карадаковска и Владимир Стојановски при преводот кај поголемиот дел од имињата на ликовите се одлучиле за транскрипција. Според Арсова-Николиќ (1999: 132) пренесувањето на англиските сопствени имиња (антропоними и топоними) во македонскиот јазик е поврзано со две основни прашања: а. фонолошката структура на двата јазика и б. азбуката. При пренесувањето на антропонимите и топонимите од англискиот во македонскиот, проблеми се јавуваат кога во нив се среќаваат вокалите кои се карактеристични за англискиот, а не постојат во македонскиот. Затоа во овие случаи се врши заменување со најблискиот еквивалент, односно со глас кој по своите акустички и артикулациски својства најмногу се доближува до гласот во англискиот јазик.

ПРЕГЛЕД НА ПРЕВОДОТ НА ИМИЊАТА ВО ДЕЛОТО „ПАЈАЖИНАТА НА КЛИМЕНТИНА“ (ПАЈАЖИНАТА НА ШАРЛОТ)

Уште во самиот наслов на делото забележуваме дека двајцата преведувачи имаат различна стратегија, односно насловот во оригинал на англиски јазик Charlotte's Web во првиот превод од Драги Михајловски е преведен како „Пајажината на Климентина“ додека, пак, речиси три децении подоцна преведувачката Марија Карадаковска се одлучува името Charlotte да го транскрибира во Шарлот. Имињата на децата во романот во првиот превод од 1990 се одомаќени, локализирани, односно Драги Михајловски ја користи стратегијата на адаптирање на личните имиња и ги заменува со македонски соодветни антропоними. Од друга страна, пак, преведувачката Марија Карадаковска при превод на ова дело, како што претходно споменаваме, се одлучува имињата на ликовите да ги транскрибира.

Името на девојчето Fern, еден од главните ликови во романот, во првиот превод е преведено со Темјанка, додека во вториот преводниот еквивалент е

Ферн. Нејзиниот татко со име John Arabel во првиот превод е локализиран со Вангел, додека во вториот превод на делото е направена транскрипција и гласи Џон Арабел. Братот на главната хероина во романот со име Avery во првиот превод е локализиран со името Соколе, додека во вториот превод името гласи Ејвори. Вујкото и вујната на главниот лик Homer и Edith Zukerman во првиот превод се локализирани со имињата Томе и Невена Билбиловски, додека во вториот превод преведувачката одлучила да остане доследна на оригиналните имиња и направила транскрипција во Хомер и Едит Цукерман. Измеќарот на фармата, со име Lurvy, е преведен од страна на првиот преведувач со стратегијата на адаптација со име Илчо, додека во вториот превод оди со примена на транскрипцијата и гласи Ларви.

Што се однесува на животните кои се многу значајни протагонисти во ова дело, името на главниот лик прасенцето Wilbur во првиот превод е преведено со примена на стратегијата на одомаќинување со името Џанко, додека во вториот превод е транскрибирано со името Вилбур. Името на стаорецот Templeton е адаптирано со името Авакум, додека во вториот превод оди со транскрипција на името на македонски јазик во Темплтон. Другиот главен лик од животните вклучени во овој роман, впрочем името е дел од насловот, пајакот Charlotte, е преведен со стратегијата на локализирање со името Климентина во првиот превод, додека во вториот е транскрибиран во Шарлот. Имињата на потомците на пајакот Charlotte, нејзините деца Aranea, Joy и Nellie во првиот превод на делото се адаптирани со имињата Ангелина, Веселина и Николина, додека во вториот преведувачката ги транскрибира со Аранеа и Нели, додека за името Јоу одбира стратегија на превод на македонски јазик, така што името преведено гласи Радост. Ликот на докторот во ова дело Dorian, во првиот превод е со стратегијата на одомаќинување и гласи Доктор Благој, додека во вториот превод преведувачката го транскрибира во Доктор Доријан.

ПРЕГЛЕД НА ПРЕВОДОТ НА ИМИЊАТА ВО ДЕЛОТО „ХАРИ ПОТЕР И КАМЕНОТ НА МУДРОСТА“

Одлична е можноста за читателите на овој култен детски роман од жанрот на научна фантастика да биде преведен на македонски јазик во две различни изданија. Интересно е да се согледа дека во двата превода на ова дело направени од страна на двајца различни преведувачи се употребени различни преведувачки стратегии.

Името на главниот лик Harry Potter е транскрибирано во двата превода како Хари Потер. Во првото издание на преводот на ова дело во 2001 преведувачката Благородна Богеска-Анчевска најчесто ја употребува стратегијата на одомаќинување (адаптација), додека во вториот превод на романот во 2021 преведувачот Владимир Стојановски најчесто ја употребува стратегијата на транскрипција. Роднините на Хари Потер, неговите тетка и тетин, како ликови се појавуваат уште на почетокот на романот Mrs. Dursley и Mr. Dursley, и во преводот издаден во 2001, преведувачката користејќи ја стратегијата на адаптација ги преведува со господин и госпоѓа Ситникоски, додека во вториот превод нивните имиња се транскрибирани со г. и г-ѓа Дарсли. Името на братучедот на Хари Потер Dudley и во двете дела е преведен со транскрипција Дадли. Името на училиштето за волшебништво каде што учи Хари Потер Hogwarts и во двата превода е транскрибирано во Хогвортс. Името на ликот на џинот Hagrid, и во двата превода

е транскрибирано со Хагрид. Еден од значајните ликови во романот, злогласниот лик Voldemort, и во двете верзии е преведено со Волдеморт. Името на главниот професор, директорот на училиштето Хогвортс, олицетворение на доброто, Albus Dumbledore и во двата превода оди како Албус Дамблдор. Бувот на Хари Потер, Hedwig во двете дела оди со превод со транскрипција Хедвиг. Името на стаорецот Scabbers и во двете дела е преведен со адаптација во Шугле. Името на жабата Trevor и во двете дела е преведено со транскрипција како Тревор. Името на маичката Mrs. Norris во двете дела е транскрибирано како г-ѓа Норис.

Покрај поклопување при преведувањето на дел од имињата во овој роман, кај имињата на професорите во училиштето Хогвортс преведувачите ги употребиле двете различни преведувачки стратегии, така што името на професорката Minerva McGonagall во првиот превод оди со адаптација во Минерва Окаловска, додека во вториот превод е со транскрипција како Минерва Мекгонагал. Името на професорот Quirrel во првиот превод е адаптирано во Трепетковски, додека во вториот е транскрибирано како Квирел. Името на професорот Vindictus Viridian во првиот превод на делото е со делумна адаптација како Виндиктус Одмазднички, додека во вториот превод оди со целосна транскрипција Виндиктус Виридијан. Имињата на професорите Flitwick и Binns во првата верзија на преводот се локализирали со Вејниветрески и Раскантански, додека во вториот превод се транскрибирани во Флитвик и Бинс.

Имињата на другарите на Хари Потер се преведени со комбинирана стратегија на адаптација и транскрипција во првиот превод и најчесто со транскрипција во вториот превод. Имено, илустрирано е кај преводот на имињата Herminone Granger како Хермиона Желбогорска, односно Хермиона Гренџер во вториот превод, Ron Weasley е преведен како Рон Снајдоски, односно Рон Визли, Oliver Wood е Оливер Дрвошанов, односно Оливер Вуд, Angelina Johnson во превод Ангелина Јовановска, односно Анџелина Џонсон, Lee Jordan во превод Ли Јордановски, односно Ли Џордан, Katie Bell преведено како Кети Свонческа, односно Кети Бел. Името на домарот во училиштето Хогвортс, Argus Filch, во првиот превод е локализирано со Дрпник, додека во вториот превод е преведено со транскрипција со Аргус Филч.

Исто така, има разлика во преводот на имињата на четирите куќи од училиштето Хогвортс врз основа на употребата на различните преведувачки стратегии. Оттука, преводот на Gryffindor е Орлолав во првиот превод, односно Грифиндор во вториот, името Hufflepuff е преведено со Упипупф, односно Хафлпаф, името Ravenclaw е преведено со Гавронокт, односно Рејвенкло и името на четвртата куќа Slytherin е преведено со Змијолик, односно Слдерин.

Романот „Хари Потер и каменот на мудроста“ изобилува со имиња, така што начинот на нивниот превод и стратегиите со кои се зафатиле преведувачите може и треба да биде предмет и на понатамошни истражувања.

ЗАКЛУЧОК

Преведувањето на литература, а особено на детска литература за секој преведувач претставува голем предизвик и самата цел да се најдат решенија при преводните еквиваленти на имињата на ликовите се води од потребата имињата да бидат достапни за децата и возрасните, претставници на македонската литературна публика.

Ставот на авторот Оитинен (Oittinen 2000: 65) е дека детската литература

треба да биде забавна, дидактичка, информативна и да има терапевтска примена бидејќи помага во растот и развојот кај децата. Гледиштето на Клинберг (Klinberg 1986: 9-10) е дека една од целите при преведувањето на детската литература е да ја направи литературата подостапна на децата.

Преведувањето на имињата, односно нивната адаптација со употреба на пристапот на локализирање и одомаќинување, пристапот што го примениле преведувачите Драги Михајловски и Благородна Богеска-Анчевска кои ги превеле првите верзии од делата „Пајажината на Климентина“ и „Хари Потер и каменот на мудроста“ е со цел делата да бидат попростапни и поблиски до јазикот на децата. Преведувачите на вторите верзии на овие два детски романи Марија Карадаковска и Владимир Стојановски го одбираат повеќе пристапот на транскрипција на имињата и секако во некои случаи се оди кон локализирање или, пак, кон превод на македонски на имињата на ликовите. Секако и временскиот период од повеќе децении и изложеноста на македонската читателска публика на англискиот јазик, создала услови на децата и другите читатели во денешно време да им бидат попримечиви имињата на ликовите во транскрибирана форма. Секако предизвиците на кои биле изложени преведувачите се однесуваат и соодветствуваат со временската рамка и современите културолошки и лингвистички тенденции што владееле во периодот на деведесеттите години на минатиот век и периодот од последните две децении, вклучувајќи ги денешните јазични трендови.

ИЗВОРИ

1. White, E. B. (1973). *Charlotte's Web*. New York: Harpers & Row, Publishers Inc.
2. Вајт. Е. Б. (1990). Пајажината на Климентина. [превод од англиски јазик Драги Михајловски]. Скопје: Култура.
3. Вајт. Е. Б. (2019) Пајажината на Шарлот. [превод од англиски јазик Марија Карадаковска]. Скопје: Арс Ламина.
4. Rawling, Rowling, J. K. (1999). *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*. Publisher: Scholastic Inc.
5. Раулинг, Џ. К. (2001). Хари Потер и каменот на мудроста. [превод од англиски јазик Благородна Богеска – Анчевска]. Скопје: Култура.
6. Раулинг, Џ. К. (2021). Хари Потер и каменот на мудроста. [превод од англиски јазик Владимир Стојановски]. Скопје: Арс, Ламина.

ЛИТЕРАТУРА

КИРИЛИЦА

7. Арсова-Николиќ, Лидија (1999). Преведување: теорија и практика. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“.
8. Велјановска Катерина, Мирчевска-Бошева Биљана. (2021). Имињата во македонската фразеологија. Скопје: Антолог.
9. Михајловски, Драги (2019). Преведување книжевност. Скопје: Просветно дело.
10. Никовска, Билјана (2019). Македонскиот превод на имињата на ликовите на Биатрикс Потер. Меѓународна научна конференција. ЈНУ Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 13-14 ноември, 2019, Скопје. <https://besedi.mk/mk/blog/makedonskiot-prevod-na-iminjata-na-likovite-na-biatriks-poter> [пристапено декември 2021].

11. Подольская, Н. В. (1990). „Собственное имя“. Лингвистический энциклопедический словарь, Москва. 473-474.
12. Правопис на македонскиот јазик [Електронски извор]. 2017. Уред. Јованова-Грујовска, Е. и Војнеска, Г.] Скопје: Национална и универзитетска библиотека „Св. Климент Охридски“. (www.pravopis.mk).

ЛАТИНИЦА

13. Aguilera C. Elvira. (2008) The Translation of Proper Names in Children's Literature. AVANTI Research Group. University of Granada. https://www.researchgate.net/publication/237602003_The_Translation_of_Proper_Names_in_Children's_Literature [пристапено на април 2021.
14. Franco Aixela, J. (2000). La traducción condicionada de los nombres propios (inglés-español). Análisis descriptivo. Salamanca: Ediciones: Almar.
15. Klinberg, G. (1986). Children's Fiction in the Hands of the Translator. Studia psychologica et paedagogica, Series altera LXXXII. Lund: Boktruckeri.
16. Lyons, J. (1977). Semantics. Vol. 1. London: Cambridge University Press.
17. Newmark, P. (1986). Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press.
18. Oittinen, R. (2000). Translating for Children. New York and London: Garland Publishing Inc.

Ольга Михайловна КопырюлинаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Данная статья посвящена анализу переводов поэтического текста на французский язык. Затрагиваются проблемы эстетической и лингвокультурологической адаптации текста к иноязычным реалиям. Проведен сравнительный анализ стихотворения С.А. Есенина «В хате» и его перевода, выполненного Ксаной Чарыковой. Обозначены сходства и различия перевода с оригинальным текстом.

Ключевые слова: русская литература, французская литература, поэзия, поэтический перевод, Есенин

TRANSLATION PECULIARITIES OF POETRY INTO FRENCH

Abstract. This article deals with poetic translation's analysis into French. We consider problems of aesthetic and lingvo-culturological text's adaptation to foreign reality. The comparative analysis of Esenin's poem "V chkhate" (means "In the house") and its translation by Ksana Charykova was carried out. We highlight similarities and discrepancies of original text and its translation.

Key words: Russian literature, French literature, poetry, poetic translation, Esenin

Востребованность переводчиков обуславливалась живым интересом к культуре и литературе другого народа. Благодаря переводам на другой язык литературные произведения становились доступными для всего мира. Поэтический перевод неотделим от общего языкового и литературного процесса, это позволяет изучать его как часть общенационального культурного достояния.

В последние годы наблюдается оживление интереса к переводческому процессу как результату интерпретации оригинального текста. Активнее всего идет поиск переводческих стратегий для поэтических текстов. Как уже отмечалось, «перевод поэтических произведений относится к категории самых сложных из всех видов перевода текстов на иностранный язык»¹, потому что работа переводчика не сводится к простому поиску эквивалентов слов в другом языке; интерпретатору необходимо передать настроение, звучание, форму и содержание стихотворения. Переводчик должен проникнуть в переживания поэта, понять состояние его души в момент написания стихотворного текста и донести все это до читателя. Неизбежно переводчик привносит и свое видение в текст, важно при этом не допустить искажения оригинального произведения.

Поэтический перевод имеет ярко выраженную специфику. Работа поэта-

1. Копырюлина О.М. «Песнь о собаке» С.А.Есенина: особенности перевода стихотворения на французский язык // Державинский форум. Тамбов, 2019. №9. С. 45.

переводчика заключается и в творчестве, и в необходимости донести до читателя содержание и художественную форму одновременно.

Для перевода в целом характерна вариативность, и она достигает своего апогея именно при переводе поэтического текста. Часто при анализе переводов исследователь высказывает свое мнение о том, насколько удачным является перевод того или иного фрагмента, строки, фразы, слова. Основанием для такой оценки является субъективное мнение исследователя, в котором находят свое отражение какие-либо его эстетические предпочтения. Отметим, что в данном исследовании мы не даем никаких оценок деятельности переводчика, а лишь сравниваем текст оригинала и перевод, отмечаем сходства и отличия. Как справедливо заметила Л.С.Макарова, «в художественном переводе нет других правил, кроме верности оригиналу²», что, однако и составляет его парадоксальность. Настоящий переводчик не просто подбирает эквиваленты на другом языке, он старается передать замысел, настроение и переживание автора, это невозможно без адаптации произведения к традициям и языковой картине мира той страны, на язык которой он переводит. Как правило, картина мира переводчика более широкая, нежели у рядового читателя. Поэтому важно наличие фоновых знаний у переводчика, и то, как он ими аккумулирует. В его компетенции должна быть профессиональная ориентированность, эстетическая обусловленность и знание, как минимум, двух культур.

Каждый поэтический перевод уникален по-своему. Переводчик переживает вместе с поэтом момент написания произведения, и одновременно привносит частичку своего понимания стихотворения. Часто можно услышать такое понятие, как «адекватность перевода». Это понятие подразумевает правильную оценку между исходным текстом и переводным, учитывая его цель и способ реализации. По сути, адекватным может считаться «хороший» перевод, который обеспечивает «необходимую полноту в условиях межъязыковой коммуникации в конкретных условиях»³. Если говорить о переводе поэзии, то адекватным будет считаться такой перевод, в котором передан главный замысел автора с соблюдением «ресурсов образности, колорита, ритма»⁴. Но важно помнить и об эстетической организации текста, которая позволяет искушенному читателю разобраться с заключенным в поэтических строках смыслом. Поскольку восприятие образа связано с герменевтикой, то исключительное значение приобретает и то, как сам переводчик воспринимает и трактует образ, т.к. именно через свое восприятие произведения, он доносит его смысл до читателя.

Франция – страна, имеющая собственную богатую литературную историю, что однако не ограничивает освоение художественно-литературного опыта иноязычных культур. Именно на французский язык было переведено большое количество произведений русской прозы и поэзии. По исследованиям Л.С.Макаровой, «авторами переводов становились блестящие французские писатели, поэты и переводчики: А.Дюма, П.Мериме, Л.Лежер, Г.Дюпон, М.Бейа, А.Лириондель, Л.Арагон, К.Гранофф и др»⁵. Благодаря переводам, французские читатели смогли познакомиться и полюбить, о чем говорят переиздания многих

2. Макарова Л.С. Проблемы поэтического перевода (опыт исследования переводов русской поэзии на французский язык). Майкоп: «ООО Качество», 2011. С. 10.

3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Изд-во «Международные отношения», 1980. С.152.

4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы; учебное пособие. 4-е издание, перераб. и доп.. М.: Высшая школа, 1983. С. 51.

5. Макарова Л.С. Проблемы поэтического перевода (опыт исследования переводов русской поэзии на французский язык). Майкоп: «ООО Качество», 2011. С. 5-6.

сборников, произведения русской литературы.

По данным, представленным ведущим современным есениноведом Н.И.Шубниковой-Гусевой, известно, что переводом поэзии С.А. Есенина занимались Петр Паскаль, Елена Извольская, Кристиан Пиггетти, Франс Элленс и Мария Милославская⁶. Интерес не утихает до сих пор. Так, Флориан Вутев несколько лет назад выполнил блестящий перевод двух стихотворений Есенина: «Закружилась листва золотая...» и «Сестре Шуре».

Ранее нами уже было проанализировано несколько переводов стихотворений С.А.Есенина. Проведенные исследования показали, что французские поэты-переводчики с большим уважением относятся к оригинальному поэтическому тексту. Это, однако, не означает, что полностью отсутствуют все неточности и расхождения в смысловой канве стихотворного текста. Кроме того, часто во французском варианте отсутствует рифма, а звукопись, игра слов не учитываются. Расхождения с оригинальным текстом неизбежны, но именно их выявление и представляет особый интерес в нашем исследовании, то, как переводчик смог передать смысл той или иной фразы, которая часто понятна только русскоязычному читателю.

Данное исследование базируется на анализе есенинского стихотворения «В хате»⁷ (1914) и его перевода, выполненного Ксаной Чарыковой (Ксенией Дмитриевной Лазуткиной) – русскоязычным преподавателем иностранных языков. Сборник «Черемуха» (фр. *Le putiet*)⁸ был выпущен ее семьей с целью донести до французских и немецких читателей безграничную любовь Ксении Дмитриевны к творчеству С.А.Есенина, писавшего о широкой русской душе, и приурочен к 110-летию со дня ее рождения.

Отметим, что во время перевода осуществляется выход из пространства одной культуры в поле другой, что неизбежно влечет ассимиляцию оригинала к новым лингвокультурным условиям. Подразумевается не только поиск эквивалентных по значению слов в другом языке, но и эстетическая и социокультурная адаптация. Переводчик должен постоянно искать баланс между эстетическим, межъязыковым и межкультурным процессом.

Проиллюстрируем вышесказанное, сравнив оригинал стихотворения Есенина «В хате» и перевод, выполненный Ксаной Чарыковой «*Dans la chaumière*»⁹.

«В хате» С.А.Есенин	« <i>Dans la chaumière</i> » пер. К.Чарыковой
Пахнет рыхлыми драченами, У порога в дежке квас, Над печурками точеными Тараканы лезут в паз.	Du gratin tout frais vient le fumet, Au seuil plein de kwas le tonnelet, Dans les fentes au dessus des poêles blancs Les blattes se sauvent en grimant.
Вьется сажа над заслонкою, В печке нитки попилиц, А на лавке за солонкою — Шелуха сырых яиц.	Au dessus du bouchoir la suie en émas. Dans le four il y en a des filets jusqu'en bas, Sur le banc la coque des œufs cassés Derrière la salière.

6. Шубникова-Гусева Н.И. Есенин в XXI веке // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С.18.

7. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в 7 т. М.: Наука-Голос, 1995. Т.1. С. 46-47.

8. Чарыкова К. «Черемуха». Переводы стихов Сергея Есенина на французский и немецкий языки / Составление и вступительное слово: Андрей и Лилия Лазуткины. Казань, 2015. 200 с.

9. Чарыкова К. «Черемуха». Переводы стихов Сергея Есенина на французский и немецкий языки / Составление и вступительное слово: Андрей и Лилия Лазуткины. Казань, 2015. С. 32.

Мать с ухватами не сладится, Нагибается низко, Старый кот к махотке крадется На парное молоко.	La mere a de la peine à travailler En se courbant tout bas avec son tisonnier. Le vieux chat tâche à pas de loup De glisser dans le pot à lait.
Квохчут куры беспокойные Над оглоблями сохи, На дворе обедню стройную Запевают петухи.	Au dessus des brancards de l'araire en défaite Les poules gloussent toujours inquiètes. Les coqs chantent dans la cour La messe harmonieuse chacun à son tour.
А в окне на сени скатые, От пугливой шумоты, Из углов щенки кудлатые Заползают в хомуты.	A travers la fenêtre dans le passage Effrayés par le tapage Des coins les petits chiens bouclés Se faufilent dans les colliers.

Французский вариант близок к оригиналу, верно воспроизводит его структуру. Кроме того, достаточно полно переданы все составляющие вербально-художественной информации. В первую очередь, обратим внимание на название. Переводчик использовала слово *la chaumière*, которое имеет, среди прочих, значения хижина, мазанка, лесная избушка, что соответствует по смыслу и значению слову хата – «крестьянский дом (бревенчатый или мазанка) в украинской и южнорусской деревне»¹⁰.

Данное стихотворение достаточно сложно для перевода на иностранный язык из-за наличия большого количества диалектных слов, которые Есенин употребил для наиболее точной передачи быта и атмосферы русской крестьянской избы. В этих строках ярко выражена одорическая и звуковая репрезентация, читатель переносится в стихотворный мир, и вместе с поэтом слышит, как «квохчут куры беспокойные» и кричат «щенки кудлатые», ощущает запах «рыхлых драченых», т.е. живо представляет деревенский быт.

Однако все эти приемы невозможно перенести в переводной текст. Ксане Чарыковой удалось подобрать максимально близкие по значению слова, некоторые были намеренно заменены для более точной передачи смысла. Так, например, вместо драченых используется *le gratin*. Отсутствие во французской кухне такого блюда, как драчены, послужило причиной поиска эквивалента: это похожий по виду и составу гратен – французское блюдо из нарезанного картофеля, запеченного в сливочном или молочном соусе, запекается по технологии гратен (с хрустящей корочкой), возникшей в провинции Дофине на юго-востоке Франции. В то время как драчена (дрочёна) имеет русские и белорусские корни, как правило, готовилась в праздники, представляла собой пирог на простокваше или молоке, яйцах и муке или крупе. В некоторых районах, в том числе в Рязанской области, встречается драчена с тертым картофелем, которая также запекалась в печи, неизбежно образуя корочку сверху.

В строках: «Старый кот к махотке крадется / На парное молоко», «махотка» – глиняный горшок с широким горлом, крынка, во французском варианте – «*le pot à lait*» – горшочек для молока, молочник. А просторечное слово «крадется» представлено глаголом *glisser* – проскользнуть, залезть. Это значительно не меняет смысловой структуры стихотворения, однако разрушает нарисованную в воображении читателя картинку хитрого кота, который собирает полакомиться молоком, пока хозяйка занята приготовлением обеда.

10. Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/465467.html>

В четвертой строфе «обедня» – просторечное название литургии, или православной церковной службы в первой половине дня, переведено как «la messe» – месса – центральное богослужение Римско-католической церкви, что намного понятнее для французских читателей, по большей части исповедующих католицизм.

В проанализированном нами переводе четко прослеживается стремление достигнуть максимально-возможной близости к тексту оригинала. Неизбежная прагматическая адаптация текста соответственно французскому культурному фону привела к утрате национального деревенского колорита, атмосферы шума и запахов, представленных в есенинских строках.

В данной работе не ставилась цель определить сильные и слабые стороны перевода. Главной задачей было дифференцировать сходства и отличия в оригинальном и переводном текстах. Мы провели лингвостилистический анализ перевода стихотворения Есенина «В хате» на французский язык. Безусловно, различные смысловые и рифмо-ритмические преобразования, отклоняющие текст от оригинала, неизбежны.

Выявленные нами в ходе проведенного анализа расхождения перевода с оригинальным текстом отражают объективные трудности для переводчика. Однако, не смотря на эти различия, перевод в целом адекватно передает настроение и замысел автора, сохранены авторские образы, а также предпринята попытка передать атмосферу текста оригинала. Перевод Ксаны Чарыковой направлен на создание французской копии стихотворения Есенина, сохранены форма и содержание, количество строф соответствует оригиналу. Отметим, что во французском варианте отсутствует рифма. В переводе в полной мере передано эстетическое своеобразие стихотворения «В хате», однако был утрачен особый национальный колорит, присущий поэзии Есенина. Проблема передачи русских слов-реалий, органично вплетенных в канву оригинала, но часто непонятных иноязычному читателю, является одной из основных при переводе поэтического текста. Отметим, что в данном переводе не использовался прием транслитерации, который довольно часто применяется другими переводчиками при работе с творчеством Есенина. Вместо этого Чарыкова провела несколько лингвокультурных замещений, необходимых для того, чтобы текст был доступен для понимания французского читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в 7 т. – М.: Наука-Голос, 1995. – Т.1. – 672 с.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1980. – 167 с.
3. Копырюлина О.М. «Песнь о собаке» С.А.Есенина: особенности перевода стихотворения на французский язык // Державинский форум. Тамбов, 2019. – №9. – С. 45 – 53.
4. Макарова Л.С. Проблемы поэтического перевода (опыт исследования переводов русской поэзии на французский язык). – Майкоп: «ООО Качество», 2011. – 150 с.
5. Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/465467.html>.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические

проблемы; учебное пособие. 4-е издание, перераб. и доп.. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.

7. Чарыкова К. «Черемуха». Переводы стихов Сергея Есенина на французский и немецкий языки / Составление и вступительное слово: Андрей и Лилия Лазуткины. – Казань, 2015. – 200 с.
8. Шубникова-Гусева Н.И. Есенин в XXI веке // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 8-43.

Юровская Катарина ЮрьевнаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

СОЦСЕТИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ НОВОГО ТИПА

Аннотация: В статье раскрывается характер социальных сетей, исследуется проблема позиционирования соцсетей как социальных образований, влияющих на политику, культуру, поведение людей и другие сферы общества, а также трансформации традиционных социальных институтов под влиянием соцсетей.

Ключевые слова: социальная сеть, пользователь, Интернет, сеть, виртуальная реальность.

SOCIAL NETWORKS AS SCIENTIFIC INSTITUTIONS OF A NEW TYPE

Abstract: The article reveals the nature of social networks, explores the problem of positioning social networks as social entities that influence politics, culture, people's behavior and other areas of society, as well as the transformation of traditional social institutions under the influence of social networks.

Keywords: social network, user, Net, virtual life.

Новая виртуальная реальность, порожденная развитием сетевых технологий, изменила наш мир – работу, образование, досуг, общение, экономику, политику. Эта реальность породила собственные общественные системы: социальные сети, мессенджеры, приложения. Социальные сети, появившись как неформальные платформы для общения и развлечения, сегодня проникают во все новые сферы личной, общественной, экономической и даже политической жизни. Очевидно, есть основания характеризовать их как народившиеся социальные институты.

У крупнейших социальных сетей есть многие признаки традиционных социальных институтов. В качестве примера рассмотрим старейшую социальную сеть Facebook по признакам социальных институтов [1, с. 150].

Социальная сеть Facebook, созданная в 2004 году, входит в пятерку самых посещаемых веб-сайтов мира. Facebook стал многофункциональной платформой для общения, знакомства, ведения своего дела, поиска единомышленников.

1. ИДЕОЛОГИЈА (КАК СИСТЕМА ИДЕЈ, САНКЦИОНИРУЈУЩИХ НОРМЫ).

Основател Facebook Марк Цукерберг четко формулирует миссию своего детища и его идеологическое значение так:

«Facebook создавался для того, чтобы выполнять социальную миссию: ... трансформировать многие ключевые отрасли и общественные институты... дать каждому голос и трансформировать общество для будущего... Мы не создаем сервисы, чтобы зарабатывать деньги, мы зарабатываем деньги для того, чтобы создавать лучшие сервисы... Facebook существует для того, чтобы сделать мир более связанным и открытым, а не просто как компания для зарабатывания денег...». [2]

Так ли это в действительности? Создатели FB на самом деле (дословно) «заботились в первую очередь о своей общественной миссии, о своих сервисах и людях, которые ими пользуются»? И даже если так: двухмиллиардная платформа существует в системе оформленных правил, у которой есть заявленные цели, ценности и враги. Фраза «сделать мир более связанным» имеет два противоположных смысла. Мы связаны между собой? Или мы повязаны по рукам и ногам – как тщательно культивируемым тщеславием, так и правилами и всей политикой компании?

Даже если оставить за скобкой спекулятивный и на деле не подтверждаемый тезис о некоммерческой природе Facebook, оставшихся постулатов достаточно для формирования идеологической концепции.

2. КОДЕКСЫ (И САНКЦИИ ЗА НЕПОДЧИНЕНИЕ ИМ).

«Открытость», свобода, плюрализм мнений – либеральные ценности провозглашаются ценностями Facebook. Но свободны ли миллиарды пользователей FB?

Социальная сеть – это система с четкими, прописанными либо скрытыми правилами, с которыми автоматически соглашается каждый, кто пользуется той или иной соцсетью. Поэтому свобода пользователя мнима, все соцсети настойчиво диктуют свои правила и «штрафуют» за их несоблюдение. Официальные правила есть у любой социальной сети, но Facebook уделяет им особенное внимание. «Нормы сообщества Facebook» [3] совсем не похожи на официальное положение или юридический документ. Они написаны доступным языком, с примерами и уточнениями и явно рассчитаны на прочтение массами людей.

В этих нормах есть как очевидные запреты – «мошенничество, огласка преступной деятельности, насилие, подстрекательство, эксплуатация детей» и так далее, так и неожиданные. Например, в главе «Враждебные высказывания» в одном ряду с дискриминацией и насмешками над инвалидностью стоят «вредные стереотипы» и «выражение неприятия». [3] Кроме того, что это очень размытые формулировки, не очень понятно, какие стереотипы считаются вредными и почему на «свободной» платформе Facebook нельзя выражать свое несогласие и неприятие чего-либо. А в разделе «Опасные лица и организации» рядом стоят «терроризм», «торговля людьми», «массовые убийства» и такой интересный пункт как «организованное проявление ненависти» [3]. Имеет ли право каждый человек на свободное выражение своих чувств? Конечно, да, скажут разработчики Facebook. А если это чувство – ненависть? И она обоснована? В таком случае все протесты против антинародных законов, произвола властей, несправедливого социально-экономического строя можно назвать «организованным проявлением

ненависти» и заблокировать аккаунты правозащитников и активистов. Интересно, что «организованное проявление ненависти» сами разработчики трактуют именно так – не как террористические группы (для их блокировки есть отдельная глава), а как социальные выступления. Авторы статьи [4] на одном из официальных ресурсов FB с гордостью отмечают, что в предвыборный период в США осенью 2020 года они заблокировали десятки тысяч страниц, групп, аккаунтов, пытавшихся инициировать «социальные волнения».

Даже трактовка обычных запретов «нет насилию, оскорблениям, дискриминации, пропаганде алкоголизма, суицидов, фашизма» бывает весьма оригинальной: Facebook может «за пропаганду алкоголизма» заблокировать пост с кадром из культового советского фильма, где герои поднимают рюмку, а видеохостинг Youtube, к примеру, штрафует видеоролики, обличающие эксплуатацию детей и привлекающие общественное внимание к этой проблеме, якобы за «пропаганду детского труда». И если даже в первом примере это можно списать на недостаточно отлаженный механизм работы сотрудников и искусственного интеллекта, работающего в Facebook¹, то во втором – просматривается некая закономерность. Ставить видео «посмотрите, что у меня в сумочке» - можно, а освещать серьезные социальные проблемы – нежелательно. Почему? Напрашивается вывод: есть некие принципы или тезисы, которые последовательно защищает Facebook, и принципы эти лежат в сфере интересов акционеров и владельцев Facebook. Какова система, таковы и законы функционирования всех ее механизмов. Социальные сети не должны взрывать изнутри строй.

3. СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ФУНКЦИИ

Информирование, формирование мировоззрения и общественного мнения, образовательная, воспитательная, рекреационная функция – всё это способны выполнять и выполняют социальные сети, в первую очередь Facebook и купленные им Whatsapp и Instagram, последовательно отбирая эти функции у институтов семьи, образования, церкви, СМИ. Более того, очевидна тенденция растущей мультифункциональности соцсетей, мессенджеров, приложений, некое уподобление платформ, их универсализация и, как результат этого процесса, – виртуализация все новых сфер жизни и сознания, проникновение виртуальной реальности все глубже в нашу реальную жизнь.

4. УСТАНОВКИ И ОБРАЗЦЫ ПОВЕДЕНИЯ

Чтобы понять, какие поведенческие установки являются образцами для идеального пользователя Facebook, достаточно внимательно изучить функционал этой сети. Первое и самое главное – пользователь должен быть пользователем. Не мыслителем, не читателем, а именно потребителем, отдающим Facebook много времени, «зависающим» в нем, оставляющим свои комментарии по любому поводу. Сам интерфейс и инструментарий Facebook стимулирует к «самовыражению», то есть к максимальному высказыванию своего мнения. «О чем вы думаете? Обновите информацию, напишите новый пост, поставьте новую фотографию,

1. Широкую огласку получили многочисленные инциденты блокировки пользователей 9 мая 2020 года за размещение фотографии водружения красного знамени над Рейхстагом. FB извинился перед пользователями и объяснил произошедшее так: «Этот контент был удалён по ошибке нашими автоматизированными инструментами выявления нарушений и теперь восстановлен». Некоторые пользователи были возмущены этим и написали много гневных постов... в Facebook.

укажите свою геолокацию», - неустанно рекомендует некто невидимый. За большое количество комментариев (отрицательных, положительных, глупых – неважно) подписчик получает статус «Топовый подписчик» и значок бриллианта. Плодите и размножайте мнения, и наполняйте ими, словно тенями, виртуальное пространство!

Существуют скрытые, но работающие, как часы, правила: если пользователь не проявляет активности (лайки, комментарии, посты), не запускает рекламу, его публикации перестают показываться, «понижается его приоритет» в ленте новостей. Этими не прописанными в правилах «наказаниями» система стимулирует к активной деятельности в Сети.

Более того, каждый пользователь, будь то администратор группы, публичная личность или самый обычный пользователь, крепко встроен в соединившую в себе коммерческое и идеологическое начала систему Facebook. Соцсети создали десятки инструментов, стимулирующих пользователей платить. Существуют как явные (продвижение своих собственных материалов), так и скрытые способы (изобилие разнообразной рекламы). Обычные пользователи ни за что не платят в самом Facebook, но они являются заложниками рекламы, бесправными и безропотными поглотителями картинок, видео и текстов, главная цель которых – заставить людей заплатить деньги за то, что им не нужно (зачем иначе заставлять?).

Всё разнообразие контента автоматически называется «продуктом», который настойчиво предлагают «продвигать». Эта политика явно входит в противоречие с заявлениями об общественной миссии. Либо Цукерберг, творец глобальной сети, иначе и не понимает «общественную миссию», как в контексте родного ему мира, где русские слова «выгода», «нажива», имеющие негативный оттенок, звучат прекрасно и определяют всё.

Иронично, что при всем многообразии запретов у FB нет интеллектуальной цензуры. Если писать полную ерунду, антинаучную, противоречащую здравому смыслу, но не призывающую к убийствам, терроризму или дискриминации, то публикацию не заблокируют. Кстати, осенью 2020 года FB впервые запустил цензуру с новым фильтром и заблокировал десятки тысяч публикаций, пропагандирующих отказ от вакцинации. В одном этом факте нет ничего настораживающего, но если это станет тенденцией, то о свободе слова на «свободной платформе FB» можно будет забыть окончательно.

5. СИМВОЛЫ (ЗНАКИ, СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЯЗЫК).

В социальных сетях в разных направлениях развивается особый аудиовизуальный язык коммуникации. Это и так называемые «реакции» - от простейших «лайков» и «мне нравится» до разнообразных откликов. Это и смайлики, стикеры и мемы – три новые формы выражения эмоций, отношения, мыслей посредством медиаобъектов.

Смайлики, появившиеся во второй половине XX века как простейшие улыбающиеся лица – «☺» или «☹», набравшиеся на клавиатуре с помощью знаков «двоеточие» и «скобка», развились в отдельный язык. Этот особый язык «эмодзи»² («emoji»), является искусственно созданным и тем не менее сразу воспринятым большинством пользователей как естественная часть их письменного языка. Тенденция замены текстового общения на коммуникацию с

2. По звучанию сходно со словом «эмоция», «emotion», однако в действительности термин произошел от двух японских слов – «картинка» + «символ», что вместе образует слово «пиктограмма».

помощью новых пиктограмм очевидна. Другой вопрос, чем она продиктована: стремительной деградацией интеллектуального уровня среднестатистического человека³ или же, наоборот, желанием наполнить современное упрощенное общение символическими, не читающимися однозначно смыслами? Смайлики отражают все веяния нового времени, в них появляются однополые семьи с детьми, инопланетяне и даже изображение коронавируса (см. Приложение 1).

«Стикер» – формально это рисованные существа, выражающие некоторые эмоции, по размеру они гораздо крупнее обычных смайликов. Большинство стикеров – это животные, нереальные, милые, похожие на усредненных мультипликационных персонажей. Стикеры, в отличие от смайликов, в которых зашифрованы самые простые эмоции, выражают гораздо больший спектр чувств, даже их оттенки.

Интересная психологическая особенность современной межличностной коммуникации – при бесплатной и доступной возможности звонить всё больше людей предпочитают писать. А в письменном общении стикеры просто необходимы – они помогают заменить трудно формулируемые слова веселым или расстроенным котиком, бельчонком, лисенком или вовсе мифическим существом.

Очень часто люди начинают закрываться очаровательным зверьком, прятаться в него, как бы надевая его маску. Стикеры, по своей сути, – потомки карнавальных и ритуальных масок, использовавшихся в том числе на русских колядках. Персонаж обряда действует по строго определенным законам, сложившимся за годы. Подобно ему пользователь социальной сети не может изменить стикер – он может использовать его именно в том виде и с тем настроением, какое заложено в него. Через мимику виртуального животного человек строит свои собственные отношения (огромное количество наборов стикеров посвящено романтике).

Также в распоряжении пользователя, желающего заменить слова неопиктограммами, кроме описанных смайликов и стикеров, находятся также анимированные картинки (которые так же, как стикеры, выражают оттенки эмоций, но не группируются, а существуют разрозненно) и мемы.

Интернет-мем (англ. Internet meme) – медиаобъект в любом виде (созданный при помощи электронных средств коммуникации), распространяющийся и пользующийся популярностью в Интернете, часто порождающий шаблон или форму для дальнейших мемов. Мемом может быть фраза, изображение с подписью или без нее, концепция, видео, даже звуковой ряд.

Впервые термин «мем» в значении «единица культурной информации» употребил оксфордский профессор Ричард Докинз [6] в 1976 году. Журналисты быстро провели параллель между явлением распространяющейся информации в Интернете и «мемом». Слово «мем» прижилось в русском сознании и языке, породило множество производных – «мемчик», «мемасик», «мемолог» (специалист по мемам), «меметика» (концепция развития системы мемов), появился даже сайт memepedia.ru, на котором собраны самые популярные мемы и рассказана история их возникновения.

3. «Образовательные системы будущего», подменяющие реальные знания «мягкими и жесткими навыками», предоставляющие детям и подросткам свободный выбор дисциплин («математика или физкультура?»), в совокупности с тотальным доступом к любой информации, делают любое знание необязательным для запоминания. «А зачем? Все же есть в Интернете».

Понятие «мем» включает в себя большой спектр интернет-явлений: от избитых фраз и простейших картинок с банальными подписями или даже без них до ярких субкультурных явлений с довольно сложным образным рядом, необычной задумкой и подписью.

Чертой мемов является интересная особенность – подавляющее большинство из них имеют в своей основе определенный шаблон, какой-то первоначальный юмористический образ. Не зная его, пользователь все равно поймет шутку (хотя иногда это невозможно), но знакомый с этим первообразом человек оценит её вдвойне. Многослойность многих мемов подразумевает их неоднозначность и отсутствие единственной трактовки и дает право говорить о тенденции развития виртуального символизма.

Многие мемы основаны на кадрах из известных кинофильмов. При этом их значение при использовании в Интернете может кардинально измениться. Новый интернет-смысл замещает собой первоначальный.

Некоторые мемы не уступают по сложности образного ряда некоторым произведениям модернистов, другие же способны с помощью пары метких слов заставить рассмеяться любого. «Пикчеры», то есть авторы мемов, зачастую – талантливые люди.

Но неожиданно возникает вопрос: не служат ли результаты деятельности этих талантливых людей инструментом деградации? Привычка заменять мемами словами и предложения, подсовывая под нос собеседнику или чаще посылая в Сети мем как свою собственную реакцию, вместо ответа, вопроса, оценки очевидно приводит к обеднению мыслительного процесса и речи. Мало того, мем переводится в ряд физических реакций – человек реагирует как персонаж мема в самых разных ситуациях, сводя многогранность возможных реакций к простому, изначально смешному жесту, междометию или короткому восклицанию.

Некоторые исследователи, писавшие о набирающих популярность социальных сетях и интернет-платформах в 2000-2010 годах, говорили о письменной природе коммуникации в условиях новой виртуальной реальности [5]. Однако взаимоотношения человека и информации изменились, и укоренилась совершенно иная тенденция: люди с трудом воспринимают чужую информацию, если она не носит развлекательный характер, написана на серьезную тему литературным языком (без «смайликов» и разговорных словесных конструкций) и длиннее ста слов. Появился даже специальный термин – «длиннопост», называя так свою статью, автор как бы заранее извиняется перед своими подписчиками за необходимость прочитать большой объем текста.

Тенденция аудиовизуализации языка виртуальной реальности, распространения невербальных способов коммуникации нарастает.

Таким образом, мы выявили у крупнейших социальных сетей все (или почти все) признаки традиционных социальных институтов: идеология (как система идей, санкционирующих нормы), кодексы (и санкции за неподчинение), социально значимые функции, установки и образцы поведения, символы (знаки, специфический язык, образ института).

Превращение соцсетей в социальные институты нового типа очевидно. Они не могут быть полностью независимы и самостоятельны ни в каком обществе, они становятся инструментами политического и идеологического влияния, встраиваясь в общественную, экономическую и политическую жизнь государства.

Пока трудно предсказать точно, к чему придет «фейсбукизация» всех сфер

жизни, однако уже сейчас очевидно – проникновение виртуальной реальности в реальность всамделишную, перенос привычных социальных институтов в Интернет нарастает.

Возрастающее влияние виртуальной реальности на «мир оффлайн» также институционализирует крупнейшие соцсети и превращает их в серьезных игроков не только на экономической, но и на политической арене. Быть вне правил, группировок, течений уже не получается.

Очевидно, что соцсети из интернет-сообществ по интересам неумолимо превращаются в инструменты политического и идеологического влияния или даже отдельные общественные институты, которые не могут быть полностью независимы и самостоятельны ни в каком обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов С.С. Социология. - М., 2000. С. 150
2. Цукерберг М. Открытое письмо будущим акционерам Facebook. – The Guardian, 01.12.2012.
3. Нормы сообщества Facebook: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/communitystandards/>
4. «How we address movements and organizations tied to violence»: [Электронный ресурс]. URL: <https://about.facebook.com/>
5. И.А.Медведева. Способы создания образа «я» в виртуальном дискурсе. Вестник Челябинского университета, 2012, №13, стр. 65-68
6. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М., 2013. С. 201

Л.А. АнаньеваТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

МОТИВ УПАДКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ СЕМЕЙНОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ О. РУГЕ «ДНИ УБЫВАЮЩЕГО СВЕТА» И А. ГАЙГЕРА «У НАС ВСЕ ХОРОШО»)

Аннотация. Рассмотрен мотив упадка в романах современных немецкоязычных писателей Ойгена Руге «Дни убывающего света» и Арно Гайгера «У нас все хорошо» в контексте традиции немецкого семейного романа. Мотив упадка выделяется как ключевой в сюжете и поэтике семейного романа. В статье проанализировано проявление данного мотива на уровне сюжета, системы образов и пространственных характеристик романов. Мотив кризиса семьи, духовной и физической гибели героев становится в них отражением значимых исторических процессов и тенденций современной культуры.

Ключевые слова: семейный роман, мотив, немецкая литература, Томас Манн, Ойген Руге, Арно Гайгер

MOTIVE OF DECADENCE IN MODERN GERMAN-LANGUAGE FAMILY NOVEL (BASED ON THE NOVELS BY O. RUGE "IN TIMES OF FADING LIGHT" AND A. GEIGER "WE ARE DOING FINE")

Abstract. The motive of decadence in the novels of modern German-speaking writers Eugen Ruge "In Times of Fading Light" and Arno Geiger "We are doing fine" are considered in the context of the tradition of the German family novel. This motive stands out as a key one in the plot and poetics of the family novel. The article analyzes the manifestation of this motive on the level of plot, the system of images and spatial characteristics of the novel. The motive of the family crisis, the spiritual and physical death of the heroes becomes a reflection of significant historical events and complex cultural trends in them.

Key words: family romance, motive, German literature, Thomas Mann, Eugen Ruge, Arno Geiger

На конец XX- начало XXI в. приходится бурный рост популярности семейного романа в немецкоязычной литературе, вызывающий пристальный интерес исследователей и читательской аудитории к этому жанру. Среди появившихся в последние десятилетия семейных романов стоит упомянуть такие произведения, как «Маленькая фигурка моего отца» П. Хениша ("Die kleine Figur meines Vaters" 1975,) «Письма Павла» М. Марон ("Pawel's Briefe", 1999), «Размытые фотографии» У.

Хан ("Unscharfe Bilder", 2003), «Небесное тело» Т. Дюкеpc ("Himmelskörper", 2003), «На примере брата» У. Тимма ("Am Beispiel meines Bruders", 2003) «Полудница» Ю. Франк ("Die Mittagsfrau", 2007), «У нас все хорошо» ("Es geht uns gut", 2005) и «Старый король в изгнании» А. Гайгера ("Der alte König in seinem Exil", 2011), «Дни убывающего света» О. Руге ("In Zeiten des abnehmenden Lichts", 2011) и др.

Популярность семейного романа связана с одной стороны с характерным для этого жанра сопряжением семейной истории и значимых исторических событий, связью семейных отношений и традиций с тенденциями общественной жизни. Такого рода идеальное сопряжение с действительностью обусловлено динамикой романного жанра: его развитием, вбиранием в себя новых форм для отливки современности, обновлением, взаимодействием с другими жанрами. Как в традиционных, так и современных образцах жанра история семьи разворачивается на драматичном историческом фоне, в период, когда, как пишет М.М. Бахтин «в семейный мирок врывается чужеродная сила, грозящая его разрушением» [Бахтин 1975: 383]. В то же время, по мнению Х. Лутош, популярность семейного романа усиливается вследствие того, что история семьи, представляющая собой «зеркало общества», даёт читателю «надежду» на то, что социальная реальность понятна и устойчива¹ [см. Lutosch 2007: 10].

С другой стороны, интерес к семейному роману возникает сегодня в силу стремительно ослабевающей роли семьи в современном мире. В семейном романе этот социально-психологический кризис получает художественное воплощение.

Жанр семейного романа особенно интенсивно развивался, начиная со второй половины XIX в., когда появились такие образцы жанра, как «Избирательное сродство» (1809) И. В. фон Гёте, «Эффи Брист» (1895) Т. Фонтане, «Будденброки» (1901) Т. Манна, «Ругон-Маккары» (1871-1893) Э. Золя, «Сага о Форсайтах» (1906-1921) Д. Голсуорси, «Дворянское гнездо» (1858) И. С. Тургенева, «Анна Каренина» (1873) Л. Н. Толстого и многих других. Мотив кризиса или упадка семьи в той или иной мере является ключевым в сюжете этих романов. Задача данной работы – исследование мотива упадка семьи в современном немецкоязычном романе как развитие традиций немецкого и европейского семейного романа. Материалом исследования служат семейные романы современных писателей – Ойгена Руге (род. 1954 г.) «Дни убывающего света» и Арно Гайгера (род. 1968 г.) «У нас всё хорошо». В этих романах история семей Умницер-Повилийт и Штерк неотделима от трагической истории двадцатого века. Гипотеза исследования состоит в том, что мотив упадка присутствует на всех уровнях художественной структуры изучаемых произведений: в сюжете, образной системе, в художественном пространстве и вещном мире романов. Центральной теоретической категорией данной работы является категория «мотива». В словаре «Поэтика» отмечается, что «мотив – это обобщенная форма семантически подобных событий сюжетных, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора и литературы» [Тамарченко 2008:131]. По мнению А.М. Бема, мотив – «это предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закреплённая в простейшей словесной формуле» [Бем 2001:298]. То есть, мотив представляет собой повторяющийся элемент сюжета или образной системы произведения, мотив может быть связан с главным героем, хронотопом и тематикой произведения. Исследованию

1. Зди далее перевод с немецкого языка – Л.А. Ананьева.

проблемы мотива в литературе посвящены научные труды А.Н. Веселовского, Б.М. Гаспарова, И.В. Силантьева, И.В. Тюпы и др. А.Н. Веселовский в своей работе «Историческая поэтика» определял мотив как простейшую повествовательную единицу и исследовал его повторяемость в повествовательных жанрах разных народов [см. Веселовский 1940]. В трудах Б.М. Гаспарова продолжается изучение мотива в рамках интертекстуального подхода [см. Гаспаров 1994]. В монографии И.В. Силантьева «Поэтика мотива» представлен прагматический подход к исследованию этой категории [см. Силантьев, 2004].

В немецкой литературе своего рода парадигмой семейного романа является роман «Будденброки» Т. Манна. Центральной темой романа Томаса Манна становится распад семьи, который имеет разнообразные измерения: это физическое угасание Будденброков и, в конечном итоге, исчезновение их рода, и духовный упадок, в котором отражается «вынужденный» процесс угасания «бюргерства» [Lutosch 2007: 8].

Роман современного немецкого прозаика Ойгена Руге «Дни убывающего света» часто называют ГДР-овскими «Будденброками». Мотив упадка выступает одним из центральных мотивов в этом произведении. В романе изображена жизнь трёх поколений семьи Умницер-Повиляйт, каждое из которых по-разному относится к идеологии ГДР. Кризис семьи предстаёт в первую очередь как духовный кризис на фоне краха системы ГДР, но физическая деградация членов семьи, как и в романе Томаса Манна, сопровождает этот процесс. Исторический кризис сложно сочетается с индивидуальным кризисом каждого члена семьи.

Носителями темы упадка становятся все герои романа Руге, причём как представители старшего, так и молодого поколения. Это отличает роман Руге от романа «Будденброки», где упадок затрагивает, прежде всего, молодое поколение.

Уже в первой главе романа многопланово изображено состояние упадка: в полуразрушенном доме Александр, представитель третьего поколения, главный герой и alter ego автора романа, встречается со своим отцом Куртом, находящимся в состоянии глубокой деменции. Состояние Курта символично: он историк и выступает в романе как рефлексирующий герой. В первом эпизоде он предстаёт не способным себя обслуживать и может произнести только «да»: «От Курта пахло старостью, его рот был измазан сливовым муссом, вязаная кофта криво застегнута и тапок только один. Курт больше ничего не мог» [Руге 2011: 10-11]. Его сын Александр – перебежчик: незадолго до краха ГДР он бежал на Запад, полагая, что благодаря этому решению его внутренние терзания – поиск призвания и неспособность к любви – останутся в прошлом. Перед ним открылись новые горизонты, но внутренние противоречия и конфликт с отцом так и не нашли разрешения. В первой главе романа читатель узнаёт об онкологическом заболевании Александра и диагнозе «не операбельно», полученном им в возрасте сорока семи лет. И отец, и сын Умницер изображены, таким образом, в состоянии физической деградации.

Ощущение близости смерти заставляет Александра вернуться к истокам семейной памяти: он совершает путешествие в Мексику, где его бабушка Шарлотта жила вместе со своим мужем в изгнании в конце тридцатых-начале сороковых годов. Александр надеется почувствовать себя частью истории семьи, но стоя перед домом номер 56а на улице Тапачула – бывшем доме бабушки - он не в силах «почувствовать» её «былое присутствие» [Руге 2011:94]. Александр испытывает сожаление о своей быстро прожитой жизни и приходит к мысли, что он был

всегда бесконечно одинок: «Но у меня всегда, всю мою жизнь было ощущение, что у меня никого нет, что я ни с кем. Хотя всю свою жизнь мне нравилось быть с кем-то, но того целого, частью которого я хотел бы быть, я так и не нашел. Это такая болезнь? Во мне нет какого-то гена? Или это связано с моей историей? С историей моей семьи?» [Руге 2011: 358]. Путешествие по Мексике и сближение с семейной историей физически и духовно преображает Александра.

Кризис молодого поколения воплощён и в образе Маркуса Умницера – сына Александра. Этого героя отличает иное отношение к семейной традиции и к истории своей страны. Если Александр находится в поиске своего прошлого, то Маркус равнодушен к истории. Он имеет смутное представление о том, кем был Гитлер, против которого сражалась его прабабушка, о понятиях «нелегальное положение», «нацистское время», «основание ГДР». Подобно Ганно, герою романа «Будденброки», не желающему продолжать отцовское дело, Маркус оторван от семейной истории, лишен полноценной семьи. Маркус, как и его отец, мечтал сбежать на Запад в поисках свободы, новой жизни. Он полагал, что ГДР была обречена на гибель, даже в своей «улучшенной версии». Герой вынужден направить энергию на свое выживание в этом хаотичном мире, в отлучии, например, от Ганно Будденброка, «сублимирующего энергию рода в сферу интеллектуальную и эстетическую» [Безе 2011: 163-167]. Ойген Руге в одном из своих интервью говорит о том, что молодые люди не интересуются прошлым и вряд ли будут интересоваться будущим. Молодое поколение в образе Маркуса отражает кризис в том плане, что он стремится к разрыву со своей семьей, а не к пониманию её прошлого.

Мотив духовного и физического упадка отражается и в образах старшего поколения семьи Умницер-Повиляйт.

Глава семьи – Вильгельм Повиляйт, в отличие от своей жены Шарлотты – бабушки Александра – остается верен коммунистической идеологии. Он прожил свою жизнь ради партии, в которой состоял семьдесят лет. Вильгельм очень крепок физически и психологически, он доживает до своего девяностолетия, которое является центральным эпизодом романа. Но даже такой убеждённый сторонник идеологии ГДР, как Вильгельм, подспудно ощущает происходящий вокруг процесс распада. Кроме того, он страдает старческим слабоумием, о котором сам и догадывается. Здесь целесообразно привести в качестве примера отрывок из диалога Вильгельма и его гостя:

- » Я немного двинулся, – сказал Вильгельм. – Но не совсем.
- » Нет, конечно, нет, – сказал Шлингер.
- » Я еще вижу, куда все катится.
- » Да, конечно, – согласился Шлингер.
- » К чертям собачьим [Руге 2011: 167].

Одним из лейтмотивов романа является фраза Вильгельма «Овощам место на кладбище» [Руге 2011: 167], – предвестие смерти Вильгельма и прекращения существования ГДР.

Носителем мотива упадка является также городское пространство восточного Берлина. Как справедливо замечает М.В. Мазенова, в определенную эпоху художественный образ Берлина отражает политические и социокультурные изменения, коррелирующие с конкретными историческими событиями в стране [см. Мазенова 2020: 271-273]. Образ Восточного Берлина в романе ярко отражает экономический упадок ГДР и отсутствие прогресса.

Деградација городской среды отражена в интерьере квартиры Александра. Стоит отметить цветовые эпитеты: почерневшая штукатурка, грязный и пожелтый снег, красно-коричневые половицы вызывают чувства отчуждения и дискомфорта. В то же время, это жилище, лишённое предметов мебели, говорит об одиночестве и бесприютности героя, это не дом: «Толстый слой льда на полу перекрывал порог... Голая лампочка на потолке. Шкаф. Матрас» [Руге 2011: 253-254].

Восточный Берлин в романе Руге представляет собою «апокалипсическую картину заката мира и крушения индивидуума» [Соколова 2006: 98-137]. Городской ландшафт выступает отражением экономической отсталости, о чём свидетельствуют следующие детали: убого выглядевшие дома, проступающий кирпич, половина светящихся довоенных фонарей, полуразрушенные дома и аркады, сорванный и изломанный почтовый ящик, незакрывающаяся дверь, переполненные кафе, затхлый налет, пустынная местность. Атмосферу кризиса подчёркивают отдельные пейзажные элементы: сильный, свистящий, сдувающий ветер, холод и нечищенный снег.

Можно говорить о сюрреалистичности образа Берлина, которая проявляется, в частности, при сравнении неподвижно сидящих людей в вагонах метро с картонными фигурками, исчезающими под землей. Картину упадка завершает упоминание кладбища, возле которого оказались Курт и Александр, не способные восстановить внутрисемейные связи.

В романе Арно Гайгера «У нас всё хорошо» рассказывается о жизни трёх поколений семьи Штерк-Эрлах. Главный герой романа – представитель молодого поколения Филипп Эрлах получает в наследство дом своих бабушки и дедушки и не знает, как поступить с ним. Он является носителем кризисного мироощущения. Филипп изображён равнодушным, неуверенным и сомневающимся в себе. Но главное, что Филипп, в отличие от Александра Умницера, оторван от семейных традиций, и не стремится к сохранению семейной памяти.

На примере семьи Штерк-Эрлах Гайгер воплощает кризис семейных отношений, складывающийся в эпоху постмодерна под влиянием различных социокультурных изменений. Как пишет Ю.Ю. Комлев, в отличие от традиционной семьи, «в постмодерне брак и семья все меньше определяются реальными материальными, физиологическими и тому подобными потребностями и все больше становятся производными от образов сексуальности и семьи, создаваемых/ конструируемых индивидами» [Комлев 2020: 121-129]. Филипп Эрлах не стремится создать свою семью и продолжить семейный род, находясь в свободных отношениях с замужней Йоханной.

Филипп объясняет свою незаинтересованность в прочных связях с Йоханной и всей семьей в целом личным неудавшимся опытом. Родители Филиппа не были счастливы в браке, несмотря на то, что мать Филиппа – Ингрид, поначалу окрыленная любовью к своему будущему мужу, Петеру Эрлаху, порвала отношения с родителями, не принявшими её избранника. Кризисными являются не только отношения в браке, изображенные в романе, но и отношения родителей и детей. Ингрид предстает перед читателем независимой, сильной, упрямой и свободолюбивой, но со временем она разочаровывается в своем браке. Трагическая гибель Ингрид в водах Дуная вызывает подозрение в самоубийстве.

Филипп находится под непосредственным влиянием травматического прошлого, поэтому не стремится углубиться в историю своей семьи. С одной

стороны, он испытывает горькое чувство вины от незнания фактов жизни своей матери, но с другой стороны, он ограждает себя от пугающей правды: «Нахожу крайне бессмысленным пытаться что-то наверстать» [Гайгер 2011: 10].

Кризис семьи представлен как духовным упадком молодого поколения, так и физически слабым старшим поколением. Мотив физической деградации в романе Гайгера представлен в значительно меньшей степени, чем в романе Руге. В главе, датированной 25 мая 1982 года, Рихард Штерк – дед Филиппа Эрлаха, предстает в состоянии возрастной прогрессирующей деменции: «Рихард разговаривает все время с лампой на потолке, вызывая в своем воображении вещи и людей, принадлежащих к его прошлому» [Гайгер 2011: 418]. Приверженец порядка, властолюбивый отец и муж, римский патриций лишается возможности контролировать свои мысли, окружающих, свое тело: «...Я видела, как он, доедая салат, все пытался подцепить вилкой нарисованные на тарелке листочки» [Гайгер 2011: 37]. Филипп выбирает забвение сознательно, Рихард забывает прошлое в силу физической деградации. Этим героям в романе противопоставлена чуткая и доброжелательная Альма – бабушка героя, которая выступает источником и хранителем семейной памяти.

Таким образом, в современном семейном романе продолжают традиции классического семейного романа эпохи реализма: мотив упадка семьи осмысливается современными авторами на новом этапе. В романах О. Руге и А. Гайгера этот мотив проявляется во всех элементах художественной структуры. Молодое поколение в романах обоих авторов является носителем темы упадка и кризиса семьи. В романе Ойгена Руге речь идет о сложном сочетании исторического кризиса – кризиса ГДР - и духовного упадка героев, разочарования в собственных идеалах. В романе Гайгера драма героев более интимная, разрыв семейных связей и прочных традиций в семействе Штерков указывают на кризис самой идеи семьи в современном обществе постмодерна. Как и в романе «Будденброки» Томаса Манна, Руге и Гайгер не связывают надежды с молодым поколением, которое предстает физически слабым и сомневающимся, лишенным связи с прошлым и находящимся в поиске новых ориентиров. В отличие от Александра Умницера, стремящегося восстановить историю своей семьи, Филипп Эрлах выбирает отказ от прошлого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. - М.: Худ. лит. 1975. - 453 с.
2. Безе Н.Ю. Мотив дома в социально-историческом аспекте (роман «Будденброки» Томаса Манна) // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. - №1-2. С. 163-167
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - Л.: Художественная литература, 1940. – 648 с.
4. Гайгер А. У нас все хорошо. Роман / Пер. с нем. – М.: ИД «Флюид», 2011. – 480 с.
5. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. - М., 1994. – 305 с.
6. Комлев Ю.Ю. Семья в эпоху постмодерн: ракурс интегративного социологического исследования // Научный компонент. 2020. №4 (8). С. 121-129
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.

- Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2001. - 1600 с.
8. Мазенова М.В. (Бурханова М.В.), Берлин как художественный образ в литературе объединённой Германии // Мир Науки, Культуры, Образования. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 2020. №1 (80). С. 271–273.
 9. Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. - 358 с.
 10. Руге О. Дни убывающего света. М.: Издательство «Логос», проект lettera.org, 2017. – 376 с.
 11. Силантьев И. В. Поэтика мотива / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М: Языки славянской культуры, 2004. - 296 с.
 12. Соколова Е.В. Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма / Е.В. Соколова // В сборнике: Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.). Сб. науч. тр.. Сер. «Теория и история литературоведения» Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Редкол.: Соколова Е.В. (отв. ред. и сост.), Пахсарьян Н.Т. (сост.). Москва, 2006. С. 98-137
 13. Lutosch H. Ende der Familie – Ende der Geschichte. Zum Familienroman bei Thomas Mann, Gabriel García Márquez und Michel Houellebecq. – Bielefeld: Aisthesis Verlag 2007, - 199 s.

Пустовалова Марина СергеевнаТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О ДЕНЬГАХ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В работе рассмотрено понятие фразеологизма, его значения и компонентов его значения. Работа обосновывает выделение в значении трех компонентов: денотативного, сигнификативного и прагматического. На базе прагматического макрокомпонента значения проанализированы его микрокомпоненты (эмоциональный, оценочный, экспрессивный). На примере фразеологизмов о деньгах в русском, английском и французском исследован эмоционально-оценочный аспект значения. На основе схожих чувств и эмоций даны соответствующие группы фразеологизмов. Представлены схемы отрицательных и положительных чувств и эмоций. Исследованы особенности употребления идиом в разных языках.

Ключевые слова: фразеологизмы, компоненты значения, структура значения фразеологической единицы, эмоционально-оценочный компонент, русский язык, английский язык, французский язык.

EMOTIONAL-EVALUATIVE COMPONENT OF THE MEANING OF PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS ABOUT MONEY IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH

Abstract. The work considers the concept of phraseological units, its meaning and components of its meaning. The work substantiates the division of the meaning into three components: denotative, significative and pragmatic. On the base of pragmatic macro component, its micro components (emotional, evaluative, expressive) are analyzed. On the example of phraseological units about money in Russian, English and French, the emotional-evaluative aspect of the meaning is researched. On the base of similar feelings and emotions, appropriate groups of idioms are given. The schemes of negative and positive feelings and emotions are presented. The peculiarities of use of idioms are researched.

Key words: phraseological units, components of the meaning, structure of the meaning of phraseological unit, emotional-evaluative component, Russian, English, French.

Введение. Для корректного выбора и использования в речи фразеологизмов стоит учитывать эмоционально-оценочный аспект, то, как они интерпретируются в языке и понимаются адресатом и адресантом в различных речевых ситуациях. Одной из самой широко употребляемых групп фразеологизмов, используемых во всех трех языках (русском, английском, французском), является группа идиом,

связанная с деньгами. Фразеологические фонды рассматриваемых языков богаты устойчивыми выражениями с «денежной» семантикой. Именно фразеологические единицы данного типа будут исследованы в данной работе.

Определение понятий. В первую очередь стоит обратиться к понятиям, которые будут рассмотрены в работе. В лингвистике существует огромное количество определений фразеологизма. В узком смысле, фразеологизм (фразеологическая единица, идиома) — устойчивое словосочетание, значение которого не выводимо из значений составляющих его компонентов [1]. В широком смысле, фразеологизм (фразеологическая единица, идиома), общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые характеризуются постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением, не выводимым из значения составляющих компонентов. Это значение воспроизводится в речи в соответствии с исторически сложившимися нормами употребления [2]. Таким образом, у фразеологизма, как и у слова, можно выделить значение.

В основном, выделяются две стороны значения: грамматическая и лексическая. Остановимся на лексическом значении и рассмотрим его подробнее. Учитывая различные модели, разработанные лингвистами в своих работах, можно выделить три компонента (их также называют макрокомпонентами, слоями, аспектами, элементами (Уфимцева А. А. [3], Алеференко Н. Ф. [4])) лексического значения слова:

- » денотативный (класс предметов, который называют, или один из представителей данного класса);
- » сигнификативный (совокупность характерных черт, существенных черт называемого предмета/класса предметов);
- » прагматический.

Остановимся на последнем компоненте и изучим его более тщательно. Согласно Н. В. Прядыльниковой, прагматический макрокомпонент лексического значения — это компонент, содержащий информацию о месте самого слова в системе культурно-языковых традиций, его оценку относительно социально установленной нормы и уместности употребления в социально параметризованном общении, возможные эмоциональные реакции адресата, зафиксированные вербальной памятью говорящего, а главным образом — информацию об условиях и последствиях использования слова [5].

Таким образом, прагматический компонент значения может включать в себя следующие компоненты (микрокомпоненты):

- » оценочный (наличие отрицательной или положительной коннотации);
- » эмоциональный (наличие у говорящего каких-либо эмоций, вызванных описываемой ситуацией, предметом; данные эмоции могут быть связаны с опытом адресанта);
- » экспрессивный (под экспрессивностью М. В. Никитин понимает «способность производить, оставлять сильное, глубокое или, по меньшей мере, заметное впечатление» [6, с. 298].

Под экспрессивностью во фразеологии в Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило подразумевается изобразительность/выразительность при обозначении фактов действительности, она отражает человеческое мировидение и мироотражение в формах знания субъекта, его мнения, образно-ассоциативного представления и переживания [7, с. 465]. В данном словаре в значении фразеологической единицы выделяют два основных аспекта:

- » структуру значения ФЕ;
- » семантическая структура.

В рамках первого аспекта рассматриваются такие понятия и категории, как: а) идиоматичность; б) мотивированность значения; в) внутренняя форма; г) фразеологический образ; д) оценочные (аксиологические) значения; е) модальные значения; ж) стилистические коннотации; экспрессивные и эмоциональные компоненты; з) функционально-стилевая принадлежность; и) семантические типы ФЕ; [7, с. 114]. Следует отметить, что, таким образом, у фразеологизмов, так же как и у слов, можно проследить наличие эмоционально-оценочного аспекта.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к выводу, что в значении фразеологизмов можно, а порой необходимо, учитывать эмоциональную окраску, особенно в момент речи, непосредственно в ситуации общения. В соответствии с оценочной стороной значения можно сделать определенные выводы по поводу ценностей носителей изучаемого языка. На основании положительных или отрицательных оценок того или иного явления, описываемого с помощью устойчивых словосочетаний, можно проследить различия в менталитете людей, разговаривающих на разных языках, или, наоборот, выявить общие черты.

Поскольку фразеологические единицы являются эмоционально окрашенной лексикой, всегда необходимо учитывать то, какую оценку (положительную или негативную) несет в себе то или иное устойчивое выражение. Человеку, изучающему иностранный язык важно обращать внимание на идиомы, с переводом или пониманием которых могут возникнуть трудности из-за схожести некоторых элементов лексической структуры ФЕ с уже известными ему/ей идиомами (из родного языка или же из первого иностранного языка при обучении второго). В данной работе на основе анализа эмоционально-оценочного аспекта фразеологизмов о деньгах в русском, английском и французском мы попытаемся выделить особенности их употребления в разных языках.

Во всех трех языках широко используются в речи идиомы с «денежной» семантикой, которым присуща отрицательная коннотация. Самой многочисленной является группа фразеологизмов, с помощью которой может быть выражено осуждение или даже презрение по отношению к бездумной трате денежных средств. Так, к данной группе можно отнести такие фразеологические единицы, как:

- » Деньги не растут на деревьях; Money doesn't grow on trees; L'argent ne pousse pas sur les arbres;
- » Бросать деньги на ветер; To throw money around (away)/ Throw money down the drain; Jeter l'argent par les fenêtres;
- » Деньги с неба не падают; Деньги на дороге не валяются. L'argent ne tombe pas du ciel.

Все данные идиомы употребляются в контексте критики, порицания неосторожного и легкомысленного отношения к деньгам в целом и способам их траты.

«Money burns a hole in someone's pocket» употребляется для описания человека, у которого «деньги в кармане не задерживаются», в данном выражении также прослеживается элемент осуждения кого-либо за расточительство. Но значение данного фразеологизма может включать в себя чувство стыда, например, если человек сам оценивает себя как личность, которой свойственно

«прожигать деньги» сразу же, как только они попадают ему или ей в руки. При описании чьего-либо финансового положения в английском языке широко используется выражение со схожей семантикой: «to have money to burn». Стоит заметить, что, несмотря на то что данный фразеологизм имеет общие лексические единицы в составе с вышеупомянутым фразеологизмом «money burns a hole in someone's pocket», между ними есть различие в значении и, следовательно, в эмоционально-оценочной окраске. Первый обращает наше внимание на количество денег, наличие у человека «лишних денег», которые он тратит на совершенно ненужные вещи, идиома может выражать чувства некой зависти и, возможно, осуждения, возникающие у говорящего. Вторая же фразеологическая единица скорее указывает на качество или привычку человека к трате денежных средств, поэтому способна выражать как осуждение кого-то за такое отношение к деньгам, так и чувство стыда из-за наличия такого рода привычки.

Более того, чувство стыда порой содержится во фразеологических единицах при описании заработной платы и ее размеров, например, если человек работает «за гроши/за копейки», «for peanuts» или «pour rien». В английском языке для обозначения ничтожно маленькой оплаты труда также употребляют выражение «for chicken feed» (дословно: за куриный корм). В данном случае важно отметить, что под «chicken feed» подразумевается незначительное количество денег — «мелочь». У человека, родной язык которого является русский, может возникнуть ложная ассоциация с фразеологизмом «денег куры не клюют», в котором эмоциональное отношение говорящего скорее связано с чувством зависти, поскольку такое выражение употребляется по отношению к человеку, который очень богат и у которого денег не только в достатке, но и в избытке, настолько много, что их некуда девать.

Одной из самых значительных является группа фразеологизмов, связанная с затруднительным материальным положением, элементарным отсутствием денежных средств на различные нужды:

- » На мели/Без гроша в кармане; Flat broke; Être fauché;

Всем данным идиомам присуща негативная коннотация и выражение таких чувств и эмоций, как отчаяние, беспомощность, горе, страдание. К этой группе можно отнести и фразеологические единицы, которые ассоциируются с наличием неуплаченных долгов и убытков:

- » Сидеть/Быть по уши в долгах; To be in the dept up to the ears/eyeballs/To be in the red; Être endetté jusqu'à la gauche.

Данные идиомы ассоциируются с безвыходным положением, необходимостью занимать деньги и отсутствием возможности их вернуть владельцу.

Во времена нестабильного дохода, нехватки финансов человека могут одолевать различного рода сомнения, возникать чувства неопределенности и неизвестности из-за плохого положения материальных дел. Все это может быть выражено во всех трех языках с помощью таких фразеологизмов, как:

- » Сводить концы с концами; To make ends meet; Joindre les deux bouts;
- » Держаться на плаву; Keep someone's head above water; Garder la tête hors de l'eau/(Se) maintenir la tête hors de l'eau/Survivre la tête en dehors de l'eau;
- » Жить впроголодь; To live (from) hand to mouth; *Vivre au jour le jour.

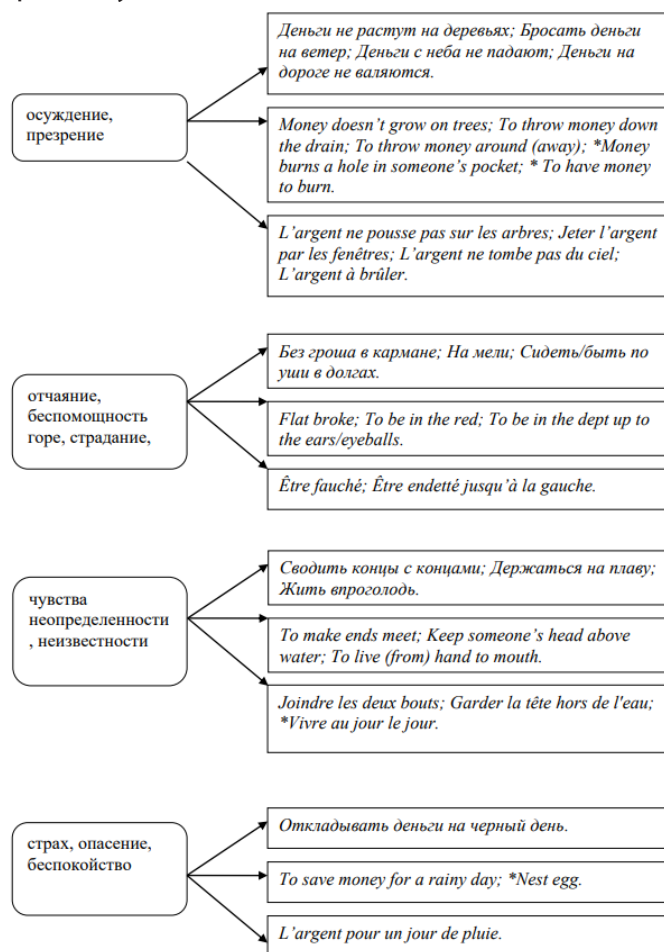
Впрочем, стоит подчеркнуть, что перевод идиомы «vivre au jour le jour» зависит

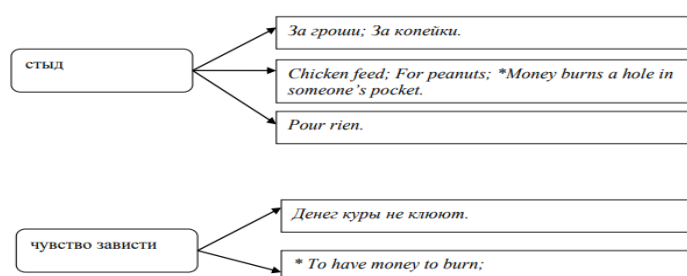
от контекста и может означать не только бедность и необходимость в деньгах, но и стремление человека «жить одним днем» и может иметь как позитивную (жить настоящим, не задумываясь о прошлом и будущем), так и негативную эмоционально-оценочную окраску (относиться к жизни легкомысленно и совершать необдуманные поступки).

Негативный эмоционально-оценочный компонент содержат в себе значения и тех фразеологизмов, которые используются в речи при упоминании и описании тяжелых, кризисных периодов. Например, следующие фразеологизмы выражают страх за будущее материальное состояние, опасение, обеспокоенность:

- » Откладывать деньги на черный день; *To save for a rainy day*; *L'argent pour un jour de pluie*. Для обозначения запаса денег на черный день в английском также используется выражение «nest egg» (пер.: «гнездо»), оно также употребляется в значении «денег, накопленных для определенных целей». Во французском языке полным фразеологическим аналогом служит «*réserve*».

Все вышеупомянутые фразеологизмы с отрицательной оценкой можно представить в виде схемы (рис. 1), на которой наглядно видно, что определенные негативные чувства и эмоции выражаются в идиомах чаще и, следовательно, более распространены. Под знаком * указаны фразеологические единицы, в значении которых могут проследиваться несколько чувств, в зависимости от контекста, в котором они употребляются, ситуации общения, отношения человека к описываемому предмету.

Отрицательные чувства и эмоции в значении фразеологизмов (рис. 1)

Говоря об употреблении фразеологизмов о деньгах, в значении которых прослеживаются положительные эмоции и чувства, можно продолжить тему употребления слова «гнездо» в русском фразеологизме «свить (себе) гнездо». В русском языке это выражение содержит в себе чувство стабильности и даже свободы от внешних факторов, оно означает не только материальное благополучие и наличие постоянного дохода, но и собственное жилье, создание семьи.

Схожую положительную коннотацию имеют идиомы «to be/live in clover» и «vivre comme un coq en pête», которые на русский могут быть переведены как «жить припеваючи», «кататься как сыр в масле», то есть жить в полном комфорте и ни в чем не нуждаться. Положительная оценка данных фразеологических единиц может быть связана с наличием в лексическом составе предметов, которые приносят удачу («clover», «un coq»).

Обширной можно назвать группу идиом, посредством употребления которых можно выразить везение и удачу, особенно это относится к получению больших сумм денег:

» Сорвать куш; Make a killing/Make a fortune/Hit the jackpot; Faire fortune;

Чувство удачи, подразумевающееся в значении идиом, может ассоциироваться с легким способом получения денежных средств, не требующих никаких усилий:

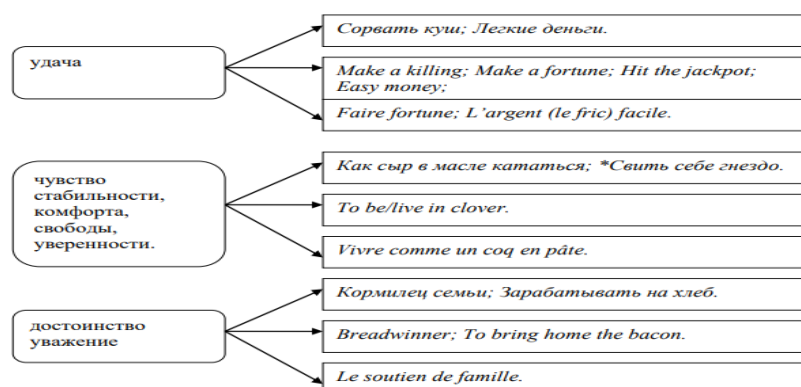
» Легкие деньги; Easy money; L'argent (le fric) facile.

Описание человека, обеспечивающего свою семью или даже добывающего средства для выживания с помощью тяжелого труда, часто сопровождается выражениями, вызывающими чувства уважения и достоинства по отношению к данному члену семьи:

» Кормилец семьи; Breadwinner; Le soutien de famille;

» Зарабатывать на хлеб; To bring home the bacon.

Фразеологизмы, которым присуща положительная коннотация, также представлены в схеме ниже (рис. 2)

Положительные чувства и эмоции в значении фразеологизмов (рис. 2)

ВЫВОДЫ

На основе схемы 1 и схемы 2 можно сделать вывод о том, что более многочисленной и распространенной является группа фразеологизмов с негативной оценкой их значения и отрицательными чувствами. Во всех трех языках деньги, финансовое положение, отношение человека к денежным средствам или описание чьих-то привычек может вызывать не самые приятные чувства. Это можно объяснить со стороны восприятия человеком окружающего его мира: негатив действует на людей с большей силой, негативные эмоции легко захватывают и при этом от них сложно избавиться. Даже позитивные эмоции, ассоциирующиеся с «денежными» фразеологизмами, могут быть связаны со «случайностью», везением. В русском, английском и французском в значении фразеологических эквивалентов и аналогов можно выявить общие эмоции, которыми наполнены данные выражения. Тем не менее, именно отличительные особенности фразеологизмов и их структурных компонентов дают нам представление об уникальности каждого из языков, менталитете людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/index.htm>
2. ФРАЗЕОЛОГИЗМ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); <https://bigenc.ru/linguistics/text/4735262> Дата обращения: 02.05.2022
3. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. - Изд. 4-е. - Москва: URSS, 2010. – 239 с.
4. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово : проблемы функциональной лексикологии : монография / Н. Ф. Алефиренко. - Москва : Флинта [и др.], 2009. – 341 с.
5. Прядильникова Н. В. О соотношении коннотативного и прагматического компонентов в структуре лексического значения // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: Материалы международной научной конференции: в 2-х ч. Ч. 2. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006.

6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Анастасия Андреевна СидороваТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Аннотация: В данной статье рассматриваются интерактивные методы обучения иностранному языку в языковом вузе. Дано определение интерактивного обучения, его принципы, средства и преимущества. Средства представлены в виде методов «Les simulations globales» и «Frontal training» с подробным описанием их сути и способов реализации. Дано определение веб-квеста, представлены его принципы классификации и показано как данный метод может помочь в обучении иностранному языку и формированию иноязычной компетенции у студентов. В конце статьи создан и подробно расписан веб-квест на примере изучения погодных фразеологических единиц и лексики, включающий в себя «Les simulations globales» и «Frontal training», как образец интерактивного урока в изучении иностранного языка в языковом вузе.

Ключевые слова: интерактивное обучение, симулятивное общение, веб-квест, английский язык, французский язык.

INTERACTIVE METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A LANGUAGE UNIVERSITY

Abstract: Examined interactive methods of teaching a foreign language in the language university. Given the definition of interactive learning, its principles, means and advantages. Presented «Les simulations globales» and «Frontal training» methods with the description of their essence and ways of implementation. Given the definition of webquest, its classification principles. Shown how this method can help in teaching a foreign language and forming foreign language competence among students. At the end of the article, created and described a webquest, as example of interactive lesson, including «Les simulations globales» and «Frontal training» methods using the example of studying weather idioms and vocabulary.

Key words: interactive education, simulative communication, web-quest, English language, French language.

В настоящее время наш мир стремительно развивается и появляются все больше ИКТ- технологий, которые непосредственно используются в различных сферах нашей жизни. Очень важно развить у студентов коммуникативную, лексическую и межкультурную компетенцию, чтобы в дальнейшем сделать их квалифицированными специалистами. Таким образом использование интерактивных средств в обучении иностранным языкам облегчает эту задачу.

Интерактивное обучение – это такой способ обучения, который включает в себя активное взаимодействие и работу студентов в группе, где познается

и обменивається інформація між ними, розглядаються різні теми, ставляться і вирішуються проблеми.

Основні принципи інтерактивного навчання заключаються в тому, що вчитель знаходиться в активному взаємодії з учнями і всі погружені в процес. Відсутність меж між вчителем і учнями дозволяє вільно вирішувати задачі. В час уроку всі вільні в спілкуванні і в цей момент пробують щось нове, використовуючи нестандартні підходи до вирішення проблем.

Для реалізації інтерактивного уроку використовуються різні засоби, які безпосередньо використовує викладач для надання матеріалу на уроці. Найголовніше в такому навчанні заключається в тому, що все повинно бути продемонстровано на прикладах або реалізовано через практику, для більш швидкого засвоєння матеріалу, так як все сприймається зорово. Засобами можуть бути комп'ютери, проектори і різні методи надання матеріалу з використанням Інтернету.

Так, саме завдяки різним методам, урок стає більш живим і інформація більш сприймається і запам'ятовується, включаються різні види пам'яті. При формуванні таких компетенцій як комунікативна, лексическа і міжкультурна можна використовувати наступні методи: «Les simulations globales» і Frontal training, які можуть входити в склад веб-квеста.

Для того, щоб почати формувати наступні компетенції, необхідно мати різного роду джерела звукового і графічного контексту. При формуванні лексическої компетенції важливо наявність різних аутентичних текстів – мовні корпуси і звуковий контекст – використання різних відеохостингів, наприклад Youtube. Все це важливо проводити в групі, так як в цей момент виникає необхідність участувати в діалозі на іноземній мові, але іноді допускається використання рідної для уточнення інформації. В цьому випадку добре працює метод тандема «студент-студент» [1], так як він чудово вписується в французькі методи, з'явившись в кінці ХХ століття – «Les simulations globales». «Simulation» – мовна діяльність навчаних, здійснювана в ситуаціях, максимально близьких до реальних і симульована комунікативною задачею або проблемою, які вимагають особистого ставлення навчаних до фактів і подій. [3, С.164] Тобто виникає можливість прийняти на себе різні ролі, бути в різних посадах, тим самим розвиваючи комунікативні навички. Це допомагає засвоїти необхідний пласт лексики і влитися в культуру вивчаємого мови. Суть даного методу складається в створенні викладачем вигаданих рамок, як просторових, так і часових, і їх заповнення студентською групою. [3, с.164]. В такому спілкуванні студент сам визначає своє мовне і немовне поведінку шляхом імпровізації в відповідності з ситуацією. [4, с.122]

Існує три прийоми реалізації даного методу [4, с.122]:

- » Драматизація, тобто коли вчитель заздалегідь дає тему і учні створюють комунікативний акт.
- » Скетч. Заключається в тому, що діалог готується учнями вдома по тій темі і з тими героями, які були задані вчителем.
- » Ролевий гра – це імпровізація діалогу навчаними на певну тему, де є проблема, яку потрібно вирішити.

Frontal training – це такий метод організації уроку, який передбачає

участие преподавателя в обсуждении вместе с учениками, давая им в это время всю необходимую информацию, задавая вопросы, но при этом оставаясь главным в учебном процессе.

Метод «Les simulations globales» можно включить в веб-квест, так как он является заданием с элементами ролевой игры, где ученики должны уметь работать с информацией в Интернете и брать из ссылок только самое важное и необходимое.

Веб-квест – это проблемное задание, которое выполняется путем использования Интернет-ресурсов для поиска необходимой информации. Первый веб-квест был создан Берни Доджем и Томом Мартом 1995 году, после он распространился и стал использоваться как новый метод обучения. Данный метод заключается в том, что преподаватель находит всю необходимую информацию в интернете, составляет задания, и все это размещает на основном сайте веб-квеста, прикрепляя ссылки для того, чтобы ученики, переходя по этим ссылкам, выделяли для себя важную информацию и использовали ее для выполнения этих заданий.

Веб-квесты могут охватывать как отдельную проблему, учебный предмет, тему, так и быть межпредметными.

Б. Додж выделяет три принципа классификации веб-квестов [5, с.243]:

1. По длительности выполнения: краткосрочные и долгосрочные.
2. По предметному содержанию: монопроекты и межпредметные веб-квесты.
3. По типу заданий, выполняемых учащимися: пересказ (retelling tasks), компиляционные (compilation tasks), загадки (mystery tasks), журналистские (journalistic tasks), конструкторские (design tasks), творческие (creative product tasks), решение спорных проблем (consensus building tasks), убеждающие (persuasion tasks), самопознание (self-knowledge tasks), аналитические (analytical tasks), оценочные (judgment tasks), научные (scientific tasks).

Можно создать образовательный веб-квест с творческим заданием (creative product tasks). Изучая тему «Погода» можно предоставить слова и идиомы. Благодаря корпусам и тандем-методу можно узнать о частоте употребления тех или иных слов и идиом [2], тем самым проверив их актуальность. Далее, используя Youtube, можно найти и предоставить ученикам видео с информацией об идиомах с объяснением на иностранном языке и с использованием новой лексики. Затем разместить на основном сайте веб-квеста ссылки сайтов, которые будут рассказывать об идиомах, применении их в жизни и их значениях на русском языке. Возвращаясь на основной сайт веб-квеста, ученики делают задания, а после, пользуясь методом «Les simulations globales», составляют диалоги, учитель тем временем, используя метод Frontal training, следит за процессом и задает ученикам вопросы, чтобы они отвечая на них, использовали новые слова.

Выглядеть он будет примерно так:

Таблица 1

Основной сайт веб-квеста	
Идиома – это фраза или словосочетание, которое неделимо и при дословном переводе возникает расхождение в смысле, который заключается в целой фразе или словосочетании, а не в отдельных ее частях. Благодаря идиомам можно расширить словарный запас, понять взгляд носителей языка на окружающую их действительность, сформировать лексическую и межкультурную компетенцию.	
Ссылка на видео на иностранном языке об погодных идиомах с использованием в нем слов.	
Далее ссылки на сайт с информацией, которая в суммированном виде должна выглядеть примерно так:	
Погода важна во всех культурах и следовательно является отличной темой для разговора. Фразеологизмы с элементами погоды помогут запомнить лексику и более разнообразно описывать состояние. «Большое количество работы/проблем»: Snowed under— «заваленный снегом», использующиеся для описания огромного количества работы, навалившейся на человека как снег. When it rains, it pours/ it never rains but it pours – «когда идет дождь, он льется» в английском и Faire boule de neige / Effet boule de neige дословно переводиться как «делать снежный ком» во французском, часто используется для описания плохих событий, которые идут друг за другом. «Быть счастливым»: В английском это Be on cloud nine «быть на девятом облаке», а во французском это bonheur sans nuage «безоблачное счастье» и avoir la tête dans les nuages «иметь голову в облаках», т.е. быть в мечтах. Все эти идиомы используются для описания возвышенного состояния человека, его уровня счастья.	
Далее ученики возвращаются на основной сайт веб-квеста, где выполняют следующие задания.	
Match idioms with their meanings/ Comformez les idioms avec leurs significations	
Snowed under	Безоблачное счастье (2)
When it rains, it pours/ it never rains but it pours	Находиться с головой в проблемах или работе
Be on cloud nine	Плохие события, которые идут друг за другом (2)
Effet /Faire boule de neige	Быть в мечтах
Bonheur sans nuage	
Avoir la tête dans les nuages	
Do these exercises following the instruction below/ Fêtes les exercices en suivant l'instruction dessous	
In English	En Français
Put the necessary word in the empty place. Translate idioms and write the meanings.	Mettre le mots nécessaires dans la place vide. Traduisez les idiomes et écrivez les significations.
Заснеженный/Снег	

_____ under	Faire boule de _____
Translation and meaning _____	La traduction et la signification _____
Облако	
Be on _____ nine	Bonheur sans _____
Translation and meaning _____	La traduction et la signification _____
Put idioms and words in the empty places/ Mettez les idioms dans les places vides	
Bonheur sans nuage	
When it rains, it pours/ it never rains but it pours	
Avoir la tête dans les nuages	
Snowed under	
Effet /Faire boule de neige	
Be on cloud nine	
Black and white lines	
Did you know that in our live there are black and white lines? Didn't you notice that sometimes we have bad and good days? Last time I was so exhausted from my work but couldn't put it away because I was _____. My boss said me that there is possibility being fired if I don't finish all accounts. Unfortunately, that was impossible to end all businesses till the end of the workday. As soon as I arrived at home, I received a paper notification that said it's necessary to pay my lawn tomorrow. This was the weirdest day in my life, but, you know, when _____. The next day I was called by the boss in my morning, he said that my work is accepted and I have a new position with high salary. Hence, I paid my lawn completely! I was _____. Sometimes your situation can turn in the good way.	
Les lignes noirs et blancs	
Saviez-vous que dans notre vie il y a les lignes noirs et blancs? As-tu aperçu que parfois nous avons les jours bons et mauvais? Dernier temps j'ai été très fatigué de mon travaille pourtant je ne pouvais pas ne pas le faire parce que je pourrais être rejeté. Plus, quand je suis arrivé à la maison la lettre de mon prêt avait été reçu, elle disait que il faut le payer demain. Ce jour était le plus mauvais dans ma vie, on _____ neige. Mais en mantin mon boss m'a applé et m'a dit que j'ai obtenu la haut position. J'avait _____ et j' _____ car il y avait un rêve aller à la mer.	
Далее ученики используют метод «Les simulations globales» и составляют диалоги, а учитель, используя Frontal training контролирует процесс.	
Think up a dialogue (7-10 phrases) using the idioms above in English and French. Écrivez un dialogue (7-10 phrases) en utilisant les idioms plus haut en Anglais et en Français.	

Преимущества веб-квеста заключается в том, что весь урок имеет определенную структуру, направлен на решение проблемы, и при этом нет четких рамок во времени. Появляется работа в группе, где у всех есть общая цель, появляется мотивация узнать новую тему, и ученики сами решают, как им действовать в учебном процессе.

Таким образом, включая данный веб-квест в обычные занятия иностранным языком можно развить у учеников способности к быстрому поиску информации в Интернете. И в процессе поиска и отбора они запомнят фразеологизмы, лексику и формируют иноязычную картину мира, эмпатию к культуре изучаемого языка.

Из этого исследования стоит сделать вывод, что использование интерактива в процессе изучения иностранных языков помогает сформировать ряд компетенций, развивает критическое мышление, делает усвоение лексики, фразеологизмов и грамматических конструкций более легким, так как в этот момент отсутствует напряжение. Представленные выше методы помогут запомнить большое количество информации в течение занятия, сформируют языковую, межкультурную и коммуникативную компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брыксина И.Е., Сидорова А.А. Технологии реализации стандартов высшего образования путем использования тандем-метода // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: материалы XII Всероссийской науч.-практ. интернет-конф. (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С.107-113.
2. Сидорова А.А. Обучение идиоматике с метеонимами французского и английского языков с помощью корпусных технологий // Державинский форум. 2021. Т. 5. № 20. С.97-102.
3. Прилуцкий В.И. Совершенствование иноязычной и межкультурной подготовки студентов на занятиях иностранному языку // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: материалы XIV Всероссийской науч.-практ. интернет-конф. (с международным участием) / отв. ред. Л. Н. Макарова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. С.160-165.
4. Дмитренко Т.А. Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования: учебное пособие / Москва: ИНФРА-М, 2022. С. 164.
5. Горбунова О. В., Кузьмина Н. С. Веб-квест в педагогике, или как обучить работе с информацией // [Народное образование](#). 2013. №6. С.242-249.

Станислав Валерьевич КопырюлинТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация**ОБРАЗНО-МОТИВНАЯ СТРУКТУРА СБОРНИКА
ПОЭТА-ГАЛЛИПОЛИЙЦА Н.В.СТАНЮКОВИЧА
«СВИДЕТЕЛЬСТВО»**

Аннотация. Рассмотрена структура малоизвестного поэтического сборника «Свидетельство» (1939) поэта-галлиполиейца Н.В.Станюковича. На основе биографического, структурно-типологического, культурно-исторического методов дана характеристика образам и мотивам сборника «Свидетельство». Центральными темами являются надежда, тоска по родине, поэт часто использует мотивы смерти, жизни, войны, судьбы, любви, дружбы и др. Отмечено, что галлиполиейская тема в этом сборнике упоминается косвенно, лишь в прологе к сборнику.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, галлиполиейское сидение, писатели-галлиполиейцы, сборник Н.В.Станюковича «Свидетельство», образно-мотивная структура.

**GALLIPOLI POET N.V.STANYUKOVICH'S COLLECTION
“WITNESS”: IMAGE-MOTIVE STRUCTURE**

Abstract: We consider the structure of unknown poetic collection “Witness” (1939) written by Gallipoli poet N.V.Stanyukovich. We analyze images and motives of collection “Witness” by biographical, structural-typological, cultural-historical methods. The central themes are hope, homesickness, the central motives are the motive of death, life, war, fate, love, friendship, etc. It is noted that the Gallipoli theme is mentioned indirectly and only in the prologue to this collection.

Key words: Russian literature abroad, Gallipoli sitting, Gallipoli writers, N.V.Stanyukovich's collection “Witness”, image-motive structure.

Потерпев поражение в Гражданской войне, офицеры и солдаты Белой армии вместе с семьями вынуждены были эвакуироваться из Крыма. Временным пристанищем для армии барона П.Н.Врангеля стал Галлиполиейский полуостров. Это краткое пребывание 1-го Армейского корпуса Русской армии стало ярким культурно-историческим феноменом XX века под названием «галлиполиейское сидение» (ноябрь 1920 года – декабрь 1921 года). Созданный лагерь отличался не только необычайной дисциплинированностью (насколько это было возможно в создавшихся условиях), но и продолжал развиваться культурно: выпускались периодические издания, работала церковь, театр, создавались картины, музыкальные и литературные произведения. Они, как могли, пытались сберечь духовные ценности, которые табуировались в Советской России.

На сегоднешниот ден претставуваат доволно тешко да се востановат имиена на сите писатели-галлиполици и нивни произведения. Существоваат лакуни во литературното наследство на Галлиполи, кои започнаа да се пополнуваат како странски, така и руски истражувачи: Н.Ю.Желтова¹, У.Севинч², Д.Д.Николаев³, М.С.Сосницкаја⁴ и др.

Ранее на нивниот ден веќе беше истражено и анализирано собрание на поет-галлиполиец Н.В.Станюкович (1898–1977) «Из пепла» (1929)⁵. Наследие на Станюкович се чува во «Библиотека на јазици и цивилизации» (фр. *Bibliothèque universitaire des langues et civilisations*) во Париз. Таму беше откриено уште едно собрание на стихотворенија «Свидетелство» (1939). Целоснообразно да се истражи образно-мотивната система на второто собрание на Станюкович и да се проследи настаните во неа.

Собрание «Свидетелство» беше издадено во 1939 година, приближно преку 10 години по изданието на првото собрание «Из пепла». Само назвањето на сборникот е многу симболично, бидејќи ја одразува една од централните теми – надежта на рускиот емигрант за подобра живот. За тоа говори и самиот Станюкович во стихотворението «Необходимо ми е, о човек» (март, 1936): «Так да биде во свидетелството за нашиот ден / Дух на човечност не вечно исчезне...»⁶. Вечно веројатно, дека тоа произведение и послужи идејата за назвањето на сборникот стихотворенија.

Едно од централните мотиви на сборникот «Свидетелство» е мотивот надежта. Како и многу руски емигранти на првото брано, Станюкович верел, дека болшевизмот – тоа е временско несреќа за Русија, и брзо ќе падне, а поетот, како и неговите товариши, ќе можат да се вратат во Русија. Во својата ред, таа надежта нашла одражение во стихотворението «Кабачкој кличкој неа ја прозвонаа» (1938). За да ја пренесе болта од губењето на Русија, поетот користи образот на паднала одурманета жена, која ја третира својот живот: «Лежиш во темнина и продаваш себе»⁷. Иако на тоа обстоятелство, поетот вери во нејзино востание: «Ведно ј-то знам, там – во длабочините на срце – / Неа, предавана зло, светла»⁸. Збележуваме, дека во крајот на стихотворението Станюкович одделува образите на отечина и одурманета жена, при што покажува, дека отечина е метафизична, а, значи, вера во востание на Русија остава непоколеблива: «Ты – отечина – воскреснеш и востанеш, / Ты – жена – погинееш, може бити, / Но срце – ты – вечно не умореш / Отчаиваться и любить»⁹.

Како и за многу руски писатели-емигранти, за Станюкович е карактерно ретроспективно повествование, преку кое се открива мотивот тоска за отечина во сборникот «Свидетелство». На пример, постојат неколку стихотворенија, посветени на оваа тема. Тоа се такви произведения, како «Лапландија», «Осень во Яблочково». За недостаток на биографички

1. Желтова, Н.Ю. Языковая специфика поэзии русского Константинополя: проблема становления художественной концептосферы русского зарубежья // Экология языка и речи. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 77 – 81.

2. Севинч У. Галлиполи – хроноскоп на животното пространство на руски емигранти: чужда земја // Вопросы тюркской филологии. 2016. № 11. С. 356–366.

3. Николаев, Д.Д. Сюжетный диалог А.М.Ренникова и М.А.Булгакова: «Галлиполи» и «Дни Турбиных» // Сюжетология и сюжетология. Новосибирск, 2016. С. 66 – 85.

4. Сосницкая, М.С. Тема Галлиполи в русской литературе // Неофилология. Тамбов, 2020. Т.6. № 24. С. 776–782.

5. Копырюлин С.В. Образно-мотивная структура собрания поэта-галлиполица Н.В.Станюковича «Из пепла» // Неофилология. Тамбов, 2021. Том 7, №27. С. 495–502.

6. Станюкович Н.В. Свидетельство. Париз: [б. и.], 1939. С. 5.

7. Там же. С. 43.

8. Там же.

9. Там же.

сведений о поэте, мы предполагаем, что названные выше стихотворения связаны с воспоминаниями о жизни в дореволюционной России. Мотив тоски по родине в стихотворении «Лапландия» раскрывается через зимние пейзажи: «Порхание лиловых теней, / Преображающее снег <...> И переливы перламутра / В улыбке ранних облаков»¹⁰. Особое внимание поэт уделяет описанию предзакатного неба, которое представляет собой сочетание образов крови и Бога, они делают пейзаж сакральным, изображающим священное начало: «Потоки крови над порогом / И пены розовой венец / И в небе, беспощадно-строгом / Седой карающий отец»¹¹.

Что касается «Осени в Яблочкове», то здесь также используется детальная образность осеннего пейзажа (тучные нивы, полчища крапив, пряная трава увядания, бурая плешивая трава и т.д.). Однако это стихотворение примечательно другой особенностью – здесь образ осени тесно связан со свободой, несмотря на серость и унылость повествования: «Вольность! Вольность в воздухе мороженом. / Дождь и вихрь свились в кольцо. / И глядит пытливо и встревожено, / Дикой осени лицо»¹². Осень ассоциируется со свободой, волей к жизни только в этом произведении, чего нельзя сказать о пласте стихотворений, посвященных жизни в эмиграции.

В этой категории произведений образ осени также тесно связан со свободой, однако эта свобода наступает только лишь после смерти, как, например, в стихотворении «Ранняя осень» (сентябрь 1937 года). Таким образом, образ осени контрастирует в произведениях о прошлой и нынешней жизни: «И вот навстречу неизвестной – Ей – / Летит душа, готовая к обману... / Вот там, в дали кладбищенских аллей, / Я поджидать Ее сегодня стану»¹³.

Образ Франции также прослеживается в ряде стихотворений, посвященных эмигрантской жизни. Он, как и образ осени, является комплексным и противоречивым. Его образуют два компонента: городской и природный пейзажи. Городской пейзаж представляет собой искусственную среду, чужеродную для русского эмигранта, как это прослеживается в стихотворении «Прошмыгнул в котелке и гетрах» (июль 1932 года) (злые машины, бред Парижа, мираж). Существенно дополняет атмосферу искусственности образ Эйфелевой башни, одного из главных символов французской столицы: «И, затаенная в корсет / Башня Эйфеля гнет костяк»¹⁴. Также отрицательное отношение к парижской жизни поэт выражает при помощи образа русского эмигранта, покидающего ненавистный город: «И его уже нет в Париже / И Париж не нужен ему»¹⁵. Тем не менее, поэт находит умиротворение в городском парижском пейзаже в стихотворении «Пер Лашез» (июнь 1936 года). Этим местом является городское кладбище Пер-Лашез (фр. Père Lachaise), самое большое кладбище, являющееся одной из визитных карточек Парижа. Кладбищенская тишина согревает сердце поэта, уставшего от городской суеты: «И воздух сладостный для легких, / Уставших в духоте столиц»¹⁶. В свою очередь атмосфера покоя строится на природных образах (дубы, каштаны, клены), а также при помощи звукописи (шелест весенних листьев, пение незримых птиц). Усиливает атмосферу покоя метафизические и небесные образы: «Я в

10. Там же. С. 8.

11. Там же.

12. Там же. С. 9.

13. Там же. С. 41.

14. Станюкович Н.В. Свидетельство. Париж: [б. и.], 1939. С. 16.

15. Там же.

16. Там же. С. 34.

небо направляю крылья / Я улетаю, я спасен»¹⁷. Таким образом, для Станюковича Париж является парадоксальным местом, в котором покой находится только на кладбище, а бурлящая городская жизнь угнетает.

Что касается природных пейзажей, то для Станюковича они являются утешением в нелегкой эмигрантской жизни, ненадолго помогают отлучиться от парижской суеты. К примеру, в стихотворении «Был мир тюрьмой и за решеткой пыльной», написанному в августе 1929 года в поселке Ла Фавьер (фр. La Favière), расположенном на Лазурном берегу во Франции, поэт рисует умиротворяющие измученную душу пейзажи, которые транслируют читателю спокойствие, легкость, освобождение от всех переживаний. Прежде чем проанализировать стихотворение, необходимо немного рассказать об этом месте. В 1920-е году Ла Фавьер стал пристанищем для многих обеспеченных и известных русских эмигрантов. В этом месте также любили проводить время русский писатель А.И.Куприн (1870-1839), М.И.Цветаева (1892-1941), а также поэт Серебряного века Саша Черный (А.М.Гликберг) (1880-1932), который также был и другом Станюковича. Вполне возможно, что большая концентрация соотечественников, присутствие друзей и коллег по ремеслу, а также живописная природа побудили поэта-галлиполийца к созданию этого произведения. Стихотворение «Был мир тюрьмой и за решеткой пыльной» отличается поразительным контрастом от написанных в Париже. В нем изобилуют природные пейзажи, представляющие собой комбинацию русских и французских образов, создающие атмосферу умиротворения, несмотря на то, что поэт находится не в России: «Кричат сороки и звенят цикады / И человек приветствует, как брат / Сосновый лес, маслины, виноград, / Ущелья дикие и водопады...»¹⁸. Исходя из этого, наблюдается двойственность отношения Станюковича к Франции. С одной стороны, серые будни парижской жизни его заставляют грустить и находить покой на кладбище. С другой стороны, пейзажи Лазурного берега и дружественная атмосфера поселка Ла Фавьер, в котором любили проводить лето русские эмигранты, придает силы к жизни.

Отдельного внимания заслуживает пласт произведений, посвященных известным русским поэтам: Саше Черному и Н.С.Гумилеву (1886–1921). Из воспоминаний Станюковича, известно, что подружились они [Станюкович и С.Черный] в 1929 году в поезде по пути из Ментона (курортный город на юго-востоке Франции) в Париж: «В Париж мы приехали уже друзьями и в немногие оставшиеся ему годы проводили каникулы вместе, в благословенном Фавьере»¹⁹. Впоследствии Станюкович был одним из тех, кто нес гроб Саши Черного, так он вспоминает это трагическое событие в своих мемуарах: «Несли [гроб] князь Лев Оболенский, Ладинский, Билибин, пишущий эти строки»²⁰. Позже Станюкович посвятил Саше Черному произведения «Над братским гробом», представляющее собой цикл из трех стихотворений, написанных в период с августа по сентябрь 1932 года в Ла Фавьер. Очевидно, что все они посвящены смерти русского поэта и друга Станюковича: «Мой брат ночной, мой полуночный гость»²¹. Как видно из этой строки, близость дружбы и ее сакральность подчеркивается эпитетами «ночной» и «полуночный». Этот вывод можно сделать из предыдущего исследования о

17. Там же.

18. Там же. С. 11.

19. Дальние берега: портреты писателей эмиграции: мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В.П.Крейд. М.: Республика, 1994. С. 344.

20. Там же. С.346.

21. Станюкович Н.В. Свидетельство. Париж: [б. и.], 1939. С. 19.

Н.В.Станюковиче, в котором ночь описывается как время священного долга поэта – создания произведений²², и, вполне вероятно, эпитетом «ночной» придается важность их дружбы. Ночь – время для тайных встреч с возлюбленными дамами, либо с очень близкими друзьями, именно ночью стираются границы общения, можно делиться тайнами, сокровенными желаниями и планами на будущее. Центральной мыслью этого цикла является неизбежность смерти: «Как будто берег в бездну не сползает / Как будто смерть не поглотит высот»²³.

Посвящение на смерть Н.С.Гумилева под названием «Поэт носил погон серебряный» (июнь 1933 года) также весьма символично. По оценке литературного критика русского зарубежья С.С.Оболенского, «свой высший прототип он находил в героической лире Гумилева...»²⁴, который был противопоставлением декадентским поэтам серебряного века. Это подтверждается и в самом посвящении, где Гумилев предстает в образе русского офицера («погон серебряный», «царицы русской вензеля»). Чтобы показать свое трепетное отношение к поэту Серебряного века, Станюкович использует образ Иисуса Христа, ссылаясь на трагическую судьбу Гумилева: «И вознесенный высшей волею, – / В веках Распятого завет, – / Был предан черни своеволию / Чтоб смертью утвердить обет»²⁵.

В отличие от первого сборника стихотворений «Из пепла» (1929), в «Свидетельстве» (1939) военная тематика практически отсутствует. Военные образы обнаруживаются лишь в некоторых произведениях для создания необходимого художественного эффекта (например, в стихотворении «Бунт»²⁶). Произведение отражает внутреннюю и внешнюю борьбу поэта в сложных условиях эмиграции, в нем использованы образы сражения, крови, смерти: «мы яростно хватаем ножи и топоры», «ты кровью настоящей забрызган, капитан», «могилою гремющей развезся океан». Война приобрела другой характер, но по-прежнему не отпускает писателя.

Примечательно, что в «Свидетельстве» галлиполийская тема затрагивается косвенно в прологе, написанном в апреле 1921 года в Галлиполи. Следующие строки являются лейтмотивом надежды, характерной для всего стихотворного сборника: «Листы осенние, что падают на землю / Под жалобный напев бичующих ветров, / Струи мятежных вод, обломки берегов, / И голоса богов, которым тайно внемлю...»²⁷.

Отметим, что в последующем сборнике «Возвращение в гавань» (1949) тема Галлиполи отсутствует. Наблюдается динамика отношения поэта к галлиполийскому периоду жизни: пафосность поэмы «Галлиполийский смотр» (1921) сменяется трагизмом стихотворения «На могилу младенца», а затем мотивом надежды в эпилоге к сборнику «Свидетельство». Образ Галлиполи Станюковича трансформируется в тоску по родине, надежду на лучшую жизнь. В стихотворении «На могилу младенца» (1929) «война не отпускает его [Станюковича], постоянно следует за ним»²⁸. Это подтверждается и в сборнике «Свидетельство», в котором галлиполийская тема косвенно фигурирует в прологе, что по сути указывает на

22. См.: Копырюлин С.В. Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла» // Неофилология. – Тамбов, 2021. Том 7, №27. С. 495-502.

23. Станюкович Н.В. Свидетельство. – Париж: [б. и.], 1939. С. 20.

24. Оболенский С.С. Станюкович // Возрождение. Париж, 1978. №2. С. 235.

25. Станюкович Н.В. Свидетельство. – Париж: [б. и.], 1939. С. 24.

26. Там же. С. 30-31.

27. Там же. С. 3.

28. Копырюлин С.В. Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла» // Неофилология. – Тамбов, 2021. Том 7, №27. С. 499.

то, что тема Галлиполи в творчестве Станюковича трансформировалась в иную форму, она проходит сквозной нитью через весь сборник стихотворений. В нем образ войны окончательно приобрел внутренний характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дальние берега: портреты писателей эмиграции: мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В.П.Крейд. – Москва: Республика, 1994. – 382 с.
2. Желтова, Н.Ю. Языковая специфика поэзии русского Константинополя: проблема становления художественной концептосферы русского зарубежья / Н.Ю. Желтова // Экология языка и речи: материалы VIII Международной научной конференции / науч. ред. А.Л. Шарандин; – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 77 – 81.
3. Копырюлин С.В. Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла» // Неофилология. – Тамбов, 2021. – Том 7. – №27. – С. 495-502.
4. Николаев, Д.Д. Сюжетный диалог А.М.Ренникова и М.А.Булгакова: «Галлиполи» и «Дни Турбиных» / Д.Д. Николаев // Сюжетология и сюжетография. – Новосибирск, 2016. – С. 66 – 85.
5. Оболенский С.С. Станюкович // Возрождение. – Париж, 1978. – №2. – С. 235.
6. Севинч Учгюль. Галлиполи – хронотоп жизненного пространства русских эмигрантов: чужая земля / Севинч Учгюль // Вопросы тюркской филологии. – 2016. – № 11. – С. 356-366;
7. Сосницкая, М.С. Тема Галлиполи в русской литературе /М.С. Сосницкая // Неофилология. – Тамбов, 2020. – Т.6. – № 24. – С. 776-782.
8. Станюкович Н.В. Свидетельство. – Париж: [б. и.], 1939. – 48 с.

Денис Сергеевич ГудинТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

ПРОСТРАНСТВО РАЗРЫВА В РОМАНАХ Е. ВОДОЛАЗКИНА, П. КРУСАНОВА И ЛИ БАРДУГО

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ романов современных русских и зарубежных писателей Е. Водолазкина, П. Крусанова, Ли Бардуго, в творчестве которых актуализируется «пространство разрыва», символизирующее кризис истории, культуры, памяти, коммуникации.

Ключевые слова: Ли Бардуго, Е. Водолазкин, П. Крусанов, русская литература, художественное пространство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90048.

Цель данной работы — показать универсальное, резонирующее чувство пространства у национально и идеологически непохожих писателей, обращающихся в своём творчестве к «русской» теме и проблеме власти. Под «пространством разрыва» мы понимаем модель художественного пространства, отражающую чувство кризиса времени, ощущение трагически нарушенной исторической целостности, расколотость памяти и культуры.

Пространство разрыва актуализируется не только в «серьёзной» литературе, но оказывается востребованным также современной коммерческой прозой, в том числе произведениями Young Adult направленности. В трилогии-бестселлере «Тень и кость» американско-еврейской писательницы Ли Бардуго, вдохновлённой русской культурой и мифологией [1] (жанр произведения автор определяет как «царьпанк» [2–3]), сильно выражено чувство географического кризиса, распри, невозможности диалога между восточными и западными регионами: социальная жизнь вымышленной страны Равки, в которой угадывается альтернативная Россия XIX века или рубежа XIX–XX веков, осложнена существованием тенистого каньона (неморя) — волшебного смертельного пространства, населённого монстрами. Идея преодоления пространственного разрыва, уничтожения теневого каньона имеет сюжетоорганизующее значение и является конечной целью главных героев романов.

Фэнтези — это в первую очередь вид развлекательной, массовой литературы, остающийся вне парадигмы высоких жанров, а маркетинговая помета «Young Adult» подразумевает нацеленность на потребителей текста конкретного возраста — подростков и молодых взрослых, т.е. людей кризисного, пограничного, переходного возраста. Однако массовое искусство, с одной стороны, эксплуатирует наиболее древние мифологические, архетипические образы, а с другой стороны, является индикатором настроения и мироощущения культурной эпохи, свидетельствует о социальных потребностях, страхах и ценностях, позволяет сформировать представления о картине мира человека

того или иного времени. В данном случае автор не является носителем русской культуры и оперирует стереотипными представлениями о русском пространстве и географии. Маркерами русского мира (или, по крайней мере, внешне очень похожего на него мира) становятся гетеростереотипные концепты — двуглавый орёл, царь, опричник, кафтан, самовар, квас, дворянский бал, лошадиная тройка, жар-птица и др.; топонимы, созвучные наименованиям русских городов, — Новокрибирск / Новосибирск, а также славянские имена и фамилии героев — Алина Старкова, Николай Морозов, Фёдор Каминский. Поэтому претензии и недовольство учёных относительно литературной «кляквы», поверхностного понимания русской истории и культуры, неумение / нежелание автора отобразить в тексте доминанты русской духовной жизни [4, с. 94–107] обоснованы и по преимуществу справедливы. Однако пространственные модели, демонстрирующие разорванность, дуализм русского мира, антиномичность русской души, и в целом хронотоп тотального разрыва связей, воплощённый в образе «неморя», каньона, заполненного тьмой, оказываются недалеко от тех представлений, какие реализуют в своём творчестве современные русские писатели.

Трилогия Ли Бардуго сильно напоминает роман постмодерниста, «петербургского фундаменталиста» П.В. Крусанова «Укус ангела», и является будто бы «крусановским текстом на минимальных настройках». Сравним схему романов. В двух произведениях альтернативная Россия, в которой жива древняя магия, пребывает в перманентном состоянии разрыва — социального, политического, культурного, географического, буквальным воплощением которого является некая мистическая межа — у Бардуго это тенистый каньон, у Крусанова — след огненного жёрнова-колеса. Главные герои — Алина Старкова и Иван Некитаев — сверхлюди смешанной, русско-китайской крови (у Бардуго Китай назван Шуханом), готовые возглавить империю. Обоим героям приходится «соревноваться» в способностях с великим предшественником, виновником магической границы Востока-Запада — генералом Дарклингом (Александром Морозовым) и голь-государыней Надеждой Мира соответственно. Оба героя для уничтожения врагов выпускают иномирных тёмных существ — созданных из тени и скверны «ничегой» [5, с. 209] и «псов Гекаты», которые описываются так: «чудовищные образы чужого мира, кошмары надсознания, жуткие обитатели нетварной тьмы» [6, с. 283]. В художественных мирах Бардуго и Крусанова также значимы образы мистических теней, которые подчиняются воле самых сильных магов, а само русское пространство воспринимается как царство теней: «Обычно эти призраки безвредны, да и Некитаев был защищён талисманом и заговорами, но тем не менее яростная тень могла вносить разлад в труды чернокнижников» [Там же, с. 125–126].

У Бардуго пространство разрыва можно трактовать по-разному — с одной стороны, это жанровое клише (топос разрыва, мифологической границы, стены — теперь практически неотъемлемый атрибут произведений фэнтези-литературы), но вместе с тем это и сторонний беглый взгляд на русскую культуру, её своеобразное художественное исследование и постижение (известно, что писательница даже обращалась к научным работам¹, в которых постулируется

1. Официальный сайт, посвящённый творчеству Ли Бардуго [электронный ресурс]. URL: <https://www.leigh-bardugo.com/grishaverse/historical-inspiration/> (дата обращения: 22.04.2022); Figes, O. Natasha's dance: a cultural history of Russia. New York: Picador, 2002; Massie, S. Land of the firebird: the beauty of old Russia. New York: Simon and Schuster, 1980; Ivanits, Linda J. Russian folk belief. London, 1989.

идея о русской дуальности, в том числе пространственной — противопоставлении столиц, Москвы и Петербурга) [4, с. 97–98].

Роман Крусанова появился в хронотопе разрыва (и это само по себе примечательно), на сломе двух веков — в 1999 г. в журнале «Октябрь» вышла сокращённая версия, а в 2000 г. был опубликован книжный вариант. Роман перенасыщен мифологическими образами, в нём сплавлены евразийские идеи [7, с. 175–178], «имперские», неопундаменталистские [8, с. 23] взгляды писателя (Российская империя как Последнее Царство, носитель духовной памяти [6, с. 188]) с предощущением внутренней и внешней войны и глобальных изменений в России и мире. Маркерами художественной реальности романа становятся ницшеанские сверхлюди, правители России — Иван Некитаев и его предшественница Надежда Мира, существующие по ту сторону добра и зла. Оба они, как две высшие правды, как Ветхий и Новый заветы, взаимно отражаются друг в друге. Хронологическая точка отсчёта, «великий предел» российской истории и её важнейший момент у Крусанова — не Рождество Христово, а Воцарение (именно так, с прописной буквы) Ивана Некитаева, поэтому большинство глав (кроме первой и девятой в книжной версии) сопровождаются пометой — указанием года относительно Воцарения.

Таким образом, фигура богоподобного императора — темпоральная координата, Некитаев в буквальном смысле разрывает историю своей страны на до и после, а в финале романа готов сделать то же самое, но уже с историей мировой, применив «оружие массового поражения» — псов Гекаты. В этом смысле Е.В. Борода определяет героя как «последнюю фазу становления мира» [9, с. 38]. Духовным наставником Некитаева и канцлером его империи является «мог» Бадняк — обладающий магической силой старец, который может управлять временем: «Бадняк — великий мог, способный по прихоти совершать повороты и жить в обратную сторону — к детству» [6, с. 139]. Власть Некитаева над темпоральностью настолько велика, что одного его приказа было бы достаточно для того, чтобы «выдавить младшее время» из мира: «Время — это и есть чёрт. Без времени здесь наступит тот свет. Тот свет для всех — без победителей и побежденных» [Там же, с. 285].

Главы романа «Общая теория русского поля» и «Сим победиши» — единственные, которые не привязаны к Воцарению. Это говорит нам о том, что описываемые в них события существуют вне хронологии и, следовательно, вне времени. В первой главе раскрывается предыстория Некитаева, описывается его детство, которое проходит в родовом имении, в северно-русском раю, расположенном под Порховым, городком Псковской области. Это место с «выключенным» временем становится сакральным центром мифопространства романа, его наиболее цельным, идиллическим хронотопом, противопоставленным всему чужому — Востоку-Китаю и Западу [7, с. 176–177]: «<...> Там, в имении Некитаевых, жадно впитывая разлитое вокруг ювенильное счастье, дети подолгу сидели в пряном разнотравье на берегу озера, <...> и ждали — не выскочит ли из воды за мошкой серебряная уклея» [6, с. 12]. В конце главы кратко рассказывается о более глубоком прошлом — кровавой распре, охватившей Россию, войне между сторонниками Отца Империи и Надежды Мира. Девятая глава под названием «Сим победиши» происходит «во времена медленные и молодые» [Там же, с. 149] и от и до посвящена истории разрыва России на Гесперию со столицей в Петербурге и Восток со столицей в Москве.

Если Иван Некитаев, как мы писали выше, — временная координата, то козьеглазая самозванка Надежда Мира — пространственная. Её произвела на свет не столько женщина, сколько сама русская хтонь, поэтому героиня мотивно связана с землёй и от земли не делима (даже её первое имя-прозвище — Клюква — ягода, произрастающая на зыбкой, мифологически пограничной, болотистой почве). Некитаев делит «хронос» на до и после, а «вневременная» Надежда Мира прокатывает через всю Россию гигантский пылающий жёрнов, который на три года оставляет непреодолимый магматический след: «<...> неведомое и грозное, едва касаясь земли, катилось <...> огромное огненное колесо с антрацитовым зрачком на месте незримой оси, <...> позади, за колесом, курился прах над чёрным выжженным следом, и был этот след в ширину триста сажен без семи вершков» [Там же, с. 162]. Надежда Мира выигрывает войну и забирает себе западную половину царства, чтобы править из любимого ею города-грёзы — Петербурга, а потом и вовсе слиться с ним в мистическом браке, став призраком, тенью, неуспокоенным «шёлковым шелестом» питерских колодцев и проспектов [Там же, с. 22].

Петербург в творческом сознании Крусанова — пространство мифологического разлома, границы, канал в иной мир: «<...> город, где воды рек текут сквозь камень <...> и где тени появляются прежде своих тел и не исчезают, когда тела уходят» [Там же, с. 150]. Так, петербургские старцы-«моги» Васильевского Острова обладают могуществом открыть «хрустальные ворота» и выпустить зловещие силы, клубящиеся в потустороннем царстве. Петербург — это и омытый Невой, оторванный город-остров, и город-медиатор, перекрёсток всего со всем, доминанта русской и общемировой культуры и духовности: «<...> исчезни вся цивилизация — одного Петербурга будет достаточно, чтобы целиком восстановить её» [Там же, с. 230]. Такое понимание автором своего родного городского пространства в целом укладывается в концепцию В.Н. Топорова о «петербургском тексте» [10] русской литературы и наследует традициям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Вяч. Иванова, А.А. Ахматовой, А. Блока, а в первую очередь А. Белого. Таким образом, Крусанов создаёт максимально дискретный художественный мир, в его основе мифологическая оппозиция своего и чужого. В романе «Укус ангела» актуализируется хронотоп разрыва, победить который, по мысли автора, может героическая сверхличность — Иван Некитаев, символ географической экспансии, фундаментальных основ, олицетворение незыблемости «русского мира». Способ, который выбирает Некитаев для преодоления разрыва, не чужд постмодернистской эстетике — он готов пустить в ход супероружие и деконструировать текущий уклад жизни. У романа открытый финал, так что решение проблемы тотального разрыва остаётся «за кадром».

Романы Е. Водолазкина и П. Крусанова, выстроены во многом на общей культурной, философской, мифологической матрице (не последнюю роль здесь играет петербургский локус) и довольно часто оказываются мотивно близкими, но тем не менее противопоставленными идейно. Например, любопытным схождением в романах «Оправдание Острова» и «Укус ангела» является мотив одеревенения, слияния с растительным миром. Один из героев романа Крусанова, уездный предводитель дворянства Легкоступов-старший, превращается в дерево: «Когда его, чумазого, отвели наконец в баню, то к общему изумлению выяснилось, что на старческом теле кожа повсеместно затвердела и местами словно взбугрилась корой» [6, с. 76]. Впоследствии «дерево» выставляют

в Кунсткамере: «Экспонат номер четыре тысячи шестнадцать <...>. К тому же у него отпиlena нога, а на культе видны годовые кольца — ровно семьдесят шесть» [Там же, с. 119]. У Водолазкина мы не встречаем этого постмодернистского, жёсткого и саркастического взгляда: «деревенеют» в его прозе, как правило, старики, которые готовятся раствориться в мире, которые почти стали частью всего сущего: «Ее Ботаническое Высочество Ксения называет деревья: пиния, бук, акация, каменный дуб. <...> Выбираем акацию. Мы с ней уже близнецы: морщины, суставы, пальцы-крючья. <...> Степень древесного в нас близка к критической» [11, с. 244–245].

Е.Г. Водолазкина интересует не литературная игра ради игры, не постмодернистская деконструкция [12, с. 273; 13], а построение такой художественной системы, в основе которой лежал бы обратный постмодернизму, созидательный, в какой-то степени даже средневековый, религиозный принцип (надо иметь во внимании, что Лактанций, Иероним Блаженный, Августин Блаженный объясняют феномен религии через латинское слово «religare», что означает «связывать», «соединять», или даже «religere» — «воссоединять» [14]). На вопрос интервьюера о тенденциях современного литературного процесса Водолазкин однозначно отвечает: «<...> выполнив свою деструктивную задачу, постмодернизм в классическом своём виде кончился. Теперь начинается новый этап, который <...> некоторые считают конструктивной фазой постмодернизма. Вполне вероятно, однако, что это — не фаза постмодернизма, а начало совершенно нового культурного цикла <...>» [15].

Герои всех романов Водолазкина существуют в хронотопе разрыва или, наоборот, наложения эпох. Например, герой «Лавра» Арсений живёт не только в средневековом пространстве-времени (медиальность сама по себе приравнивается к промежуточности, пограничности), но и на стыке Средних веков и Нового времени. Особенно символично, что год 7000-й (1492), в который на Руси ожидался конец света и в который Колумбова экспедиция достигла берегов Америки (нижняя граница Нового времени, согласно западной историографии), становится рубежом для героя, в этот год он принимает великую схиму — высшую монашескую степень, отправляется в отходную келью для того, чтобы стать пустынником, преодолеть время и познать мир в себе самом. Иннокентий Платонов, герой «Авиатора», является ровесником и «близнецом» века, «человеко-веком». Несмотря на то, что большую часть двадцатого столетия он проводит в замороженном состоянии, Платонов чувствует тоску, болезненную ответственность и внутреннюю пустоту за непрожитые годы, которые пытается восполнить по рассказам друзей, книгам, фильмам и кинохроникам. Кроме того, герой находит Бога и примиряет две очень непохожие эпохи — начало и конец XX века, а следовательно, и разные мировоззренческие системы — модернистскую и постмодернистскую (и тем самым будто бы художественно объясняет христианскую этику и созидательную эстетику литературной постпост-эпохи). Структурно роман «Брисбен» выстраивается как полифоническое чередование двух тем — глав дневниковых и глав биографии гитариста Глеба Яновского. Дневник повествует о «здесь и сейчас» героя и имеет точную датировку: с 25.04.2012 по 09.07.2014, а биография последовательно рассказывает о детстве и взрослении героя с 1971 по 2000 гг. Трагедия Яновского в том, что он оказывается «зажатым» между жерновов двух эпох (советское и постсоветское), двух веков, двух христианских тысячелетий и двух культур. Однако в качестве исследовательского материала

мы выбрали «Оправдание Острова». Во-первых, этот текст был опубликован в 2020 г. и остаётся практически не изученным. Во-вторых, он в полной мере рассказывает о художественном методе Водолазкина — особенностях его писательской техники, проблематике творчества, позволяет сформировать представление об этических, эстетических, идеологических, философских взглядах писателя. Также в нём обострено пространственное выражение чувства кризиса, распада времени и культуры. В-третьих, роман «Оправдание Острова» идейно наиболее полемичен роману П. Крусанова «Укус ангела» как постмодернистскому (раннепостмодернистскому) неомифологическому тексту о власти и сверхчеловеке. А нас, безусловно, интересует обостряющаяся в 2010–2020-х гг. полемика между постмодернистским видением мира и тем взглядом, который предлагает новая, пока ещё только зарождающаяся и не до конца оформившаяся литература.

Роман представляет собой историю страны-Острова, которую последовательно излагают монахи-хронисты. Каждую такую главу хроники комментируют трёхсот сорока семилетние Парфений и Ксения — князья, которые когда-то правили Островом, но после череды придворных интриг, переворотов, революции и полномасштабной гражданской войны оказались на «принудительной пенсии». Кроме того, княжеская чета выступает консультантами биографического фильма, посвящённого их истории, и рассказывает о съёмках в заметках на полях Истории Острова.

В результате заданной контрапунктной повествовательной модели возникает любопытный эффект: Парфений и Ксения одновременно существуют, во-первых, как персонажи объективной художественной реальности романа (авторы комментариев), во-вторых, как персонажи хроники (однако и тут есть сложность — Прокопий Гугнивый, один из хронистов, создал и описал две взаимоисключающие версии одной истории, истинную и неистинную), в-третьих, как персонажи фильма-биографии (на съёмочной площадке грань между реальными героями и детьми-актёрами, исполняющими роли Парфения и Ксении, стирается), в-четвёртых, как персонажи, существующие в сознании друг друга (комментарии княжеской четы по мере развития сюжета становятся более развёрнутым и дорастают до полноценной дневниковой формы, и мы видим взгляд героев друг на друга). Из-за наслоения хронотопов княжеская чета, подобно коту Шрёдингера, существует одномоментно и параллельно на разных ярусах романного пространства, а также во времени и вне его, во всеобщей (объективной) истории и за её рамками, одновременно в прошлом, настоящем и альтернативном, сакральном пространстве-времени, где возможен диалог с Господом (в финале романа герои исчезают, и, по предположению хрониста, оказываются телесно взятыми на небо).

Главный пространственный концепт романа «Оправдание Острова» (что в общем-то не удивительно) — «остров». Согласно толковому словарю, остров — это участок суши, со всех сторон окружённый водой, а также участок, выделяющийся чем-либо от остальной местности [16, с. 463]. Даже на концептуальном уровне остров — пространство, «оторванное» от мира. Остров, на котором разворачивается романное действие, долгое время существует автономно от Большой земли, вне всеобщей истории, вне материковых представлений о темпоральности, вне христианской религии: то есть остров в данном случае — не столько географическое, сколько символическое пространство. Остров —

метафора государства, а история Острова, по словам автора, — модель не только российской или византийской, но всеевропейской истории [17].

Островное государство в романе разделено на два географических и культурных региона — Север и Юг, которые периодически враждуют друг с другом. Мифологической границей Севера и Юга является Лес: во время княжеских междоусобиц он останавливает натиск северян и остаётся непреодолимой границей даже спустя столетия, в век поездов и железных дорог. В послереволюционные годы в Лесу устраивают первый островной Трудовой Лагерь (отсылка к Соловецкому лагерю-острову, описанному в романе «Авиатор»). Таким образом, в отличие от романа Крусанова, пространственными оппозициями в «Оправдании Острова» выступает пара «Север / Юг», а не «Запад / Восток». По мнению Д.С. Лихачёва, для европейской (в том числе и русской) пространственной концептосферы не характерен антагонизм Запада и Востока, а историческое «противостояние» Севера и Юга обусловило в Руси-России феномен двух столиц — внутренней и окраинной, северной и южной, Новгорода и Киева, Санкт-Петербурга и Москвы: «Россия — это Скандовизантия, а не Евразия — как по своему государственному происхождению, так и по своей культурной сути» [18, с. 127–131].

Романы «Оправдание Острова» и «Укус ангела» исследуют природу человеческой власти. В обоих текстах постулируется мысль, что личность исключительного правителя / правителей способна победить тотальную дискретность мира. Однако главные герои Водолазкина, «Их Светлейшие Высочества» Парфений и Ксения, сцепляют мир не жёсткой волей и военной силой, а неразрушительной преданностью человечеству, своей совершенной любовью друг к другу и Богу. Как и у Крусанова, герои являются маркерами, координатами пространства и времени: они часть Острова, его многовековой культуры, а их союз — это не только брак мужчины и женщины, но союз Севера и Юга (герои были наследниками двух воюющих родов), Острова и континента, земли и неба; они символы единства истории и непрерывности времени — последний мост, связывающий настоящее с прошлым. В своей исключительности Парфений и Ксения подобны острову, настолько не вписываются в представления о человеческом бытии их долголетие, целомудренность, одновременная всенаходимость и вненаходимость.

Таким образом, во всех рассмотренных текстах в качестве ведущей модели художественного пространства выступает пространство разрыва. Пространство разрыва актуализируется как в «серьёзной» литературе, так и в жанровой, коммерческой прозе. Пространство разрыва — это реакция литературы на то, что происходило и происходит в мире, это воплощение чувства всеобщего кризиса — кризиса веры, культуры, памяти, коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shadow and Bone by Leigh Bardugo — why should you read it? // The Guardian [електронные ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/jun/20/teen-book-club-why-read-shadow-and-bone> (дата обращения: 22.04.2022).
2. Genre Friction: What is Tsarpunk? by Leigh Bardugo [электронный ресурс]. URL: <https://ageofsteam.wordpress.com/2012/04/25/genre-friction-what-is-tsarpunk-by-leigh-bardugo/> (дата обращения: 22.04.2022).
3. Чугункина В. «Гарри Поттер» в мире царь-панка: «Что нужно знать об экранизации бестселлера «Тень и кость» // Кинопоиск [электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4004491/> (дата обращения: 22.04.2022).
4. Губинская А.А. "Shadow and bone": negative spaces of meaning // История: факты и символы. 2021. № 3(28). С. 94–107.
5. Бардуга, Ли. Кровь и восход. М.: АСТ, 2018.
6. Крусанов П.В. Укус ангела. СПб.: Азбука, 2013.
7. Торосян А.С. Евразийское пространство в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 175–180.
8. Кротова Д.В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова // Филология: научные исследования. 2017. № 3. С. 19–26.
9. Борода Е.В. Государь и его государство: опыт воплощения идеи в художественном мире Павла Крусанова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2009. №1. С. 32–38.
10. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство, 2003.
11. Водолазкин Е.Г. Оправдание Острова. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021.
12. Солдаткина Я. В. Категория времени в современной русской прозе (М. Шишкин, М. Петросян, Е. Водолазкин) // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер.: Філологічні науки. 2013. № 2. С. 271–280.
13. Жучкова А.В. Преодолевшие постмодернизм // Филология и литературоведение. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/03/1351> (дата обращения: 20.04.2022).
14. Андреев И.М. Православная апологетика // Азбука веры [электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/https://azbyka.ru/pravoslavnaia-apologetika/> (дата обращения: 20.04.2022).
15. Шемшученко В. Постмодернизм кончился. // Литературная газета. 2014. №29 (6472) [электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-29-6472-23-07-2014/postmodernizm-konchilsya/> (дата обращения: 21.04.2022).
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 463
17. Бугулова И. Остров сокровищ // Российская газета [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/11/26/evgenij-vodolazkin-rasskazal-o-svoem-novom-romane-opravdanie-ostrova.html> (дата обращения: 20.04.2022).
18. Лихачёв Д.С. Древний Новгород как столица — предшественник Петербурга // Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. Т.2. СПб.: АРС, 2006. С. 127–131.

811.133.1'367.624'255.4=163.3

Јоана Хаџи-Лега Христоска

Филолошки факултет „Блаже Конески“ - Скопје

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Република Северна Македонија

ЗА ЕДНА УПОТРЕБА НА ФРАНЦУСКИОТ ПРИЛОГ SI И НЕГОВИТЕ ЕКВИВАЛЕНТИ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Резиме: Предмет на разгледување на овој труд е формата SI во францускиот јазик која е доста комплексна од морфосинтаксички и семантички аспект и претставува своевиден предизвик за истражувачите, особено кога се обработува во контрастивна перспектива. Се задржуваме на нејзината употреба како прилог за потврдување, кој се јавува како одговор на исказна или прашална реченица во одречна форма. Целта на овој труд е да се осврне на лингвистичкото опкружување на овој прилог во францускиот јазик и на еквивалентните форми на тие конструкции во македонскиот јазик (низ примери ексцерпирани од три француски романи преведени на македонски), дотолку повеќе што македонскиот јазик не познава форма со ваква специфична употреба.

Клучни зборови: SI, прилог за потврдување, француски јазик, македонски јазик.

ON A USE OF THE FRENCH ADVERB SI AND ITS EQUIVALENTS IN MACEDONIAN

Summary: The subject of this paper is the SI form in French, which is quite complex from a morphosyntactic and semantic point of view and challenges researchers, especially when processed in a contrasting perspective. We dwell on its use as an adverb of affirmation, which occurs in response to a statement or interrogative sentence in a negative form. The aim of this paper is to analyze the linguistic environment of this article in the French language and equivalent forms of those constructions in the Macedonian language (through examples excerpted from three French novels translated into Macedonian), especially because there is no a form with this specific use in Macedonian.

Keywords: SI, adverb of affirmation, French, Macedonian.

1. ВОВЕД

Од морфосинтаксички и семантички аспект, зборот SI во францускиот јазик е доста комплексна форма. Како сврзник, тој најчесто се поврзува со условните реченици (Si vous travaillez bien, le résultat ne tardera pas [Ако добро работите, резултатот нема да изостане]). Но сврзничката употреба на SI не е ограничена само на тој тип зависносложени реченици, бидејќи тој може да воведува и последица (Si je t'appelle, c'est que j'ai besoin de toi [Ако те викам, тоа е затоа што ми требаш]), допуштање (S'il s'intéresse aux langues, il les apprend avec difficulté

[Иако се интересира за јазиците, тешко ги учи]), а се јавува и во рамките на прашалната реченица во индиректен говор (*On se demande s'il fera beau demain* [Се прашуваме дали времето утре ќе биде убаво]). *SI* е истовремено и прилог со различни функции: прилог за потврдување (*Tu ne viens pas ? – Si, je viens* [Не доаѓаш? – Доаѓам]), за искажување последица со инсистирање на нејзиниот интензитет (*Il fait si chaud que les rues sont vides* [Толку е топло што улиците се празни]) или допуштање (*Si intelligent qu'il soit, il fait des erreurs absurdes* [Иако е интелигентен, прави бесмислени грешки]). Француските граматичари и научни трудови не ги обработуваат сите употреби на оваа форма на едно место, туку се осврнуваат на неа онаму каде што станува збор за нејзина конкретна употреба (DHIABI 2019: 11).

Целта на овој труд е да ја анализира употребата на оваа форма како прилог¹ за потврдување во францускиот јазик и да ги разгледа нејзините еквиваленти во македонскиот јазик. Анализата е дотолку поинтересна ако се има предвид дека македонскиот јазик не поседува морфема со таква специфична употреба. Теориските моменти поврзани со формата *SI* ќе бидат илустрирани со примери од консултираните граматичари и научни трудови, како и од три романи на францускиот писател Гијом Мисо преведени на македонски јазик.

2. SI КАКО ПРИЛОГ ЗА ПОТВРДУВАЊЕ

За именување на формата *SI* како прилог за потврдување, лингвистите употребуваат различни термини: *mot-phrase* „збор-реченица“ (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 236; RIEGEL et al. 2009 [1994]: 777; BÉCHADE 1986: 223), *SI de réponse* „*SI* за одговарање“ (DHIABI 2019: 175), *adverbe d'opinion* „прилог за мислење“ (WAGNER et al. 1991: 422). Овој прилог, семантички гледано, е еквивалентен на проста реченица и се јавува во независна употреба (DHIABI 2019: 176). Според Дјаби, во хиерархиската поставеност на прилошките употреби на овој збор, употребата како збор за потврдување го зазема првото, основното место (DHIABI 2019: 175).

SI покажува одредена специфичност во однос на другите зборови од ваков тип кои се еквивалент на реченица. Прилогот *OUI*, на пример, ја потврдува информацијата содржана во претходно искажана потврдна реченица (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 1419) или потврдно одговара на поставено прашање: *Vous mangez du pain. – Oui* [Вие јадете леб. – Да]; *Vous mangez du pain? – Oui* [Вие јадете леб? – Да]. Од друга страна, прилогот за негација *NON* ја отфрла информацијата дадена во потврдна реченица, но се јавува и како потврден одговор на одречна реченица (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 1419): *Vous mangez du pain. – Non* [Вие јадете леб. – Не]; *Vous ne mangez pas de pain. – Non* [Вие не јадете леб. – Не]; *Vous ne mangez pas de pain ? – Non* [Вие не јадете леб? – Не].

Специфичноста на *SI* се состои во тоа што овој прилог се јавува како одговор на прашална, но и на исказна реченица, во кои глаголот е во одречна форма (WAGNER et al. 1991: 422). Разликата во однос на претходните два прилога е тоа што семантичката содржина со која е импрегнирана формата *SI* е противречна на онаа искажана во реченицата што претходи. Тоа значи дека *SI* претставува „отфрлање на негацијата“, односно „ја ориентира негацијата кон потврден одговор“ (DHIABI 2019: 179). Честопати, *SI* не се употребува само, туку е следено од содржината што

1. Да прецизираме дека во македонскиот јазик, зборовите што служат за потврдување или одрекување припаѓаат на групата честици. Но имајќи предвид дека во овој труд појдовен јазик е францускиот, во кој *SI* припаѓа на групата прилози, ќе го користиме терминот прилог за означување на овој збор.

се сака да се искаже за да се избегне извесна недореченост, но и за да се поткрепи противречниот карактер на таа содржина во однос на реченицата дадена претходно: *Vous ne mangez pas de pain. – Si (nous mangeons du pain)* [Вие не јадете леб. – Јадеме (леб)]; *Vous ne mangez pas de pain ? – Si (nous mangeons du pain)* [Вие не јадете леб? – Јадеме (леб)]. Напоменуваме дека преводот на македонски јазик на примерите не е буквален, односно се забележува дека отсуствува потврден збор. Имено, пренесувањето на француското *SI* со *ДА* го прави исказот нејасен зашто не се знае на што се однесува потврдувањето. Поради тоа, најсоодветниот еквивалент на македонски јазик би бил оној во кој директно се наведува глаголското дејство во потврдна форма, со што одговорот недвосмислено упатува на тоа дека се оспорува информацијата содржана во претходната реченица. Значењето на реченицата може да се зајакне со конструкцијата како не наведена по глаголот: *Јадеме (леб)*, како не, во чиј изговор на припомош доаѓа и интонацијата со цел да се избегне подбивниот призвук што оваа конструкција може да го има. Како зајакнат еквивалент, може да се предложи и формата *Секако/се разбира дека јадеме (леб)*.

Разгледувајќи ги прашалните реченици, Мишел Ариве констатира дека нивната потврдна или одречна природа внесува извесни разлики во однос на нивната интерпретација. На пример, прашањето *Il pleut?* [Врне?], кое е т.н. нулто прашање во кое интонацијата го има клучното значење во определувањето на прашалниот карактер (МИНОВА-ЃУРКОВА 2000: 161), е сосем отворено и може да очекува потврден или одречен одговор: *Oui, il pleut* [Да, врне] или *Non, il ne pleut pas* [Не, не врне]. За разлика од него, конструкцијата *Il ne pleut pas?* [Не врне?], која исто така е нулто прашање и во која глаголот е во одречна форма, упатува на очекувањето на говорителот дека дејството сепак се реализира и дека би се изненадил ако не е така (ARRIVÉ et al. 1986: 355; PINCHON 1986: 278; RIEGEL et al. 2009 [1994]: 682). Следствено на ова, одговорот на второво прашање би бил: *Si, il pleut*, со што ќе се потврди очекувањето. Истото очекување го среќаваме и во македонскиот јазик: *Врне, како не* или *Секако/се разбира дека врне*. Според Ариве, овие прашално-одречни реченици се „реторички или насочени прашања и се аргументативно ориентирани“ (ARRIVÉ et al. 1986: 355-356). Дјаби смета дека негацијата содржана во прашањето всушност имплицира дека говорителот очекува некаква реакција од страна на соговорникот, односно дека самиот исказ има одредена илокутивна сила (DHIABI 2019: 179).

Во францускиот јазик, формата на прашалната реченица во одречна форма може да биде различна, односно нултото прашање може да се замени со исказ во кој има инверзија на подметот, конструкција типична за прашалните реченици. И тоа упатува на различно очекување во однос на одговорот кое е врзано за самата конструкција на прашалната реченица, како што може да се забележи во примерите што ги цитира Ариве (ARRIVÉ et al. 1986: 356): разликата меѓу *Tu n'es pas de mon avis ?* и *N'es-tu pas de mon avis ?* е тоа што вториот начин на формулирање на прашањето поочигледно го имплицира потврдниот одговор *Si, je suis de ton avis* [Го делаам твоето мислење]. На македонски јазик, прашањето со инверзија на подметот може да се преведе со *Не го делиш моето мислење?* или, доколку контекстот тоа го овозможува, со *Зарем не го делиш моето мислење* или *Нели го делиш моето мислење?*, при што е очигледно дека последниве две форми се многу посугестивни во однос на одговорот што се очекува.

Од претходно кажаното, произлегува дека структурата на прашалната реченица го определува интензитетот на сугестијата содржана во прашањето: очекувањето потврден одговор е посилено кај конструкцијата со инверзија на подметот отколку кај нултото прашање во обична одречна форма.

3. УПОТРЕБА НА ПРИЛОГОТ SI ВО ПРИМЕРИ ОД ФРАНЦУСКИ РОМАНИ

Прилогот Si е присутен во 9 француски примери ексцерпирани од романи на Гијом Мисо и преведени на македонски јазик, кои илустрираат различни ситуации на негова употреба и ни овозможуваат да видиме некои од формите и структурите со кои оваа француска форма се пренесува во македонскиот јазик (значи не се осврнуваме на сите можни преводни еквиваленти на дадената француска конструкција). Во примерите е наведен поширокиот контекст со цел да се види на што точно упатува одговорот воведен од Si. И Дјаби подвлекува дека семантичката анализа на прилозите за потврдување и негација нужно треба да се потпре на поширокиот контекст во кој тие се употребени (DHIABI 2019: 178).

Во примерот (1), прашањето е дадено во скратен облик, како еквивалент на *Il n'y a pas que ça dans la vie?*, прашање што читателот треба мисловно да си го реконструира за правилно да го интерпретира одговорот воведен од Si. Се забележува дека преводот на македонски јазик е доста редуциран и не ги пренесува сите елементи од оригиналот. Si е преведено со ДА, следено од содржината што треба да ја пренесе зашто самиот потврден збор не е доволен за исказот да биде јасен:

(1) - Et puis, ne te bile pas : l'amour, c'est formidable, mais il n'y a pas que ça dans la vie. - Ah non ? demanda-t-elle sérieuse. Si, il n'y a que ça qui compte. (Que serais-je sans toi ? p.213)	- И немој да се грижиш: љубовта е преубава, но тоа не е единственото. Да, тоа е единственото што е битно.
--	---

Како што веќе кажавме, реченицата чиј одговор е Si не мора задолжително да биде во прашална форма. Ова е впрочем случај со повеќето француски примери:

(2) - Mais je ne peux pas rentrer, expliqua Martin en montrant son billet. - Si, tu peux, affirma Valentine en sortant de la poche de son gilet un carton jaunâtre épinglé par la pointe en inox d'un pique-fleurs. (Que serais-je sans toi ? p.226)	- Но јас не можам да се вратам, објасни Мартен, покажувајќи ѝ го својот билет. - Можеш, рече Валентајн, вадејќи од џебот на својот џемпер една пожолтена хартија, издупчена со една метална игла за прицврстување на цвеќе.
--	---

(3) Il ne respire plus. Si, il respire encore ! (Que serais-je sans toi ? p.95)	Не дише повеќе. Да, сè уште дише!
--	--

Во примерот (3) забележуваме дека француската негација може да се реализира и со друг елемент кој влегува во комбинација со NE, различен од вообичаениот прилог PAS. Во случајов, се работи за прилогот PLUS кој донесува

дополнителна содржина во негацијата и кој соодветно се преведува на македонски јазик.

Како и прилозите OUI и NON, и SI може да се јави во индиректен говор, претходен од сврзникот QUE кој го воведува тој говор. За разлика од SI употребено само, овој начин на воведување на прилогот за потврдување го ублажува исказот и со тоа се избегнува наглиот, директен одговор кој може да го збуни соговорникот (DHIABI 2019: 176):

(4) - Elle n'a pas besoin de votre aide. - Je crois que si. (Sauve-moi, p.199)	- Нејзе не ѝ е потребна Вашата помош. - Јас мислам дека ѝ е потребна.
(5) - On ne peut pas faire faux bond à la Mort. - Il faut croire que si. (Sauve-moi, p.107)	- Не може да се побегне од смртта. - Треба да се верува дека може.

Граматиката Le Bon usage наведува примери во кои прилозите OUI, NON и SI можат да бидат зајакнати со помош на прилозите vraiment, certes, assurément, како и со формите mais, oh!, que, ça (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 1420):

Vous ne ferez donc pas cela ? - Oh ! QUE SI (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 458)
[Значи нема да го направите тоа? – Ох! Секако дека ќе го направам!]

И во корпусот се среќаваат примери во кои вредноста на SI е зајакната:

(6) - Un copycat, c'est ça ? On en voit tous les soirs dans les séries télé, mais, en quinze ans de métier, je n'en ai jamais croisé. Ça n'existe pas dans la réalité. - Bien sûr que si ! (Central Park, p.119)	- Некаков имитатор, така ли? Такви гледаме секоја вечер во телевизиските серии, но во текот на овие петнаесет години, колку што се занимавам со оваа работа, никогаш не сум ги сретнал. Во реалноста тоа не постои. - Секако дека постои!
(7) - On ne se connaît pas. - Je crois que si, justement. (Central Park, p.239)	- Ние не се познаваме. - А јас, навистина, мислам дека се познаваме.

Би навеле дека во примерот (7) прилогот justement не е најсоодветно преведен и дека посоодветна форма би била честицата пак: А јас, пак, мислам дека се познаваме.

(8) - Putain, ça fait presque dix ans, Schäfer ! Je ne vais pas t'être redevable à vie !? - Je crois que si, en fait. (Central Park, p.137)	- По фаволите, оттогаш поминаа десет години, Шефер! Нема поради тоа да ти бидам должен цел живот! - Всушност, мислам дека ќе ми бидеш.
---	---

(9) - Je ne crois pas que ça vous regarde. - Eh bien si, figurez-vous ! (Sauve-moi, p.214)	- Мислам дека тоа не треба да Ве интересира. - Е, замислете си, многу ме интересира!
--	---

Во сите примери се јавува некој прилог, прилошки израз, извик или конструкција чија цел е да се постигне одредена емфаза и на изразот да му се даде поголема експресивност. Таа експресивност се пренесува и во македонскиот превод.

Во контекст на зајакнетата употреба на SI, да ја наведеме и многу честата употреба на овој прилог во средновековниот француски јазик заедно со глагол (најчесто станува збор за глаголот faire, но и за avoir или être). Оваа употреба се задржала и подоцна, во периодот на преткласичниот и класичниот француски јазик (WAGNER et al. 1991: 423). Глаголот faire е употребен во својство на verbum vicarium или pro-verbe (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 236), односно глагол кој, благодарение на својата значителна семантичка ширина, може да замени друг, претходно наведен глагол (DHIABI 2019: 176): Mais, monsieur, m'écriai-je, le modèle ne pouvait être aussi beau que cela. - SI FAIT, il était aussi beau (GREVISSE et al. 2008 [1936]: 1421) [Но, господине, извикав, моделот не можеше да биде толку убав. – Е па толку беше убав].

Иако оваа конструкција се смета за застарена, таа сè уште може да се сретне во регионална употреба на јазикот (DHIABI 2019: 184). Овде ја споменуваме затоа што, според лингвистот Моање (MOIGNET, во DHIABI 2019: 184), токму таа е во основата на денешниот прилог SI, но кој веќе нема потреба од глагол за да може да се реализира во реченицата.

ЗАКЛУЧОК

Употребата на прилогот SI како одговор на исказна или прашална реченица во одречна форма претставува интересен феномен во францускиот јазик и од формален и од семантички аспект. Видовме дека начинот на кој е формулирано прашањето го имплицира во помала или поголема мера одговорот што се очекува од соговорникот.

Особено интересно е разгледувањето на еквивалентите на оваа форма во македонскиот јазик. Анализата на примерите ексцерпирани од француските романи овозможи да се забележи дека понекогаш, и покрај недоволната јасност на исказот, SI се преведува со ДА, но следено од содржината што треба да се пренесе со цел исказот да биде појасен. Формите што во францускиот јазик се користат за зајакнување на SI соодветно се преведуваат во македонскиот јазик.

На крај, напоменуваме дека ексцерпираниите примери не ги илустрираат сите ситуации во кои може да се сретне формата SI, а кои се обработени во француските граматика и научни трудови. Тоа значи дека проучувањето двојазичен корпус сочинет од поголем број примери би можел да ги дополни сознанијата во однос на конкретната употреба на оваа форма во францускиот и на нејзините еквиваленти во македонскиот јазик.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

1. ARRIVÉ, Michel, Françoise GADET, Michel GALMICHE (1986) : La grammaire d'aujourd'hui. Paris : Flammarion.
2. BÉCHADE, Hervé D. (1986) : Syntaxe du français moderne et contemporain. Paris : PUF.
3. DHIABI, Tijani (2019). Polysémie et polyfonctionnalité du mot "si": propriétés syntaxiques, sémantiques et pragmatiques en français préclassique (thèse de doctorat). Université Côte d'Azur, <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02113890>, консултирано на 15.01.2022.
4. GREVISSE, Maurice, André GOOSSE (2008 [1936]) : Le bon usage. Grammaire française. Bruxelles : De Boeck-Duculot.
5. МИНОВА-ЃУРКОВА, Лилјана (2000 [1994]): Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје: Радинг.
6. МИСО, Гијом (2010): Што би правел јас без тебе? (прев. Сандра Стојмиловска). Скопје: Топер.
7. МИСО, Гијом (2015): Спаси ме (прев. Олгица Додевска-Михајловска). Скопје: Топер.
8. МИСО, Гијом (2016): Централ Парк (прев. Сенка Наумовска). Скопје: Топер.
9. MOIGNET, Gérard (1981) : Systématique de la langue française. Paris : Éditions Klincksieck.
10. MUSSO, Guillaume (2006) : Sauve-moi. Paris : Pocket.
11. MUSSO, Guillaume (2009) : Que serais-je sans toi ? Paris : XO éditions.
12. MUSSO, Guillaume (2014) : Central Park. Paris : XO éditions.
13. PINCHON, Jacqueline (1986) : Morphosyntaxe du français – étude de cas. Paris : Hachette.
14. RIEGEL, Martin, Jean-Christophe PELLAT, René RIOUL (2009 [1994]) : Grammaire méthodique du français. Paris : PUF.
15. WAGNER, Robert-Léon, Jacqueline PINCHON (1991) : Grammaire du français classique et moderne. Paris : Hachette supérieur.

Наталья Болатовна Ершова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, РФ

Елена Г. Златева

Свети Николе, РСМ

КАТЕГОРИЯ ФОРМА В ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ

Аннотация: В статье рассматривается категория форма в разных науках, особое внимание уделено категории пространственной формы в когнитивной лингвистике, которая отражает одно из существенных свойств мира и представляет особый интерес для исследований общей когнитологической проблематики в лингвистике.

Ключевые слова: категория, форма, пространственная форма, геометрические символы.

CATEGORY FORM IN PHILOSOPHY, LINGUISTICS AND PSYCHOLOGY

Abstract: The article examines the category of form in various sciences, special attention is paid to the category of spatial form in cognitive linguistics, which reflects one of the essential properties of the world and is of particular interest for the research of general cognitive problems in linguistics.

Keywords: category, shape, spatial shape, geometric symbols.

Форма – универсальная категория человеческого разума, занимающая особое место в сознании людей, связанная с выражением этических воззрений и представлений человека о строении мира, сущности бытия. На протяжении всей истории развития философской мысли, начиная с античности, особое значение отводится категории геометрической формы, которую различные философские школы и направления трактовали и описывали по-разному.

Так, пифагорейцы приписывали миру, слагающемуся из предела и беспредельного, форму сферы. В учении Ксенофана бог-космос, единый, вечный, однородный, также выступает в форме шара.

В античном атомизме (Демокрит) атомам той или иной стихии приписывается определенная геометрическая форма (атомы огня имеют форму шара, атомы других элементов – форму куба). Чувственные качества, например, вкус, в учении Демокрита связываются с формой атомов: горький вкус вызывается малыми круглыми атомами, острый вкус – угловатыми, сладкий – большими круглыми атомами.

Платон соотносит свойства мира и его элементов со свойствами первооснов, которые их составляют. Так, первооснова огня – пирамида, воздуха

– восьмигранник, воды – двадцатигранник. Все эти фигуры состоят из вытянутых треугольников, поэтому вышеозначенные стихии изменчивы. Категория формы со времен древней науки исследовалась во взаимодействии с материей, причем различные ученые выражают разные взгляды на характер этого взаимодействия. По мнению Аристотеля, форма представляет сущность бытия, движущее начало в развитии материи, тем временем как Ф. Бэкон в русле материалистической традиции заявляет о первенстве материи над формой и их единстве.

Кант в качестве парной категории формы рассматривал содержание. По мнению философа, форма предстает как некоторое со-пряжение, такое напряжение, что оно имеет способность держать. Содержанием является то, что содержится, формой – то, что позволяет держать. Также форма – представляет собой то, что позволяет увидеть нечто априорно и фиксирует внутреннее состояние мира.

На основании вышеизложенного целесообразно отметить, что понятие «форма» многоаспектно и неоднозначно. Автор толкового словаря русского языка Сергей Иванович Ожегов в своем словаре дает несколько толкований имени существительному форма:

- » Способ существования содержания (во 2 знач.), неотделимый от него и служащий его выражением. Единство формы и содержания.
- » Внешнее очертание, наружный вид предмета. Земля имеет форму шара. Квадратная ф. Предмет изогнутой формы.
- » Совокупность приёмов и изобразительных средств художественного произведения. Повествовательная ф. Ф. стиха.
- » В языкознании: материальное выражение грамматического значения. Формы слова. Формы словоизменения.
- » перен. Внешний вид, видимость (как нечто противоречащее внутреннему содержанию, действительности). Удобная ф. для прикрытия чего-н. По форме только правильно.
- » Установленный образец чего-н. Дать сведения по форме. Готовые лекарственные формы (готовые лекарства).
- » Приспособление для придания чему-н. тех или иных очертаний. Литейная ф. Ветчина в форме (спрессованная в таком приспособлении).
- » Одинаковая по покрою, цвету одежда (у военных, у служащих одного ведомства, учащихся). Офицерская ф. Парадная ф. Школьная ф.
- » мн. Очертания частей тела, фигура (разг.). Красавица с пышными формами. [<https://gufo.me/dict/ozhegov/форма/>]

Термин форма широко используется в языкознании для описания языковых единиц разных уровней языковой системы: так, можно говорить и о «внешней и внутренней форме языка», и о «внутренней форме слова», и о «грамматической форме». Изучая явления метафорического переноса, говорят также о признаке сходства «формы предметов», который может выступать основанием для метафоры. В этом случае термин форма проецируется на область предметной реальности – пространственную форму.

Форма предмета в современной лингвистике трактуется как эмпирический признак, определяющий границу поверхности предмета, видимую границу предмета. Однако необходимо учитывать, что форма – абстрактное понятие, так как на практике предмет неотделим от его формы – его зрительно воспринимаемой пространственно-геометрической конфигурации. Исследования по психологии восприятия отмечают особую важность геометрических понятий

в пространственно-практической ориентации человека и геометрических объектов как эталонов пространственной формы, среди которых психологи выделяют в первую очередь круг, квадрат и треугольник. Эти эталоны хранятся в памяти человека и имеют статус гештальта, с ними соотносится конкретный воспринимаемый объект, в результате чего происходит опознание формы.

Таким образом, геометрические символы – это абстрактные инварианты конфигураций предметов мира, которые концентрируют и обобщают все разнообразие комбинаций и взаимопереходов форм объектов реального мира, что доказывает структурированность человеческого восприятия. В исследованиях по психологии восприятия доказывается эмоциональный характер восприятия человеком пространственной конфигурации. Геометрическая форма может оказывать эмоциональное влияние на человека. Например, ломаная линия и геометрические фигуры с острыми углами вызывают тягостное ощущение.

Категория пространственной формы, будучи еще мало разработанной в когнитивной лингвистике, отражает одно из существенных свойств мира и представляет особый интерес для исследования общей когнитологической проблематики в лингвистике, например для проблемы выявления когнитивных структур, составляющих основу языковой категоризации и занимающих особое место в процессе речемыслительной деятельности человека, так как определенные когнитивные модели связываются с внутренней структурой схематизированных зрительных и ментальных образов, стоящих за языковыми явлениями.

Н.Д. Шмелев говорит о способности возникновения у математических терминов новых значений, с которыми они выступают в качестве обобщенно-родовых наименований конкретных объектов.

В современных когнитивных исследованиях (Дж. Лакофф) отмечается роль геометрической концептуализации пространства и пространственных объектов в процессах языковой репрезентации и категоризации мира. Так, отражаемые различия геометрических форм объектов реального мира концептуализируются в сознании человека как понятийная категория «форма», которая затем в сознании человека может переноситься и на абстрактные явления другой области знания, отличной от геометрии и математики, что находит соответствующее выражение в языке.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод о высокой значимости и актуальности категории форма в различных областях обыденного и научного знания и особой роли данной категории в системе сознания человека и привлекательности данной категории для исследований в философии, психологии и лингвистике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков, Виктор Васильевич. Эстетика.[https://bookscafe.net/read/bychkov_viktor-estetika-258025.html#p1] (Дата обращения: 01.06.2022 г.).
2. Лосев, Алексей Федорович. История античной философии в конспективном изложении / А. Ф. Лосев. - 3-е изд., испр. - Москва: ЧеРо, 2005. – 186.
3. Ожегов, Сергей Иванович, Шведова, Наталия Юрьевна. Толковый словарь русского языка. [<https://gufo.me/dict/ozhegov/форма>] (Дата обращения: 01.06.2022 г.).
4. Шмелев, Дмитрий Николаевич. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Изд-во ЛКТ, 2008, с. 278.
5. Поляков, Сергей Эрнестович. Идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа. [<https://psyfactor.org/lib/polyakov8.htm>] (Дата обращения: 01.06.2022 г.).

Наталья Болатовна ЕршоваТамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Российская Федерация

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА FAULHEIT В СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ

Аннотация: В статье рассмотрены средства языковой репрезентации концепта *FAULHEIT* на материале сказок братьев Гримм «Die drei Spinnerinnen» («Три пряжи») и «Die faule Spinnerin» («Ленивая пряжа»), установлено, что концепт *FAULHEIT* имеет множественное вариативное обозначение и активно используется носителями немецкого языка с древних времён, выявлены наиболее частные лексические единицы репрезентации исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, лексические средства, репрезентация, сказка, языковые средства.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF FAULHEIT IN THE FAIRY TALES OF THE BROTHERS GRIMM

Abstract: The article examines the means of linguistic representation of the concept of *FAULHEIT* based on the material of the Grimm brothers' fairy tales "Die drei Spinnerinnen" ("Three Spinners") and "Die faule Spinnerin" ("Lazy Spinnerin"), it is established that the concept of *FAULHEIT* has a multiple variable designation and has been actively used by native speakers of German since ancient times, the most particular lexical units of representation of the concept under study.

Keywords: concept, lexical means, representation, fairy tale, language means.

Изучение особенностей языковой репрезентации концепта *FAULHEIT*, анализ его структуры, содержания, способов и средств актуализации представляет особый интерес для исследователей, поскольку концепт *FAULHEIT* имеет множественное вариативное обозначение, активно используется носителями немецкого языка с древних времён и является актуальным сегодня.

Материалом для исследования были выбраны сказки братьев Гримм «Die drei Spinnerinnen» («Три пряжи») и «Die faule Spinnerin» («Ленивая пряжа»).

В выбранных для исследования сказках такое качество главных героинь как лень является основополагающим для последующего сюжета произведений. Примечательно, что в конце повествования не следует наказания за леность главной героини, наоборот, благодаря сдержанному слову она добивается успеха. В начале сказки читатель видит ленивую девушку, которая не слушает мать и отказывается прясть: *Es war ein Mädchen faul und wollte nicht spinnen, und die Mutter mochte sagen, was sie wollte, sie konnte es nicht dazu bringen* [2]. (Жила-была на свете девица-ленивица, и прясть не охотница, и как бы мать ее к тому ни принуждала, а заставить прясть не могла [4]).

В сказках братьев Гримм мы обнаруживаем присутствие лексических единиц, указывающих на род деятельности главных героинь, а именно прядение (spinnen). Это явление может быть объяснено тем, что во время написания этих сказок (19 в.) и ранее данный род деятельности был очень популярен среди женского населения, особенно незамужних девушек, которые должны были помогать матери по хозяйству и, что немаловажно, самостоятельно готовить себе приданое. Невеста оценивалась не только по своим внешним данным и характеру, но и по количеству и качеству своего приданого, поэтому заранее хорошо подготовленное девичье имущество могло сыграть решающую роль в выдаче девушки замуж. Кроме того, выходя замуж, девушка попадала в другую семью, семью своего мужа, где от неё также ожидали трудолюбие и прилежание, ей приходилось уже работать для своей новой семьи, поэтому основным качеством хорошей жены считалось трудолюбие. Лень для молодой девушки считалась крайне нежелательным, отрицательным качеством.

Именно этим можно объяснить стеснение и реакцию матери в сказке «Die drei Spinnerinnen», которая пытается скрыть от других лень дочери: Da schämte sich die Frau, dass sie die Faulheit ihrer Tochter offenbaren sollte, und sprach: „Ich kann sie nicht vom Spinnen abbringen, sie will immer und ewig spinnen, und ich bin arm und kann den Flachs nicht herbeischaffen“ [2]. (Матери совестно было обнаружить лень своей дочки, и потому она сказала: «Да вот никак ее от пряжи не отбить - все хочет пряхь да пряхь, а я-то бедна и не могу для нее постоянно иметь лен наготове») [4].

На основе проанализированных примеров из сказки «Die drei Spinnerinnen» следует сделать вывод, что здесь концепт FAULHEIT репрезентируется следующими лексическими единицами: именем прилагательным – *faul*, глаголом с отрицанием – *nicht spinnen* (= *nicht arbeiten*), возвратным глаголом – *sich schämen*, глаголом – *offenbaren*. На основе данных лексических единиц, показывающих отрицательное отношение общества к такому качеству как лень, можно сделать вывод, что в данной сказке братьев Гримм концепт FAULHEIT несёт в себе негативное коннотативное значение.

Среди немецких сказок, как братьев Гримм, так и других авторов, встречается большое число, в названии которых уже присутствует указание на концепт, тем самым предвосхищая основную тематику сказки. Одной из таких сказок является «Die faule Spinnerin». Обратим внимание на то, что в названии автор использовал имя прилагательное *faul* + имя существительное *die Spinnerin*. Примечательно, что в этой сказке идёт речь о таком женском роде деятельности как прядение (*das Spinnen*), это понятно читателю уже из самого названия, что подтверждает высказанную выше мысль о большой распространённости этого вида рукоделия во времена написания сказки.

Стоит заметить, что в этой сказке наряду с таким качеством главной героини, как лень выступает также смекалка и хитрость. Благодаря этим качествам главная героиня сказки добивается в конце успеха. Если говорить о выражении рассматриваемого концепта, то кроме названия читатель встречает его уже с первых слов: Auf einem Dorfe lebte ein Mann und eine Frau, und die Frau war so faul, dass sie immer nichts arbeiten wollte: und was ihr der Mann zu spinnen gab, das spann sie nicht fertig, und was sie auch spann, haspelte sie nicht, sondern liess alles auf dem Klauel gewickelt liegen [3] (Жил-был в одной деревне муж со своею женой, и была жена такая ленивая, что делать ничего никогда не хотела. Даст ей муж что

напрясть, бывало, а она пряжу не кончит. А если и нарядет, то не наматает, а оставит всю пряжу на гребне) [5].

Такая черта как леность проявляется у женщины, как и в рассмотренной выше сказке, так и в сказке о ленивой пряже, но здесь героиня является замужней. В данной сказке концепт FAULHEIT репрезентируется посредством использования глагола + отрицание: nicht arbeiten.

Таким образом, целесообразно отметить, что выбранные для исследования сказки очень похожи между собой не только названиями («Die drei Spinnerinnen», «Die faule Spinnerin»), но и затрагиваемыми в них понятиями о женском труде (прядение) и качеством главных героинь (лень). Однако следует заметить, что если в первой сказке героиня получает желаемое благодаря верности своему слову, то во второй решающую роль играют хитрость и смекалка.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что концепт FAULHEIT актуален для всех исторических периодов немецкой истории, так как сказки, легенды, предания возникли в глубокой древности и с той поры сопутствуют народу во всем, на протяжении всей истории.

В сказках братьев Гримм наиболее частотными лексическими средствами репрезентирующими концепт FAULHEIT следует считать имя прилагательное *faul*, глагол *arbeiten* + отрицание + модальный глагол.

Рамки настоящей статьи не позволяют раскрыть все многообразие языковых средств репрезентации концепта FAULHEIT в сказках братьев Гримм. Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении особенностей репрезентации концепта FAULHEI в немецкой языковой картине мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершова Н.Б. Сказка как особый жанр художественной литературы (на примере немецких сказок) // Культура в зеркале языка и литературы. Материалы восьмой международной научной конференции. 2020. с. 145-150.
2. <https://linguabooster.com/ru/de/book/drei-spinnerinnen#read> (Дата обращения: 05.06.2022 г.).
3. <https://www.textlog.de/40166.html> (Дата обращения: 05.06.2022 г.).
4. <https://www.grimmstories.com/language.php?grimm=014&l=ru&r=de> (Дата обращения: 05.06.2022 г.).
5. <https://www.grimmstories.com/language.php?grimm=128&l=ru&r=de> (Дата обращения: 05.06.2022 г.).

Pantelej Kondratjuk, PhD candidateUniversity of Veliko Tarnovo "St. st. Cyril and Methodius" – Veliko Tarnovo
Republic of Bulgaria

ΖΩΝ ΚΟΙΝΟΝΙΚΟΝ AS SLAVIC - BYZANTINE ANTHROPOLOGY VS/VIA ONTOLOGY AND EXISTENTIALISM OF ΖΩΝ ΠΟΛΙΤΙΚΟΝ AS A FORM IN PHILOSOPHY OF THE ANCIENT HELLENIC WORLD AND ITS REFLECTION OVER PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF (POST) MODERNISM

Abstract: With the fact that "Social Philosophy" is a discipline that deals with social behavior and interprets society and its institutions according to ethical values instead of empirical relations, through that prism, I decided to explore the phenomenon of the crisis of the modern ethos of postmodern culture in context of the history of classical philosophy by networking it with new theoretical and epistemological frameworks, from the social, philosophical ontology on the one hand, and the attempt to find an appropriate linguistic paradigm through philosophical semantics that would have the potential to create an alternative ethical category. The ultimate goal is to show that philosophy becomes philosophy through the human being himself. I also tried to explain the phenomenon of the postmodern crisis through the various hermeneutic interpretations of the two philosophical paradigms: Aristotle's ζῶν πολιτικόν, as well as St. Vasilios ζῶν κοινωνικόν.

Keywords and phrase: truth which contains its own ontology, suffering as an pain in being, Athens as an the Japhetic philosophical paradigm vs / via Jerusalem as an Semitic philosophical paradigm of Revealing λόγος.

The question of philosophical categories that intersect in language and become linguistic paradigms, indicate that human thought manifests itself differently as a thought or an idea in the inner world of philosopher, and language has only that function to act reflectively, and what consider philosophical categories they turns into linguistic paradigms that intertwine with the human being. This clarifies the thesis of language as a transmitter of philosophical category turned into linguistic paradigms. The categories that have been the subject of philosophical research on dialectical materialism can serve as confirmation of this thesis: time, space, movement, determinism, chance and necessity, freedom and necessity, freedom and necessity...

In any case, the philosophical categories themselves were objects of study of Aristotle, who, in the theory of knowledge, opposed Plato, Aristotle believed that cognition began through the process of influencing objects and phenomena on the senses. For Aristotle, sensory knowledge is true, but not fully available because it refers to what is individual and accidental, and philosophy as a science should explore what is general and necessary. Nevertheless, here arise the rhetoric question, what is accidental by it self, and furthermore, accidental means a great, colossal, unique and unrepeatable exploit, or this adjective could be conjunct under the relativism of

hermeneutic conclusions mixing up as - coincidence? However, Aristotle believes that the approach to the general and the necessary through the sensory perception should go to the representations, more precisely, from the representations to the notions. As for the terms, for Aristotle, they are the fruit of thinking, the most general, most universal terms he calls categories, which in turn are the bearers of the most universal properties and relations of reality.

What is the most peculiar is that Aristotle himself abandoned his initial materialist position and fell into idealism, fixating himself on the view that the goal set by the mind is to reach the highest degree of knowledge, thus Aristotle somehow acknowledges the being and self of the mind when he relates it to the pure form (God). In this way, the God understood in this way became the opinion of the opinion.

From all the above, it can be concluded that the thought process itself is closely related to language, but also that at the same time with the absence of visible materialized syntax, thought is a kind of internal language through which the forms of thought are transformed, where the logical consistency of the syntax gives way to a previous figurative language which can be called a language before the language because it is not activated in an externally materialized discourse, and as such, that figurative language makes possible the connection between the representation by the human being and the conceptual value of that same representation read through the senses, as Aristotle himself would like to say. In this sense, thought is a matrix of the potential category set for processing by philosophy, in the same way that the potential category of time in the verb participates in its final grammatical-formal finalization.

This could only mean one thing, that furthermore, language from the outside as a syntactic mirror of thought takes on the being of thought through its figurative form and turns it into a linguistic paradigm made possible through its generic potential. Once a definition of the subject of philosophical analysis has been established, in a given case, language as a subject of philosophical elaboration and part of building a philosophical system, and once language becomes a paradigm or a category of philosophy, a language that possesses its own being, it can stand on an equal footing with the other above categories which also possess a being as freedom or necessity, determinism or coincidence, and not just as part of the whole. of the philosophical system, but language is at the same time part of the philosophical type of discourse that builds epistemological consciousness, which ultimately leads to language being part of the complex instrumentation of the philosophical text understood as an being. It could signify an essential feature, for philosophy to be able to speak about matter, or movement, of space or time, it must contain philosophical language, in any case, the language that tells philosophical topics does not make the same language philosophical „par excellence“, but only a language with a precisely concretized philosophical type of discourse, primarily a type of discourse whose paradigms are translated philosophical categories and are imprinted in the human being, as an necessity, movement, freedom or as an epistemological, historical, philosophical-transcendental and finally - eschatological awareness. The ultimate goal is to show that philosophy becomes philosophy through the human being himself. The ultimate goal is to show that philosophy becomes philosophy through the human being himself, for example, movement as a state of consciousness before movement itself, movement as a category, but previously, as consciousness of a part of space that unites when movement in the space which unites at the moment when the very movement appears as a practical activity, and even later, the movement as Friedrich Engels would

define it as “the way of existence of matter and the attribute of matter”. In the first part of this statement of Engels, the phrase - the way of existence of matter cannot be determined whether it is part of existentialism or dialectical materialism, the affiliation of a part of the statement depends on the person himself, just like the second part of the statement - an attribute of the matter, whether it will be part of philosophical-theoretical nominalism or the phrase as part of the human person will be placed in the subject’s personal experience and will depend on the subject itself how this Engels phrase translates the attributes of matter.

It depends on the subject itself what measure and criterion will be represented, because the potentials in this phrase of Engels are transfigured through the subject itself and the attributes of matter, in fact, these attributes become attributes of the person himself, who through the way of life, through the specific balance of the existentialism of interpretation and the dialectical materialism of the understanding, comprehension and interpretation of the phraseological utterance.

This linguistic - paradigmatic intersection of the philosophical category - matter, later becomes part of the classical philosophical discussion of the attribute of matter, of movement as a fact of matter and its confirmation as such because without the attribute of motion matter would simply be dead. In the dialectical basis of the category of matter-movement Goethe notes traces of cosmogony: “in the beginning it was an act”, and as far as cosmogony and myth are concerned, they are the preconceptions of the earliest philosophical thinking leading to the representatives of Eleatic school who have noted the dialectical contradiction of movement and that the foundation of movement in definitions can kill its nature. That is why the Hellenic philosophers of the Eleatic school, in order to avoid the conflict with the formal logic of the statement synthesized in syntax, declared the movement as an apparition, a mirage. Unable to solve the riddle, they linked movement to the being that is obliged to be and not to be – in order to move, but on the other hand the of Eleatics had trouble denying being in the moments when it does not move because the judgment of movement dragged him into his negativity / denial – the very being.

Namely, this problem at the early stage of philosophy only additionally indicates that the nominally expressed theorem, even if it is not proven as such, it does not mean that the theorem through the invisible discourses into the subject itself is not proven as such, theorem could be proven as true of the subject which, with his way of life inspires one selfness to the very same theorem. This, in turn, denominates, deterhetorizes matter through his creative practice of life. Outside the framework of the subject, this question becomes insoluble, even Plato considered that movement is a lack of sensory manifestations. According to Plato, ideas that are true beings are not capable of moving because they are perfect.

However, this claim of Plato contains a weakness, and it is a mechanical interpretation of the nature of the idea outside of its carrier - the subject. Aristotle’s oversight, on the other hand, refers sub junction of the form instead personality, Aristotle considered motion as a time interval which matter is acquired by form. Immovable matter should be born with something that is not matter, and whose essential feature is that it can move, and that is the name - the form, with the goal - that specific something could be established into its realization. And again, as for the form, Aristotle focuses on the category, a category that contains dialectical opposition - simultaneity of essence and existence, which is well understood taking into consideration that the entire philosophical system adheres to the foundations of this dualism, essence - existence, idea -matter, etc...

On the very fact that Aristotle excludes the person from movement, he concentrates on the possibilities (potentials) that are given in matter, but about those same potentials, matter is not able and cannot actualize, because it cannot move, and for the entity to be actualized, it is obliged - to be mobile, or to be able to move. It was this understanding of Aristotle that greatly influenced the history of philosophy, but it was also this understanding that strongly influenced the human being as an being which as a subject - was excluded. As far for the matter, but also for the movement, for the space, for time, human was in a way - dropped out, expelled in existential spasm, leaving him out of dialectical relations, as in the dialectic itself, but without the human being as it is for itself. This could be recognized as a source of the origin from which forgotten ethos arise, which oblivion apparently occurred at the very dawn of the separation among myth, cosmogony and eschatology in a specific anthropological and philosophical discipline. It is obvious that for the Ionian, Pythagorean, Atomistic and philosophers of Eleatic school, the question of the origin of being, reason, knowledge, the senses have a sign of primacy over the totality of human creation, but at the same time, the question of being as a counterweight to the subject as opposed to reason which only represents a certain

Epistemological consciousness in an equally definite historical period, and at the same time, the human being in the subject / person, and every separate subject / person in man, and the different subjects in the composition of all mankind are excluded, or more precisely, forgotten.

To answer the question about the philosophy and the future of the human being, or to make some assumption brought to a real and sustainable achievable certainty, previously develops the necessity to create a methodology of approach, and by the fact that in the topic itself there is a certain condition of time, and by the very fact that the future is an uncertainty that is constantly coming, in that case, the philosophical paradigm, which in turn is a philosophical category in the composition of the philosophical system, can only be a journey through time, into the time of the origin of philosophy. Therefore, philosophy and the future of human kind should be looked for in the transition from a theological into a cosmological worldview.

Namely, the feeling of the ancient Hellenic man for the eschatological decay of his pantheon can be considered most directly as the first impulse towards depersonalization of the phenomena in the world outside the radius of ideosyncretism, as well as outside the influence of the anthropomorphic gods created by his own human perspective in order to have a comprehensive understanding of the phenomena in the world and the human being in it, without the mediation of divine interventionism, with one and only purpose - to reveal the secret of life in the primary principles of entities. Consequently, as the primary principles of entities and the world for Thales represents the water, for Aniximander - air, fire - for Heraclitus, and for Pythagoras - numbers represents the hermeneutic key for understanding the structure of the cosmos, finally, for the Parmenide - who, if he had any relation toward human being as the starting point of his philosophy, referred to the inner contradiction between the senses (which was exposed as the false notion of the world) and reason (which was the only reliable knowledge of the non-existence of non being), or about Aniximander who placed the origin of the world in the apeyron (the indefinite being) as far for the human being himself, he placed it at the bottom of his cosmogonic pyramid - among the fish from which he originate by himself. In the past of philosophy it is possible to recognize the contours of all the development of philosophy in the following centuries, but also, of philosophy as part of human life

in the future, the same contours showed ambiguity which was proved in the following times, both for the philosophy and for the history of man.

If we limit philosophy only to this primordial stage, it becomes completely valid because the postmodern civilization is deeply posthuman and post-philosophical, which means that the question of freedom, existence of soul, necessity, chance and predestination, but also the pain of/in being, they are nothing but a kind of displacement of being, which in itself implies the displacement of life as coincidence, also the freedom understood as coincidence, and consequently, for human creature as a being of coincidence. The ultimate rhetorical question that should be raised against the statement of the topic itself - Philosophy and the future of the human being, should be performed by reformulating and bringing to light the hidden, invisible thesis in the title itself as an invisible type of discourse. This invisible type of discourse is read and interpreted in the context of the understanding of the small hermeneutic plot contained in the title, and as a rhetorical question that reads: „Philosophy and the future of man?“ When the statement has already been reformulated in question form, the question mark itself occupies paradigmatic potentials that cannot be proven because they themselves depend on whether they will be manifested at all in the future of man, and thus in the future of philosophy.

If it is taken into consideration the aforementioned example of the early stage of the development of philosophy, in that case things are rightly called into question, and that doubt can be asked in as a form of a rhetorical question; is there any slight form of possibility for philosophy and mankind to have a common future at all or their paths will be divided, philosophy will remain as an area of human thought that will no longer be needed by the human being, and the human being himself will live in a post-philosophical world, or rather, in a world that has no need from philosophy?

The disappearance of philosophy as a futuristic dystopia refers not only to philosophy itself, but also to the future of mankind condemned to live without it, but it should be taken into consideration that futuristic dystopia is a straight line - result of certain directions in the very historical path of philosophy, on the other hand, philosophy has its own vector in the human being himself, for example, in the composition of knowledge and cognition. Socrates with the two philosophical paradigms, the first; “I am the wisest man alive, for I know one thing, and that is that I know nothing”, which would mean that not only do I set the exact limits of my knowledge or establish epistemological value at the same limits, but above all, I free myself from false knowledge and the unprovable inconvincibility behind which ignorance is hidden, and the second one; “know yourself” which for Socrates meant the getting deeper of the inner world of human beings¹, and not to the world around him, listening to the voices emanating from his inner, invisible entity or spirit. Speaking of the human soul, Plato explained human knowledge as - memory. The soul of man caught in its own body as in prison contains a deep memory of the time when it was in the realm of ideas, but for the soul to remember, it must first be awakened, and in order to awaken, Plato believes that one must apply a special skill called - dialectics.

Aristotle, on the other hand, locates the starting point of human cognition in the senses, more precisely, in the influence and effect of objects on the senses. If Aristotle opposes Plato over his idea of a dichotomous division of concepts, he as well, in a sense, makes a split between the senses and the truth, believing that the senses, no matter how true they are, are unsatisfactory, thus degrading themselves, both the senses and

1. The author thinks of Socrates' dream, in which he is instructed to create music by voice, the author remarked

the truth². As for Aristotle himself, in order to avoid the labyrinth he had set up by himself, from the position of a materialist philosopher, he found himself in the vastness of ultimate idealism, bringing the human mind into the pure form (God) understood as an opinion for opinion. But when it comes to Aristotle and Plato, their presence in the future of the human being changes the very concept of time that does not exist, but should arrive, more precisely, it would mean that Aristotle and Plato by themselves should be considered as a potential criterion for shaping the future of man, in the same way that Plato's State (the 10-th chapter) at every stage of history revitalizes the ethical understandings around which the ultimate paradigmatic question is imposed, in what way and according to which methods to shape, maintain and develop political civilization, especially because Plato does not expel philosophers as the most unnecessary, but poets as the most useless to political civilization, describing them as shadows of shadows (Plato, X chapter), which as a negative paradigm represents the greatest distance from the perfection of the idea. Philosophy will be part of the future of man not depending on how many and from which spectrum philosophical ideas will be expressed, but more over, there may be no need for creation a futuristic vision about the future of man and the future philosophy in unity, under a condition, in place of the exiled poets of the political civilization of the present tense, the philosophers themselves to be under exiled, along with the poets as brothers and sisters in distress, and this is possible if the *zoon politikon* / ζῷον πολιτικόν, the political creature of Aristotle, is misused instead of the ζῷον κοινωνικό / being in/of the community / being from Saint Vasilios the Great. The very mention of Saint Vasilios the Great already enters into a different dimension of philosophy that unites two types of humanity, two types of anthropologies and two types of philosophizing, a kind of encounter between ancient Πόλεις, which create a philosophema - Athens as an the Japhethic philosophical paradigm and Jerusalem as an Semitic philosophical paradigm.

The very term *zoon politikon* (Greek - ζῷον πολιτικόν, social being), in ancient philosophy is a term that denotes man as a being determined by his own sociability. Man is a social being whose purpose in existence is to shape the community and a being who is directed to that same community. In relation to this definition, the human being necessarily balances between a political being and/or a political animal. It should be noted that even before Aristotle, Plato understood man as a political being. According to Aristotle, the concept of *zoon politikon* is based on his view of expediency (teleology), or *telos* - which occurs in everything determining the purpose of his being, as well as the way, the path to its further perfection. Αριστοτέλης: ὁ δὲ μὴ δυνάμενος κοινωνεῖν ἢ μηδὲν δεόμενος δι' αὐτάρκειαν οὐθὲν μέρος πόλεως, ὥστε ἢ θηρίον ἢ θεός -> a man who is incapable of entering into partnership, or who is so self-sufficing that he has no need to do so, is no part of a state, so that he must be either a lower animal or a god | whoever is incapable of associating, or has no need to because of self-sufficiency, is no part of a state; so he is either a beast or a god³.

Since *telos* is inherent in every human being, it contains a natural tendency to build community or a state. The state exists in every individual, and thus the state becomes a metaphysical notion. The concept of state does not exist only on a metaphysical level,

2. Or the image that man builds for the truth is degraded, a remark of the author

3. Ancient greek: ὁ δὲ μὴ δυνάμενος κοινωνεῖν ἢ μηδὲν δεόμενος δι' αὐτάρκειαν οὐθὲν μέρος πόλεως, ὥστε ἢ θηρίον ἢ θεός.

New greek: Εκείνος δε που δε μπορεί να ζει μέσα στην κοινωνία με τους άλλους ή αυτός που δεν έχει ανάγκη από τίποτε, αυτός δεν έχει καμιά θέση στην πόλη, γιατί είναι ή θηρίο ή θεός.

Source :

Πολιτικά Α, 1253.a25, μετάφρ. Β. Μοσκόβης, Αριστοτέλους Πολιτικά. Ι-ΙΙ (1989)

but also in a natural state to be built with the development of the so-called telos of ζῷον πολιτικόν. Man aspires to build a state because he expects happiness and joy in life, and the main premise for the establishment of a state is the possession of logos with the help of which man acquires the ability to distinguish right from wrong and good from evil. That ability differs according to the power of cognition/ acknowledgment and the ability to speak, which sets man apart from animals. (Αριστοτέλους Πολιτικά. Ι-ΙΙ (1989)).

It should also be taken into consideration that Aristotle himself attaches importance to human discourse in its separation from animals, and yet, the very term ζῷον πολιτικόν, as well as Saint Vasilios's ζιονον leaves the impression that it is a lexical homonymy which could be interpreted depending on the epistemological consciousness of the interpreter, depending on personal preference, for the simplest reason that Aristotle did not reduce man to animal symbolicism as Carl Gustav Jung

would use it, but on the other hand neither determines the connection with it, and at the same time, in human nature recognizes τελεολογία as a transcendent component outside from his natural being which, however, remains essentially similar to animals. The impression of homonymy as well as relativism in the philosophical construct ζῷον πολιτικόν remains indisputable, but things become dramatic when this Aristotle paradigm becomes the target of interpretations from a position of political power. When a person is in such a position to make a decision on behalf of many, shaping their lives in the extraordinary community - the state, the potential - ζῷον πολιτικόν, becomes a trap to be interpreted unilaterally, it can lead to unforeseeable consequences for the lives of the majority. It can even be said that a malicious interpretation or misinterpretation of ζῷον πολιτικόν can lead to a totalitarian regime in the country, and the "interpreter" - a tyrant, for example, if the meaning of this paradigm weighs on ζῷον in which case it may be a pretext for abusing the extensive meaning of this Aristotle paradigm, or to be more precisely, the complete loss of its expediency, then the meaninglessness of the Logos, which loses the thread of a reasonable distinction between good and evil, and instead of a state realizing the ideal of achieving happiness, it gets dark alter - ego, a totalitarian state, and instead of happiness, it received the meaninglessness of existence, failure to the ultimate good and ultimately, existentialism that is immersed in the enormous suffering of individuals or entire communities made up of ζῷον πολιτικόν, as well as Saint Vasilios's ζιονον πολιτικόν, as well as Saint Vasilios's ζιονόν / political animals.

How exactly should interpret and apply ζῷον πολιτικόν, of Aristotle, while at the same time avoiding the trap of relativism and the potential abuse of this philosophical paradigm? Perhaps the exit- answer and the way out of this trap should be looking for with the penetration of a new philosophy of revelation - Christianity.

In this context, the Hexameron of Saint Vasilios's manuscript should be seen, which is a simultaneous counter-reply and at the same time an ontological conclusion of the paradigm of Aristotle, but also of Saint Vasilios - ζῷον κοινωνικό/, and at the very end to add the Slavic philosophical-ethical paradigm Словесност⁴/Logosity. In that sense, there is an opportunity for developing epistemological awareness which refers to reconnection, deposition of linguistic constructions in the philosophical system that acquire categorical both ontological fullness, growing into categories of philosophy, but retaining the connection with language and as such, they become philosophical-linguistic paradigms. If Aristotle's ζῷον πολιτικόν originates from the

4. remark from the author

slave colonies about which in the Greek Πόλεις had the status of “speaking instrument”, then ζῶν πολιτικόν represents an ethically transcendental moment in the subject, but at the same time the same “speaking instrument” becomes a subject in Plato’s state, as well as in ζῶν πολιτικόν of Aristotle, and furthermore in addition with the upcoming penetration of Semitic anthropohumanism of Christianity, ζῶν πολιτικόν, ζῶν κοινωνικό of Saint Vasilios the Great expands the person to the ultimate level, the subject as a result of the laws of the State - Πόλεις by his famous Hellenic predecessors - Plato and Aristotle, but at the same time incorporating Genesis/the dogma of the Holy Trinity: “And the Lord God said, Behold the man is become as one of us, to know good and evil”⁵ (Genesis 3:22) where the subject becomes a specific person, and the transcendence of that subject called - person no longer refers to historical circumstances but also to the eschatological perspective of the human being whose root is located in Eternity itself.

In the Hermeneutics, according to the very Semitic nature of Christianity eternity is well understood as a Person /Logos, but also as a definition, as an eternal order and the completion of all transcendence followed by various polytheistic civilizations, but also followed by rationalist, materialist and of European Cartesian philosophy: „ But the wisdom that is from above is first pure, then peaceful, gentle, reasonable, full of mercy and good fruits, without partiality, and without hypocrisy” (The General Epistle of James – 3:17).

Hence, the future of human - philosopher and human - poet in today’s postmodern civilization becomes certain, but the criterion of that certainty is the existential spasm - suffering which has its long historical-philosophical genesis: man - slave / instrument that speaks, then ζῶν πολιτικόν/political creature or political animal depending by the circumstances of the interpretation of this paradigm, where animal and creature may be synonymous, but also terms that mean completely different ontologies, the logosless/бессловесност⁶ of animal nature: „Let the earth bring forth the living creature. Behold the word of God pervading creation, beginning even then the efficacy which is seen displayed today, and will be displayed to the end of the world! As a ball, which one pushes, if it meet a declivity, descends, carried by its form and the nature of the ground and does not stop until it has reached a level surface; so nature, once put in motion by the Divine command, traverses creation with an equal step, through birth and death, and keeps up the succession of kinds through resemblance, to the last. Nature always makes a horse succeed to a horse, a lion to a lion, an eagle to an eagle, and preserving each animal by these uninterrupted successions she transmits it to the end of all things. Animals do not see their peculiarities destroyed or effaced by any length of time; their nature, as though it had been just constituted, follows the course of ages, for ever young. Let the earth bring forth the living creature. This command has continued and earth does not cease to obey the Creator. For, if there are creatures which are successively produced by their predecessors, there are others that even today we see born from the earth itself. In wet weather she brings forth grasshoppers and\an immense number of insects which fly in the air and have no names because they are so small;

She also produces mice and frogs. In the environs of Thebes in Egypt, after abundant rain in hot weather, the country is covered with field mice. We see mud alone produce eels; they do not proceed from an egg, nor in any other manner; it is the

5. The Holy Bible, Oxford University, London; UK

6. remark from the author

earth alone which gives them birth. Let the earth produce a living creature. Cattle are terrestrial and bent towards the earth. Man, a celestial growth, rises superior to them as much by the mould of his bodily conformation as by the dignity of his soul. What is the form of quadrupeds? Their head is bent towards the earth and looks towards their belly, and only pursues their belly's good. Your head, O man, is turned towards heaven; your eyes look up. When therefore you degrade yourself by the passions of the flesh, slave of your belly, and your lowest parts, you approach animals without reason and becomes like one of them⁷" (Saint Vasilios, Hexameron, 2011, Chapter X)

In the ninth chapter of his Hexameron, St. Vasilios accurately sketches Genesis as an act of creating life according to an exact natural hierarchy. Especially important is the passage where St. Vasilios creates the difference between man and animals, more precisely, man - as a being whose ontology belongs to Heaven: Your head, O man, is turned towards heaven; your eyes lookup, and the animals, or as he calls them - cattle: Cattle are terrestrial and bent towards the earth.⁸

St. Basil acknowledges the existence of a soul in animals, but only at the time when it is called to exist at the moment when the ontology of Genesis reads their special features: "Thus when the soul of brutes appeared it was not concealed in the earth, but it was born by the command of God. Brutes have one and the same soul of which the common characteristic is absence of reason. But each animal is distinguished by peculiar qualities. The ox is steady, the ass is lazy, the horse has strong passions, the wolf cannot be tamed, the fox is deceitful, the stag timid, the ant industrious, the dog grateful and faithful in his friendships. As each animal was created the distinctive character of his nature appeared in him in due measure; in the lion spirit, taste for solitary life, an unsociable character".

Namely, in such a heaven-earth distinction, in the various toponyms of creation, a solution can be found to the wrong or malicious equation among ζῷον πολιτικόν and the human being recognized by St. Vasilios in the Genesis of the Bible, solution which refers to both contexts of creation, the expanses simply does not perceive the logosless nature (бесловесна природа⁹) of animals, and in that heavenly context, even the linguistic paradigm - ζῷον does not transformed the heavenly human, into beastly nature: „Your head, O man, is turned towards heaven; your eyes look up. When therefore you degrade yourself by the passions of the flesh, slave of your belly, and your lowest parts, you approach animals without reason and become like one of them. You are called to more noble cares; seek those things which are above where Christ sits. (St. Paul. Colossians 3:1)

Raise your soul above the earth; draw from its natural conformation the rule of your conduct; fix your conversation in heaven. Your true country is the heavenly Jerusalem; your fellow citizens and your compatriots are the first-born which are written in heaven.

According to Plato, being itself is not recognizable, and its essence is manifested only through language or type of discourse, but in St. Vasilios discourse as a Person/ Logos dethrones the linguistic construction that is created in Him, and furthermore is conceived by Him as a Person /λόγος. The linguistic construction as a syntax in λόγος is exposed in the form of a linguistic command, the command through λόγος turns into

7. Saint Vasilios addressed to passage of the Psalms: "Man that it is in honor, and understandeth not, is like the beast that perished." Psalm 49:20

8. same

9. remark by the author in order to emphasize the thin border between logic as an mental operation and logosity/ logosless as an form/symbol of utterly degrade human nature

an ontology whose visible manifestation materializes the various beings, wordless/logosless animals, and finally - λόγος Who defined the very human being as logical creature.

And instead of a conclusion, the theme of the future of the human being and philosophy is certain in its ultimate uncertainty, what is certain is that the future is coming, and what is uncertain - in what form and with what kind of features. If today's hermeneutic manuscript of the interpretation of ζῷον πολιτικόν is kept in postmodern civilization, the human being will be reinterpreted as the wordless/logosless animals according the philosophical exegesis of biblical Genesis by St. Vasilios, but this time - as an tragic inversion. The certainty of the future of the human being and philosophy consists predominantly in this type of convergent networking of the classical biblical text with the well-known, by St. Vasilios himself - ontology of creation, where the act of creation in Genesis transcends all forms of dualism in idea and matter. Even where dualisms do exist, they do not create a vacuum in the ontology because of the act of creation, and this act remains as a cosmogonic record in them as an invisible ontology denoting different beings. That dualism is toponymic, not ontological one, between wordless earthly animals and the celestial man who supposed to "hold his head in the sky expanse", indicating his transcendental predestination during creation of the world. However, the apparent dualism arises from the mixing of the two ontologies, the anthropology of the human being and the zoology of animals, when the criterion of the stomach essentially creates a rift in its being which dehumanizes the human being by creating the contours of a real and tragic dualism that is reflected as pain in the very being of the being.

SUMMARY

The malicious, or rather maliciously misinterpretation and inversion of Aristotle ζῷον πολιτικόν, as a political animal has brought philosophy in such condition to taste the bitter fruits for the poetry and poets as well in Plato's State as an irony of fate - ζῷον πολιτικόν, as an twisted hermeneutic paradigm of the modern era has expelled philosopher from the (post)modern state in the same manner when the poet - "shadow of the shadow" was expelled the from Plato's state. Today's expulsion of the philosopher from the neoliberal state of the postmodern era is his complete

Exclusion from the system which perceives him as a "foreign" body that cannot fit into the self created definition and interpretation of the Aristotle's political animal-ζῷον πολιτικόν, or to be more exact, it is due to the chimerical symbiosis between the animal which was created to exist before the creation of man in Genesis, the human being as the crown of creation, but this time, as his own antipode or disintegrated icon of God, unemployed and hungry philosopher in one of the great super-markets of the Big Brother. However, the philosopher of the (post) modern era has the dead Plato as his source, Plato has become a poetic irony, Plato has become living water of wisdom from which the philosopher of the future is watered between the greatsystems of the free world economy which "freely" has interpreted ζῷον πολιτικόν of Aristotle by its own finding and expelled the philosopher from the supermarket of world consumption just because the philosopher does not belong there. Philosopher in the supermarket among consumers those misinterpreted ζῷον πολιτικόν obtained as a result of crossbreeding between different species and subspecies extracted from the oblivion of Greek myths: the slender and spindleshaped centaur humanoid man-horse, terrifying idiotic bull and anthropomorphic Minotaur, and of course, theinevitably humanoid ape-like the one

very famous of Sir Charles Darwin. Left affront the Rubicon of society, the philosopher of the future philosophizes by observing the shelf of chocolates. Undoubtedly, the philosopher is able to recognize existentialism in chocolates. In

the milk department - cosmogony. Milk and chocolate. New Milky Way between the constellations. New dialectics and transcendence. Post-postmodern, or simply - a failure of the ontology of the human being. Instead of "Arbeit macht frei für Philosophen und Dichter", as a way out of the labyrinth in which the man of philosophy unwillingly, without being asked - found himself in the role of a new "burnt offering" as a semitic and Old Testament counterpoint, as a ritual right of the old Before the Holocaust of the XX-th century, enchant pagan world. The question of the crisis of the modern ethos, I thought it most appropriate to bring old pagan world, or the human sacrifice burnt offering, the ontology of language emerges, create a paradigm that leaves room for the creation of new categories of the philosophy of the future, where Genesis and Being are becoming synonyms, and the

"final solution" could be avoided: „And He said, take now thy son thine only son,, whom you lovest, even Isaac, and get thee into the land of Moriah; and offer him there for a burnt offering upon one of the mountains which I will tell thee of." (Genesis 22:2)

And instead of ending, it may be appropriate to draw on a part of Erich Fromm's book, "Disobedience and Other Essays" on the Origin of Evil and Its Counter-Suffering, which addresses Fromm's critique of the education system which as if he had lost philosophy, and this is very clearly seen in the fruits of today's postmodern civilization in which there is wealth, but no bliss, there is knowledge - but there is no wisdom, in which there is everything, but it is insignificant as if there were no being in itself.

REFERENCES

1. Alvarez, A. The savage God (A Study of Suicide). New York-London: W.W. Norton & Company, (1971)
2. Bahtin, Mihail. Problemi poetike Dostojevskog, Beograd: Nolit, 1967
3. Butscher, Edward. Method and Madness, Schaffner Press: Tuscon, A
4. Pejović, Danilo. Suvremena filosofija zapada. Zagreb: Matica Hrvatska, (1967)
5. Pisarev, Dmitrij. Izabrane studije i rasprave (Studija o romanu Zločin i kazna pisca Fjodora Dostojevskog 1867 godine), Beograd: Kultura, (1962)
6. Renak, Solomon. Opšta Istorija religija. Sarajevo: Svjetlost, (1960)
7. Аристотел, Политика (Aristotel, Politica). Превод од старогрчки, коментар, белешки и поговор; Алексовска, Бизалковска, Маргарита и Џукеска елена, Слово, Скопје, 2006 година
8. Бест, Стивен – Келнер, Даглас Постмодерна теорија, Скопје: Култура, (1996)
9. Јосифовски, Јонче. Философија. Скопје: Просветно дело, (1975)
10. Козелек, Рајнхарт. Критика и криза, (Студија о патогенези граѓанског света) Београд: ПлатоΩ, (2000)
11. Компањон, Антоан. Демон теорије. Београд: Светови, (2003)
12. Милошевиќ, Никола. Нови антрополошки есеи - Големите романи на Достоевски, Скопје: Култура, (2005)
13. Панзова, Виолета. Науката како занает. Скопје: Философски факултет, (2003)

14. СВЕТО ПИСМО (БИБЛИЈА). Синод на МПЦ. Ljubljana, Tisk: Delo–Tiskarna, (1991)
15. Фром, Ерих. За непослушноста и други есеи, Скопје: Комунист, (1989)
16. Фуко, Мишел. Треба бранити друштво (Предавања на колеж де Франсу из 1976 године). Нови Сад: Светови, (1998)
17. Фукујама, Френсис. Крајот на историјата и последниот човек, Скопје: Култура, (1994)
18. Шелева, Елизабета. Културолошки есеи, Скопје: Магор, (2000)
19. Шелева, Елизабета. Од дијалогизам до интертекстуалност, Скопје: Магор, (2000)

СПЕЦИЈАЛЕН ДЕЛ

**НАУЧНИ ТРУДОВИ ОД
ШЕСТТИ МЕЃУНАРОДЕН ФИЛОЗОФСКИ
ДИЈАЛОГ „ИСТОК-ЗАПАД“**

**СИМПОЗИУМ:
ФИЛОЗОФИЈА НА МЕМОРИЈАТА**

**СКОПЈЕ – БИТОЛА – ОХРИД
6-8 ОКТОМВРИ 2021**

**ВО ОРГАНИЗАЦИЈА НА:
МАКЕДОНСКА АКАДЕМИЈА НА НАУКИТЕ И УМЕТНОСТИТЕ**

**МЕЃУНАРОДЕН СЛАВЈАНСКИ УНИВЕРЗИТЕТ „ГАВРИЛО
РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН“ СВЕТИ НИКОЛЕ - БИТОЛА**

**ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ, УНИВЕРЗИТЕТ „СВ. КИРИЛ И
МЕТОДИЈ“ - СКОПЈЕ**

ФИЛОЗОФСКО ДРУШТВО НА МАКЕДОНИЈА

Achilleas Kleisouras, PhD Candidate

Special Technical Laboratory Staff

National and Kapodistrian University of Athens

Republic of Greece

REMEMBERING THROUGH COMICS: THE QUEST FOR PERSONAL AND COLLECTIVE IDENTITY IN ART SPIEGELMAN'S GRAPHIC NOVEL *MAUS*

ABSTRACT: The study of memory in comics focuses primarily on the intersection of comics with memory culture and the ability of the medium to simulate or transmit memory. The way in which the intricate relationship between witnessing, testimony and memory is realized through narrative is examined more closely in Art Spiegelman's graphic novel *Maus*, first published as a complete volume in 1991. In *Maus*, the story of the survival of Spiegelman's father along with his written testimony, comprise a raw post-memory material that investigates the role memory plays in the representation of history. Even more, this biographic/autobiographic story deals with the issue of transgenerational trauma as well as the ambiguity and tension that may arise between personal and collective memories. The past, and the search for truth, become the cornerstones of a narrative structure which is based on representational modes or styles of drawing. By such means, narrative memory can function as a vessel in the formation of Spiegelman's identity, in a familial but also broader, social context.

KEY WORDS: *Maus*, comic, memory, postmemory, identity, narration

INTRODUCTION

The broad theme of this paper is the intersection of comics with memory culture and the examination of the possibilities the comic medium has to offer, when interpreting and depicting sensitive issues that deal with memory and postmemory, transgenerational trauma, and the problematic of Holocaust representation. More specifically, the paper focuses on *Maus*, a graphic novel created by Art Spiegelman that portrays, in comic form, on one hand the tale of a survivor, and on the other, the autobiographical story of his son. The paper examines the various ways that this graphic novel achieves narrative maturity as well as 'legitimization', so to speak, by incorporating, combining and transcending traditional historical documentation methods of memory transmission, such as oral and written testimony, as well as photographs and films. Spiegelman is able to achieve this by creating a biographic/autobiographic narrative of trauma, that complies with the structure of the comic form and employs the characteristics of the comic genre. This allows him to approach historical events and transgenerational trauma from a new perspective in order to articulate the tension that may arise between memory and post memory, and comprise an alternative narrative with respect to the presentation of history. The paper concludes that the narrative in *Maus* can help constitute a narrative of memory, which in effect becomes a vessel in the search for truth, personal as well as collective; through remembering, Spiegelman sets on a journey to understand and define his identity, in a familial but also broader, social context.

BODY OF THE PAPER

Over the course of the last two decades, we have seen a rapid growth in the field of memory studies which led to the formulation of concepts such as cultural memory, postmemory, prosthetic memory and multidirectional memory. These are all concepts aimed to examine the many different ways in which memory functions and manifests itself, but also that take into account what we could call 'technologies of memory' such as photographs, films, to a large extent today social media, as well as comics (Catala Carrasco et al. 12). A recent addition to these which is also seeking 'academic legitimization', so to speak, is a concept that has been coined as comics memory (Nijdam 86). Unlike work which primarily focuses on the intersection of comics and memory i.e., the role of memory in comics, or how memory is represented in the medium, this new field deals with the way that different 'kinds' of memory tend to interact (Ahmed and Crucifix 2).

The medium of comics is unique: not only can it mobilize the past in particularly challenging and productive ways, but it can contribute to the realization of a largely untapped potential of memory. The medium's distinct characteristics and essential building blocks such as drawing style, coloring, lettering etc. can become traces of bodily memory (Ahmed and Crucifix 2), and therefore function, I suggest, as catalysts bringing to light stored information that transcends the limitations of conscious recollection.

Maus was originally created by Art Spiegelman in 1980. It is the story of a Holocaust survivor narrated by the son of the survivor who happens to be the artist himself. The first six chapters of Maus were published in book format in 1986 and the first volume had the telling subtitle: 'My father bleeds history'. The second volume, Maus II, was published with five more chapters, in 1991. Provocative as it may seem as a generic choice to use the comic medium in order to portray the history of the Holocaust, an even more striking feature in Maus is that Spiegelman chose to use animals in order to present his father's story of survival and his own life as a child of survivors (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 9). In his graphic novel, human beings are depicted as mice, cats, pigs and other animals: mice are used to depict the Jews who were the victims, cats to portray the German soldiers and pigs to represent the Poles (Spiegelman, "Maus: A Survivor's Tale: My father bleeds History" 22, 28, 33); the French are represented as frogs, the Americans as dogs and the British as fish (Spiegelman "Maus II: A Survivor's Tale: And Here My Troubles Began" 93, 99, 131).

The use of metaphor by Spiegelman, however, must be understood within the overall concept and structure of Maus: we are not really confronted by animals playing people's roles but by humans who wear animal masks. Through the guise of an animal fable, Spiegelman aims to tackle and undermine Hitler's vermin metaphor: the horror of a racial theory is not rationalized or supported by the metaphor but, on the contrary, it is brought to its' fullest and most awful realization (Brown 1998). By using the form of animals to recount the story of his father's survival of the Holocaust, Spiegelman is able then to assert more convincingly the truth of the Jews vulnerability, in the same way that mice are vulnerable in the presence of cats (Drag 227).

In order to narrate his story, Spiegelman chose the comic form which, in the eyes of many critics, is not a 'serious' enough medium and lacks the 'credibility' to deal with such a disquieting issue as the Holocaust. However, to present the tale of a survivor in this form, is in fact an effective response to the challenges posed by Holocaust representation -up to that point- and by doing so Spiegelman transgresses the idea

of decorum (i.e. the unspoken principal that relates to the appropriate matching of topic and genre). Furthermore, the dialogic structure of the narrative allows for many different stories to unfold: of the father and his wife, of friends and sons, among others. As these stories are woven together, they form the basis for the synthesis of a collective memory (Fernandez Gil 244-248); this memory, up to that point, had only been implied by personal, familial and collective symptoms of an unspoken trauma.

Spiegelman addresses head-on the question of how the Holocaust can be represented through an interaction between a variety of different media (such as comics, photographs and testimony), in order to transcend the immobilizing effect of the photograph and documentary film, two mediums that had immersed people in visual imagery of extraordinary power and had, in effect, silenced them verbally (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 9, 10). Viewed as a documentary in comic form, *Maus* is able to achieve multiple and distinct levels of commentary of the survivor's -Spiegelman's father- experience. Underneath the visual surface, the pages of the graphic novel contain different kinds of information. Hillary Chute, a scholar with important work in the field of comic studies, has argued that the 'boxes' comprising a page of comics, store and display information in a way that is intimately linked with the idea of the archive (Chute 181, 192). But the archival process in *Maus*, instead of culminating into a repository of evidence, becomes in effect something dynamic; it reveals the tension, as well as the interaction, between the visual (which includes the photographs that were incorporated in the comic as well as the drawings), the written, and the oral and how these express the memory of the eyewitness and of the secondary witness in order to create a completely new testimonial archive (Chute 193).

It has been argued that, due to their aestheticizing tendencies, visual representations have a diminished power to convey horror. The aesthetic quality of a photograph or film that projects reality becomes, in a way, a protective barrier between the viewer and that which is real. Even more, after repeatedly looking at a horrific photograph or film, the viewer is prone to build up a certain psychological resistance with a desensitizing effect in order to survive the horror of looking, so to speak. With the use of the comic form, Spiegelman is able to produce a multilayered narrative that can approach the problematics of Holocaust representation and to transcend the distinction between the documentary and the aesthetic. By replacing documentary photographs with drawings of mice and cats in order to tell the story, Spiegelman is able to discard the protective function of the aesthetic and lay the viewer bare to the reality of what actually took place as this is constantly 'debated' and formulated on an opposing axis of testimony vs fiction (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 11) or, of what is remembered vs what actually happened.

This process, according to Hirsch, represents in *Maus* the aesthetic of the trauma fragment, a testimonial 'chain' which is characterized by an aesthetic indistinguishable from the documentary form. The frames of the comic are connected to each other in order to form an invisible 'chain' linking together two separate chronological levels, the past and the present, which structure the narrative of the story (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 26).

Through this process, complemented by the spoken testimony of Spiegelman's father, a peculiar narrative of remembering is constructed which is able to articulate and represent in a most profound way life, death, loss and mourning. It is most probable, that the power of this narrative of trauma which is presented in *Maus*, lies not so much in the ability to evoke memory, as it does in its' capacity to provide to the reader the

opportunity to fill in what has been discarded by memory over the years, in an effort to cope with the trauma of an unspeakable horror. It offers then, the necessary context to rescue personal memory and its' gaps (Pintor 133). To be sure, children of those directly affected by collective trauma, like Spiegelman, tend to inherit a horrific, unknown and unknowable past; their fiction, art, memoir, and testimony often represent the effects of living, over a prolonged period of time, in close proximity to pain, and is steeped in feelings of loss (Hirsch "The Generation of Postmemory" 112): loss of a home, of a family and of a feeling of belonging in the world that may, in effect, lead also to question one's sense of identity.

In order to understand how memory can be graphically represented in a medium such as comics, it is important to briefly become acquainted with one of the medium's unique characteristics. Comics can use the panel structure and the 'gutter' -which is the space between panels- to allow for multiple temporal instances, which means that it can allow the reader to 'move' back and forth in time (McCloud 66, 94-104). This distinct feature of the comic medium allows for a series of negotiations between the reader and the pages of the comic that contain the text and image (or the image alone), negotiations that concern what path the reader has to take when engaging with the narration of time. Such a negotiation can also allow for a suspension of blotting out individual memories, experiences and interpretations, both verbal and visual, something prone to happen when there is a dominant, 'official' version of the story that is presented (Pines 185).

Even more, the juxtaposition of frames on the page, calls overt attention to the basic grammar of the medium of comics involving selection i.e. the specific rhythm that is created by what is displayed and what is discarded, in order to create a deliberately unsynthesized collision of style. In the case of *Maus*, this constant shift between the representational and the non-representational as well as the disjunctions between them, becomes the backbone of the graphic novel's narrative thread and the root of its' capacity to express horror (Chute 186, 193).

In comics, the discourse with the reader is something that takes place 'between the panels', beneath the narration or the dialogue. In collaboration with the distilled register of the cartoon and the drawn lines, it can create a world of expression that can be enveloping, idiosyncratic and very powerful, as is the case in *Maus*. A story with many narrative lines narrated in the comic medium has the ability to mobilize the 'fragment' of trauma in an effort to connect past and present. It can also bring forth the unreliability of memory and the hidden tensions between history (as it is remembered) and the truth. The past and the search for truth through the process of remembering, form the cornerstones of the narrative lines in *Maus*. It is this search for truth through memory, that becomes in effect a search for self and identity, personal as well as collective (Merino 3).

The narration in *Maus* is structured on two different levels that continually interchange from the very beginning to the end of the story. On one level, there is the fictionalized tale of the artist's real-life father Vladek, and all he had to endure as a Jew living in Poland during World War II and as a prisoner in a concentration camp in Auschwitz. On another level, it is the story of the strained relationship between a father and his son, living in the area of Queens in New York in the 1980's, the time of the graphic novel's creation. While *Maus* is in fact the story of the father's testimony and the son's attempt to transmit that testimony in the comic genre, it is also the story of the son's life, which is dominated by memories that are not his own. The graphic novel,

in true self-reflective fashion, speaks also of Spiegelman's struggle as he tries to deal with these memories that have haunted him all his life and as he tries to mediate and transform them through his own idiosyncratic graphic representation and aesthetic choices in the form of comics (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 12).

Through the use of comic images and testimony placed in balloons, Spiegelman is reconstructing the memory of his father; This is achieved through the sketches which represent the orality and dialogues of Vladek as he recounts his tale to his son Art. This verbal construct permits truth to be analyzed from another perspective, using testimonial as a literary device for representing memory. Although Spiegelman, the comic artist is the narrator, it is the father, Vladek, who becomes both protagonist and narrator for most part of the graphic novel. The representation of memory in *Maus* then, depends on Vladek's testimonial. It is important to note, however, that Vladek is not directly narrating these events to us; the narrator is his son Art, the creator of the comic, who in fact remembers and recounts his father's remembering. In this way, Art individualizes the voice of his father and offers another kind of memory that is mediated through his father's memories. This is what is called postmemory, a concept first introduced by Marriannne Hirsch (Hirsch "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory" 8, 18). Postmemory describes the relationship of the second generation to powerful, often traumatic experiences that preceded their birth; these memories were transmitted to them and have a lasting and powerful effect as they constitute memories in their own right (Hirsch "The Generation of Postmemory" 103). In *Maus*, the narrators are father and son, first and second generations, and their conversations, as depicted in comic form, illustrate how familial postmemory works through the transformations and mediations from the father's memory to the son's postmemory (Hirsch "The Generation of Postmemory" 119). In order to investigate and illuminate the thread between the two, Spiegelman uses in his narration the process of the testimonial chain which allows him to link two separate chronological levels, the father's past and the son's present.

It has been argued that *Maus* represents to the comic world what Proust's work represented to literature (Merino 10). *Maus* achieves narrative maturity by exploring the multi-faceted content of memory and in the process delivers to the reader a multiple content: testimonial, autobiography, history and personal memoir. Just as France was constructed in Proust's *Remembrance of Things Past*, in *Maus* collective suffering is constructed in Vladek's individual story. His first-person narrative and the memory of his suffering is multiplied and accompanied by the silenced memory of millions who suffered the same things. The drawings in *Maus* undertake the task to reproduce, just as in Proust's prose, the narrative of memory which has materialized in the present life of the adult Art Spiegelman at the time that he created his comic (Merino 3).

The narration in *Maus* reflects the tension between individuals, their culture and their past. Through memory, it becomes possible to recover and narrate a universal drama and to share each moment of suffering; *Maus* engages in a dialogue with individuals and their perspective of the present. Vladek's story needs to be told because it is the collective story of millions; but it also needs to be told because of the familial implications that exist within it. For Spiegelman, the son of a survivor, it seems imperative to find the appropriate 'space' to express his father's story and bring to light the memories it contains; he needs his father's memory to construct his own identity because memory is fundamental in the constitution of his ego. In the panels of *Maus*,

Spiegelman attempts to fuse history and fiction in order to constitute an identity which is based on the act of remembering (Merino 2, 4).

It is most telling that Spiegelman chooses to explore memory by employing a narrative of imagery. It is reported, at least in many philosophers' accounts, that an item always specified as being present when remembering occurs is an image. William James thought that a necessary ingredient of memory is "the revival in the mind of an image or copy of the original event", and Bertrand Russell goes as far as to posit that "memory demands an image" (Malcolm 59).

It can be argued that the underlying current running along the narrative of *Maus* is the search for identity through the process of remembering. As the meaning of one's experience materializes in memory, the historicity of the ego becomes very important and, it can be argued, only he who has a memory will be able to form an identity that is characterized by constancy and continuity. But, in this quest for identity, it seems that Spiegelman needs first to unearth the memory of someone else: his father. Only in the process of establishing a meaningful link between his father's memory and his own postmemory, will he be able to encounter the missing or seemingly 'vacant' pieces of memory lying dormant within the narrative of trauma. And, to paraphrase the famous saying by Aristotle, identity -like nature- abhors a vacuum too. It could be argued that all human beings are compelled to try and fill this 'identity vacuum' with a plausible narration.

The vital link between identity and narrative has been recognized by many scholars, beginning with Paul Ricoeur who first founded the concept of a 'narrative identity' (Ricoeur "Narrative Identity" 73). Ricoeur understands identity as the durable character of an individual that is based on a life story and whose coherence is imposed by plot. It seems then, that we understand our-selves and our place in the world, our identity that is, by interpreting our lives as if they were narratives. And it this unique interpretation and meaning of one's own life experience that in the end materializes and becomes the memory of the life that has been lived.

CONCLUSION

In the graphic novel *Maus*, the meaning of Vladek Spiegelman's experience has been stored in memories pregnant with trauma. This trauma has been silenced over a prolonged period of time and has been inherited in the postmemory of his son. Art Spiegelman feels compelled to use the power of the comic medium in order to unearth this traumatic content of postmemory. To do so, he constructs a personal, familial and collective tale employing the comic form and genre, and consequently embarks on a quest to discover his own identity. This quest is in essence an effort to define himself and his people through the act of remembering. However, in order to achieve this, Spiegelman will be needing the mediation of the narrative function; through various means, he constructs a multilayered and dynamic plot, developed on different temporal levels. By choosing to structure the story of *Maus* on a narrative of memory, he is able to exemplify that, in the process of making ourselves, we first have to turn our lives into stories. A view that Paul John Eakin succinctly and eloquently encapsulated in words, when he wrote: "narrative is not merely an appropriate form for the expression of identity; it is an identity content" (Eakin 100).

WORKS CITED

1. Basu, Lopamudra. "The Graphic Memoir in a State of Exception." *Drawing from Life: Memory and Subjectivity in Comic Art*. Ed. Jane Tolmie. Jackson: University Press of Mississippi, 2013. 163-184.
2. Brown, Joshua. "Of Mice and Memory." *Oral History Review* 16. 1 (1998): 91-109.
3. Catala Carrasco, Jorge, et al. "Introduction." *Comics and Memory in Latin America*. Eds. Jorge Catala Carrasco, Paulo Drinot, James Scorer. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 3-32.
4. Chute, Hillary. *Disaster Drawn: Visual Witness, Comics, and Documentary Form*. Cambridge: Harvard University Press, 2016.
5. Drag, Wojciech. "Joe Brainard's I Remember, Fragmentary Life Writing and the Resistance to Narrative and Identity." *Text Matters* 9. 9 (2019): 223-236.
6. Eakin, Paul John. *How Our Lives become Stories: Making Selves*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1999.
7. Gil, Maria Jesus Fernandez. "Sequencing the History of the Third Reich: Art Spiegelman's Selection of Holocaust Images and Moments." *On the Edge of the Panel: Essays on Comics Criticism*. Eds. Julio Cañero, Esther Claudio. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
8. Hirsch, Marianne. "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory." *Discourse* 15. 2 (1992-93): 3-29.
9. Hirsch, Marianne. "The Generation of Postmemory." *Poetics Today* 29. 1 (2008): 103-128.
10. Kyungah Hong, Caroline. "Postmemory and the Imaginative Work of Those Who Come After." *Women's Studies Quarterly* 48. 1 & 2 (2020): 129-132.
11. Maaheen, Ahmed and Benoit, Crucifix (eds.). *Comics Memory*. London & New York: Palgrave, 2018.
12. McCloud, Scott. *Understanding Comics: The Invisible Art*. New York: Harper Collins Publishers, 1994.
13. Malcolm, Norman. "Memory and Representation." *Noûs* 4. 1 (1970): 59-70.
14. Merino, Ana. "Memory in Comics: Testimonial, Autobiographical and Historical Space in MAUS." *Transatlantica* 1 (2010): 1-12. Web. 29 Apr. 2021.
15. Nijdam, Elizabeth. "How Comics Remember." *Image and Narrative* 20. 1 (2019): 85-88.
16. Spiegelman, Art. *Maus: A Survivor's Tale: My father bleeds History*. New York: Pantheon Books, 1986.
17. Pines, Davida. "History, Memory, and Trauma." *Drawing from Life: Memory and Subjectivity in Comic Art*. Ed. Jane Tolmie. Jackson: University Press of Mississippi, 2013. 185-206.
18. Ricouer, Paul. "Narrative Identity." *Philosophy Today* 35. 1 (1991): 73-81.
19. Ricouer, Paul. "Life in Quest of Narrative." *On Paul Ricouer: Narrative and Interpretation*. Ed. David Wood. London and New York: Routledge, 1991. 20-33.
20. Spiegelman, Art. *Maus II: A Survivor's Tale: And Here My Troubles Began*. New York: Pantheon Books, 1992.

Evangelos D. Protopapadakis, PhD

Associate Professor of Applied Ethics

National and Kapodistrian University of Athens, Hellas

Republic of Greece

MESSING WITH AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY: IDENTITY, AND MORAL STATUS

ABSTRACT: The role of autobiographical memory is not just to relate us to our past self, but also to shape the future self of ours by helping us navigate the complex world we encounter in our every-day lives on a stable basis: some more or less vivid idea of who we really are as persons, as individual beings with distinct selves and unique identities. In this sense memory has also to do with being and becoming, and not just with having been. The advances in the field of memory neuroscience have resulted in what is called memory reconsolidation, that is, techniques to suppress, modify, or enhance certain memories that have to do with our moral identity and moral status. In this presentation I will discuss certain potential implications of memory reconsolidation that are in my view of key importance for neuroethics, and especially for the debate concerning moral identity, agency and status in the brand-new landscape that has been shaped by the novel capabilities neuroscience has made available.

KEYWORDS: memory neuroscience; memory reconsolidation; moral identity; moral self; moral status; molecular memory modification; false memories; neuron stimulation.

I. INTRODUCTION

Henri Bergson distinguished between 'objective' time, that is, time as it is calculated by the sciences, and subjective, or 'lived' time (*durée réelle*), as it is being experienced by self-conscious individuals.¹ In this latter sense, "time is the co-presence of various pasts in the current moment instead of a series of succeeding 'now' points,"² and this is probably the most telling definition about autobiographical memory, which has been assumed by many to be the basis of personal identity.³ The reason why autobiographical memory is usually being assigned such significance is that, obviously, if one's past experiences are not constantly present in one's mind, one cannot have a sense of a self; in other words, autobiographical memory is the necessary condition for having a continuous state of consciousness, one that endures through time. And given that even identical past experiences result in different lived states for each individual – if only, due to the different angle of experiencing, since "two bodies cannot occupy the same space at the same time,"⁴ autobiographical memory is unique for each self-conscious being, and this makes autobiographical memory also the basis of distinctiveness and individual identity.⁵

1. Henri Bergson, *Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness*, trans. F. L. Pogson (London: George Allen & Unwin, 1950), 165.

2. George Bragues, "Memory and Morals in Memento: Hume at the Movies," *Film-Philosophy* 12, no. 2 (2008): 63. doi: <https://doi.org/10.3366/film.2008.0016>.

3. Shaun Nichols, and Michael Bruno, "Intuitions about Personal Identity: An Empirical Study," *Philosophical Psychology* 23, no. 3 (2010): 293-312. doi: <https://doi.org/10.1080/09515089.2010.490939>; Derek Parfit, "Personal Identity," *The Philosophical Review* 80, no. 1 (1971): 3-27. doi: <https://doi.org/10.2307/2184309>; Sydney S. Shoemaker, "Personal Identity and Memory," *The Journal of Philosophy* 56, no. 22 (1959): 868-882, doi: <https://doi.org/10.2307/2022317>; Bernard Williams, "The Self and the Future," *The Philosophical Review* 79, no. 2 (1970): 161-180, doi: <https://doi.org/10.2307/2183946>.

4. Bergson, 88.

5. Lori J. Nelson, and Dale T. Miller, "The Distinctiveness Effect in Social Categorization: You Are What Makes you

II. PERSONAL IDENTITY: THE EMPIRICAL EXPLANATION

According to what empiricists insistently claim, the mind has no such things as any inherent intellectual content, or structure; instead, our mind encodes the information we perceive from our environment, and the thoughts we make are being articulated by means of images we have gained from experience. According to this view language is equally a collection of signifiers of images, as well as a mechanism by means of which we are able to recall these images instantly and efficiently so as to be able to think⁶. In a long series of empiricists, David Hume has probably been the most articulate, ardent and convincing champion of the view that internal events, the ones he called 'prescriptions,' can be classified into two main categories, as impressions on the one hand, and ideas on the other, the former containing sensations, passions, desires, emotions, and the latter consisting of images formed exclusively by the impressions we have already experienced.⁷ For example, when I see a horse, I have the impression of the horse, and when I feel angry, I have the impression of my anger; when later on I recall in my memory the image of the horse or reflect upon my anger, I have the idea of either the horse, or my anger. Hume claims that the vivacity and clarity of impressions far supersedes that of ideas, and this constitutes the most significant line of demarcation between these two. Our memories, in Hume's view, are part of a continuum stretching from experienced ideas in the present, and impressions reflected upon afterwards. They are neither impressions nor ideas, since on the one hand memories include images that represent past lived experiences, that is, previously acquired impressions, so they cannot be pure impressions; but on the other hand they affect our mind to a larger degree than any idea or thought ever could, so they cannot be pure ideas; and this puts memories somewhere between impressions and ideas, their actual position fluctuating according to the circumstances, "though on the continuum between the perfect manifestations of these perceptions, memory evidently lies at the point at which it is an idea equivalent to an impression."⁸

With regard to the ideas, then, Hume assumes that more often than not they are just the reflection of the impressions we have acquired through experience, and this because even the most unreal idea, human beings bearing wings, let's say, an idea that corresponds to nothing ever experienced by the person who entertains it, is actually composed by separate impressions, i.e., the impression of a human body, the impression of a bird's wings, that are combined by imagination into forming the imaginary idea of a distinct being, no matter how unreal this being is.⁹ Given that ideas follow the impressions of which they are the ideas of, since we cannot form in our mind the idea of any simple, concrete thing or quality, such as, let's say, a tree, if we haven't already seen, touched or smelled any tree in the past, according to Hume we couldn't conceive of something if we hadn't already previously sensually experienced that something either as a whole, or its separate constituents. This means that words and terms cannot have any meaning at all unless they correspond to things – and states – that are accessible either by our senses, or feelings:

When we entertain, therefore, any suspicion, that a philosophical term is employed without any meaning or idea (as is but too frequent), we need but enquire,

Unusual," *Psychological Science* 6 (1995) : 246-249. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00600.x>.

6. John Locke, *An Essay Concerning Human Understanding*, ed. Peter H. Nidditch (Oxford: Clarendon Press, 1975), 43-105, 402-408; Thomas Hobbes, *Leviathan*, ed. C. B. Macpherson (New York: Penguin, 1968), 100-110.

7. David Hume, *A Treatise of Human Nature*, ed. Peter H. Nidditch (Oxford: Oxford University Press, 1978), 1-2.

8. Bragues, 67.

9. Ibid., 3.

from what impression is that idea derived?¹⁰

Given that according to Hume reasoning is the analysis of relationships amongst separate ideas,¹¹ it also follows that a person cannot lucidly pursue a train of thought unless each of the connecting links has been given substance via their experience. This has also a huge bearing on establishing and maintaining one's personal identity:

Hume originally argued that individuals perceive a bond to exist between their successive mental perceptions in part because memory regularly calls forth images that naturally resemble objects previously experienced, rendering it psychologically easy for the mind to connect the two sorts of perceptions. A more important part is played by the mind's customary disposition to link repeatedly succeeding events in cause and effect terms, a process in which memory is indispensable by bringing to mind past regularities in thought, sense, and emotion. Once memory establishes this bond, we then project our identity onto periods and situations we cannot remember on the inference that the causal chain uniting our mental states necessitates that it always be in operation, regardless of whether it is under our notice.¹²

It is obvious that the philosophical debate about personal identity is not just of merely theoretical interest, but it also has momentous implications with regard to moral accountability, since in the case no mental continuum can be established, there can be no moral agency, at least not in typical sense: people could only be accountable for their present-time actions, and this for as long any given present-time could be taken to last, but not for their past deeds, since actually there would be no mental past for anybody, but only physical. Evil might well have been perpetrated by your very hands, but the perpetrator has not really been you.

III. MEMORY RECONSOLIDATION AND ETHICAL PERILS

If memory is indeed of such significance when it comes to one's autobiographical sense of self and personal identity, it follows that any intervention should be attempted only after thorough consideration and with extreme caution. Today there are several techniques available by means of which we could modify one's memories – or, memory, such as molecular memory modification and false memory implantation; the debate, of course, is on whether techniques as such should eventually be implemented, and if yes, to what extent the memories of human beings could be modified without threatening one's autobiographical sense of self and individual personality, rendering hence impossible moral agency.

The bonds between morality, memory and personality have recently become the subject of several studies. Newman et al. set out to investigate the notion of one's "true," or "real," or "authentic" self, to find out that "that observers are more likely to see a person's true self reflected in behaviors they deem to be morally good than in behaviors they deem to be bad,"¹³ and also that "observers' own moral values influence what they judge to be another person's true self."¹⁴ It seems that the notion of one's identity, one's authentic self, is indeed seen as strongly connected to moral properties more than to anything else.

10. David Hume, *An Enquiry Concerning Human Understanding*, ed. Eric Steinberg (Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1977), 13.

11. Hume, *A Treatise*, 73.

12. Bragues, 74.

13. George E. Newman, Paul Bloom, and Joshua Knobe, "Value Judgments and the True Self," *Personality and Social Psychology Bulletin* 40, no. 2 (2014): 203. doi: <https://doi.org/10.1177/0146167213508791>.

14. Ibid.

The role of morality in shaping one's identity is also stressed by the studies of Strohminger and Nichols: they asked their subjects to imagine a personality change in another person and report the traits that would have been more influential in such a change. Their findings showed that "folk notions of personal identity are largely informed by the mental faculties affecting social relationships, with a particularly keen focus on moral traits."¹⁵ In particular, according to what the subjects reported, changes in one's moral properties counted as of more weight than changes with regard to other personality-related traits, such as several physical and intellectual features. In a later similar study of theirs, Strohminger and Nichols "...measured perceived identity change in patients with three kinds of neurodegenerative disease: frontotemporal dementia, Alzheimer's disease, and amyotrophic lateral sclerosis. Structural equation models revealed that injury to the moral faculty plays the primary role in identity discontinuity. Other cognitive deficits, including amnesia, have no measurable impact on identity persistence."¹⁶ According to these studies, morality is perceived as having a crucial role in shaping the identity of humans.

The memories of what we have experienced in the past have a huge influence on our current and future behavior; therefore, changing any individual memory or set of memories would be expected to directly affect current and future decisions and actions of ours, that is, our personality. In that sense, molecular memory modification, either by means of PKM ζ or propranolol, since what these substances do is to modify one's emotional memories, is theoretically capable of producing long-term changes to one's behavior, even to a limited extent.¹⁷ The same applies to false memory implantation.¹⁸ When it comes especially to emotional memories, for the time being it is almost impossible to tell to what extent memory reconsolidation would affect one's current or future reactions and moral personality in general. According to Walter Glannon,

...chronic manipulation of neural mechanisms mediating emotional responses to the natural and social environment might weaken or even destroy inhibitory mechanisms controlling harmful behavior and thus also the capacity to conform to social norms.¹⁹

The overuse of propranolol could lead to a lessened ability to associate fear in given settings, which is a basic survival mechanism to avoid harmful or otherwise painful scenarios. Propranolol treatment could therefore inadvertently act to dampen some of the positive emotional aspects of untargeted episodic memories, resulting in a loss of the positive emotions associated with past life experiences.²⁰

15. Nina Strohminger, and Shaun Nichols, "The Essential Moral Self," *Cognition* 131, no. 1 (2014): 159. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.12.005>.

16. Nina Strohminger, and Shaun Nichols, "Neurodegeneration and Identity," *Psychological Science* 26, no. 9 (2015): 1469-1479. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797615592381>.

17. Reut Shema, Sharon Haramati, Shiri Ron, Shoshi Hazvi, Alon Chen, Todd Charlton Sacktor, and Yadin Dudai, "Enhancement of Consolidated Long-Term Memory by Overexpression of Protein Kinase M[zeta] in the Neocortex," *Science* 331, no. 6021 (2011): 1207-1210. doi: <https://doi.org/10.1126/science.1200215>.

18. Daniel M. Bernstein, Cara Laney, Erin K. Morris, and Elizabeth F. Loftus, "False Memories about Food Can Lead to Food Avoidance," *Social Cognition* 23, no. 1 (2005): 11-34. doi:10.1521/soco.23.1.11.59195; Seema L. Clifasefi, Daniel M. Bernstein, Antonia Mantonakis, and Elizabeth F. Loftus, "Queasy Does It': False Alcohol Beliefs and Memories May Lead to Diminished Alcohol Preferences," *Acta Psychologica* 143, no. 1, (2013): 14-19. doi: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2013.01.017>.

19. Walter Glannon, "The Neuroethics of Memory," in *The Memory Process: Neuroscientific and Humanistic Perspectives*, eds. Suzanne Nalbantian, Paul M. Matthews, and James L. McClelland, 233-248 (Cambridge, MA: MIT Press, 2012).

20. Ross Michael Reul, *Memory Modifications and Ethical Implications* (PhD diss., University of Texas, 2018), 47. The author cites Glannon, *The Neuroethics*.

False memory implantation, on the other hand, is not at all about chemically affecting the brain, or permanently modifying its structure.²¹ On the contrary, it is about behaviorally interfering with the human mind, in particular in the case of children, by means of incorporating "misleading or otherwise false information into past episodic memory engrams,"²² on purpose of eliminating unwanted behaviors and promoting desirable ones. Today it is true that due to advance techniques psychologists, taking advantage of the human "flexible and reconstructive memory system, wherein recollections are altered each time they are retrieved,"²³ have the ability to artificially implant certain autobiographical memories in the subjects' minds, memories that are expected to benefit the very person, but also the society, by pushing one to achieve one's potential, or by eradicating harmful memories that may be keeping the individual from living a healthy and happy life. Herein lie certain ethical dilemmas concerning the justification of false memory 'therapies,' since by and large they are based on 'deception,' even if such an intervention would eventually be beneficial for the person that is being 'deceived.'

In my view, though, the most pressing ethical issue regarding autobiographical memory modification is the one that concerns personal and, further, moral identity. If the persons we are is determined to the most part by the content of our brain, and if connecting to our past selves and preserving our continuity through time can only be achieved through our memories, it follows that inducing artificial modifications or even 'breaches' in one's memory would unavoidably disrupt one's psychological continuity, jeopardizing thus one's moral continuous identity to such an extent, as to make accountability unattainable. As Rebecca Roache argues, identity is transitive, and depends heavily on the memory's capability of linking together individual memory strands into a cohesive continuum:

A person P, at time t, is identical to a person P1, at a later time t1, if P1 at t1 remembers P's experiences at t. Since identity is transitive, it can also arise from overlapping strands of such memory links: if P2 at t2 does not remember P's experiences at t, P2 at t2 and P at t are nevertheless identical if P2 at t2 remembers P1's experiences at t1, and if P1 at t1 remembers P's experiences at t.²⁴

If this is true, one's overall moral personality consists of one's moral 'personalities' at any given time in one's life, each one of them linked to each other through bonds that can only be made available by the functions of one's memory: as Aristotle would probably put it, virtue is acquired through practice and habituation, but both would be impossible in the absence of any stable, persistent through time moral personality; and what makes possible any stable personality is memory. Eradicating particular memory engrams could be fragmenting oneself into several, unlinked to each other, 'selves,' disrupting thus continuity. In the words of Leon Kass, "... to deprive oneself of one's memory – in its truthfulness also of feeling – is to deprive oneself of one's own life and identity."²⁵

21. See Beate Muschalla, and Fabian Schönborn, "Induction of False Beliefs and False Memories in Laboratory Studies – A Systematic Review," *Clinical Psychology and Psychotherapy* 28, no. 5 (2021): 1194-1209. doi: <https://doi.org/10.1002/cpp.2567>.

22. Reul, 48-49.

23. Robert A. Nash, Shari R. Berkowitz, and Simon Roche, "Public Attitudes on the Ethics of Deceptively Planting False Memories to Motivate Healthy Behavior," *Applied Cognitive Psychology* 30, no. 6 (2016): 885-897. doi: <https://doi.org/10.1002/acp.3274>.

24. Rebecca Roache, "Memory and Mineness in Personal Identity," *Philosophical Psychology* 29, no. 4 (2016): 479-489. doi: <https://doi.org/10.1080/09515089.2015.1102216>.

25. Leon R. Kass, ed., *Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness* (New York: Dana Press, 2003).

REFERENCES

1. Bergson, Henri. *Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness*. Translated by F. L. Pogson. London: George Allen & Unwin, 1950.
2. Bernstein, Daniel M., Cara Laney, Erin K. Morris, and Elizabeth F. Loftus. "False Memories about Food Can Lead to Food Avoidance." *Social Cognition* 23, no. 1 (2005): 11-34. doi: <https://doi.org/10.1521/soco.23.1.11.59195>.
3. Bragues, George. "Memory and Morals in Memento: Hume at the Movies." *Film-Philosophy* 12, no. 2 (2008): 62-82. doi: <https://doi.org/10.3366/film.2008.0016>.
4. Clifasefi, Seema L., Daniel M. Bernstein, Antonia Mantonakis, and Elizabeth F. Loftus. "'Queasy Does It': False Alcohol Beliefs and Memories May Lead to Diminished Alcohol Preferences." *Acta Psychologica* 143, no. 1, (2013): 14-19. doi: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2013.01.017>.
5. Glannon, Walter. "The Neuroethics of Memory." In *The Memory Process: Neuroscientific and Humanistic Perspectives*, edited by Suzanne Nalbantian, Paul M. Matthews, and James L. McClelland, 233-248. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
6. Hobbes, Thomas. *Leviathan*, edited by C. B. Macpherson. New York: Penguin, 1968.
7. Hume, David. *A Treatise of Human Nature*, edited by Peter H. Nidditch. Oxford: Oxford University Press, 1978.
8. Hume, David. *An Enquiry Concerning Human Understanding*, edited by Eric Steinberg. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1977.
9. Leon R. Kass, ed. *Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness*. New York: Dana Press, 2003.
10. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding*, edited by Peter H. Nidditch. Oxford: Clarendon Press, 1975.
11. Muschalla, Beate, and Fabian Schönborn. "Induction of False Beliefs and False Memories in Laboratory Studies – A Systematic Review." *Clinical Psychology and Psychotherapy* 28, no. 5 (2021): 1194-1209. doi: <https://doi.org/10.1002/cpp.2567>.
12. Nash, Robert A., Shari R. Berkowitz, and Simon Roche. "Public Attitudes on the Ethics of Deceptively Planting False Memories to Motivate Healthy Behavior." *Applied Cognitive Psychology* 30, no. 6 (2016): 885-897. doi: <https://doi.org/10.1002/acp.3274>.
13. Nelson, Lori J., and Dale T. Miller. "The Distinctiveness Effect in Social Categorization: You Are What Makes you Unusual." *Psychological Science* 6 (1995): 246-249. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00600.x>.
14. Newman, George E., Paul Bloom, and Joshua Knobe. "Value Judgments and the True Self." *Personality and Social Psychology Bulletin* 40, no. 2 (2014): 203-216. doi: <https://doi.org/10.1177/0146167213508791>.
15. Nichols, Shaun, and Michael Bruno. "Intuitions about Personal Identity: An Empirical Study." *Philosophical Psychology* 23, no. 3 (2010): 293-312. doi: <https://doi.org/10.1080/09515089.2010.490939>.
16. Parfit, Derek. "Personal Identity." *The Philosophical Review* 80, no. 1 (1971): 3-27. doi: <https://doi.org/10.2307/2184309>.
17. Reul, Ross Michael. *Memory Modifications and Ethical Implications*. PhD diss., University of Texas, 2018.
18. Roache, Rebecca. "Memory and Mineness in Personal Identity." *Philosophical Psychology* 29, no. 4 (2016): 479-489. doi: <https://doi.org/10.1080/0951508>

- [9.2015.1102216](#).
19. Shema, Reut, Sharon Haramati, Shiri Ron, Shoshi Hazvi, Alon Chen, Todd Charlton Sacktor, and Yadin Dudai. "Enhancement of Consolidated Long-Term Memory by Overexpression of Protein Kinase M[zeta] in the Neocortex." *Science* 331, no. 6021 (2011): 1207-1210. doi: <https://doi.org/10.1126/science.1200215>.
 20. Shoemaker, Sydney S. "Personal Identity and Memory." *The Journal of Philosophy* 56, no. 22 (1959): 868-882. doi: <https://doi.org/10.2307/2022317>.
 21. Strohming, Nina, and Shaun Nichols. "Neurodegeneration and Identity." *Psychological Science* 26, no. 9 (2015): 1469-1479. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797615592381>.
 22. Strohming, Nina, and Shaun Nichols. "The Essential Moral Self." *Cognition* 131, no. 1 (2014): 159-171. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.12.005>.
 23. Williams, Bernard. "The Self and the Future." *The Philosophical Review* 79, no. 2 (1970): 161-180. doi: <https://doi.org/10.2307/2183946>.

Luka Trebežnik, Research Assistant
Institute for Philosophical Studies, Science and Research Centre
Koper, Slovenia

DECONSTRUCTION OF ANAMNESTIC PHILOSOPHY

ABSTRACT: The function of memory and remembering plays an important role in philosophical systems, in some cases even more than that – it constitutes a kind of *via eminentiae* of epistemological endeavours. This is certainly the case of Plato's conception of true knowledge as remembrance (anamnesis), which has had an extraordinary influence on Western thought; it is the basis of all subsequent metaphysical reasoning and formulations. Therefore, the question of memory appears as a crucial theme in Jacques Derrida's early writings on the relationship between speech and writing. There he argues that while tradition clearly favours speech (the *logos* as the vitality of the soul) and writing appears as a "dangerous supplement" (a mere copy of speech), this binary opposition does not work well when it comes to the question of memory. Derrida points out the unusual fact that while memory traditionally appears as the privileged way of accessing truth, at the same time the tools of memory, mnemonics (i.e., the written) function as an undesirable element. This revelation of the discrepancy at the heart of metaphysics offers a new way of thinking about the materiality of memory and the act of remembering as an innovation.

KEYWORDS: Deconstruction, anamnesis, Derrida, Plato, writing, memory aid, *pharmakon*

In my article¹ I will try to raise a seemingly simple question: What is the relation between memory and writing? Is there an object of memory that can only be represented in an act of remembering and therefore cannot be written down (and as such preserved, simplified, brought into the sphere of generality) or is memory essentially dependent on writing, an external artifact? The mainstream of traditional philosophy seems to argue for the former, thus reducing writing to mere supplementarity – and this all starts with Plato and his theory of anamnesis. Since we were kindly invited by the conference organisers to reflect on philosophy and memory, we were led directly into the realm of Platonism, which combines precisely these two concepts: True philosophising means remembering. This view has had such a profound impact on the history of philosophy that the concept of thinking as recollecting a previously given entities seems to be one of the most persistent of all Western metaphysical presuppositions to this day.

But can this pure remembering really work without material inscriptions? Couldn't we say that when we speak of memory, we are referring to recollecting what was written (whether on paper, digital media, or metaphorically in the mind or soul)? Therefore, we will attempt to problematise the idea of anamnestic dialectics using Derrida's famous reading of Platonism (and the majority of the so-called logocentric tradition) as a prejudice that posits the written as something inferior to living speech. We can start with the fact that theory of *anamnēsis*² negates the materiality of memory

1. My participation in the conference and the preparation of this paper were made possible by a postdoctoral fellowship from the Slovenian Research Agency (AARS) and within the framework of my postdoctoral project "Challenges of Postmodern Philosophy of Religion: Textuality, Transcendence, Community" (Z6-2665).

2. Plato strictly distinguishes memory (*mnēmē*) from remembrance (*anamnēsis*) – while animals also have a memory (*mnēmē*), "remembrance" (*anamnēsis*) belongs only to humans ("Philebus" 34c).

and at the same time considers it as kind of inscription, an archiving – this archival nature of memory is clearly visible in our time with the constant introduction of new inventions that improve our (cultural) memory. Each time an invention appears, it is established at the expense of the previous social condition – this is the mediological point of Plato's dialog *Phaedrus*, written at the time of the decline of great Greek literature and therefore offering a critical evaluation of the medium of writing, a tool for memory, a memory aid, a mnemonic (a tool that doesn't enhance *anámñēsis* but *hypomnēsia*)³. The prejudice against writing in *Phaedrus* is a prejudice against the novelty of writing and perhaps even against novelty as such, a prejudice that sees no value in the future, everything worth looking at is far in the past and can therefore be approached through the act of remembrance.

1) TO KNOW IS TO REMEMBER

At first glance, writing seems to be something that contributes to wisdom, because with its help we can learn and retain as knowledge what we would otherwise forget. But Plato sees the relationship between writing and wisdom (remembrance) differently. In *Phaedrus*, writing is equated with *pharmakon* (φάρμακον among other things means medicine and poison; the medicine/poison ambivalence runs throughout the dialog); it has come not to aid memory, but to corrupt it. It seems that forgetting and remembering are too important concepts in Plato's system to depend on the materiality of writing. They are central concepts that define the whole system. The most basic introduction to them is found in the dialog *Meno* – Gilles Deleuze famously wrote in *Difference and Repetition*⁴ that the project of reversing Platonism should involve the rewriting of *Meno* – where Socrates is confronted with an interesting epistemological paradox:

MENO: But how will you look for something when you don't in the least know what it is? How on earth are you going to set up something you don't know as the object of your search? To put it another way, even if you come right up against it, how will you know that what you have found is the thing you didn't know? ("Meno" 80d).

This is the question of the possibility of the new and unknown, of the existence of the unforeseen, of something that is not accessible at the given moment, a question of thought as temporal and contingent – all these concepts are completely incompatible with Plato's theory of forms. That is why he introduces *anamnesis*. In what follows, *Meno* learns that the soul is immortal and has lived in previous incarnations, but that it is also forgetful. The forgetfulness occurs at birth. Socrates helps with his abilities to bring back into the world not only the soul, but also the knowledge belonging to it, which has remained in the intermediate world. This seems to be the only way to access the knowledge as such:

SOCRATES: Ah! I understand the kind of thing you mean to say, *Meno*. Do you see what a contentious argument this is you are bringing down on our heads? – that forsooth it is not possible for a man to seek either for what he knows, or for what he

3. In his late studies of the formation of the self in the Greek context, Foucault showed that the *hypomnēmata* was a concrete invention (rather than the materiality of writing as such, as Derrida claims) of the time that greatly altered the everyday relationship to the self – the *hypomnēmata* were a collection of writing surfaces akin to the notebook of today. As such, they gave rise to self-examination and profound self-questioning, "these new instruments were immediately used for the constitution of a permanent relationship to oneself" (Foucault 363).

4. "A new *Meno* would say: it is knowledge that is nothing more than an empirical figure, a simple result which continually falls back into experience; whereas learning is the true transcendental structure which unites difference to difference, dissimilarity to dissimilarity, without mediating between them; and introduces time into the thought" (Deleuze 206–207).

knows not; inasmuch as he would not seek what he knows, at least; because he knows it, and to one in such case there is no need of seeking. Nor would he seek after what he knows not; for he knows not what he shall seek for. ("Meno" 80d)

This leads us directly to Phaedrus and the question of writing as a productive practice, as a way of producing and reproducing knowledge. Plato (and with him much of the western metaphysical tradition) refers to writing as a repetition that cannot produce anything; it repeats only itself and as such is deemed to be a "dead repetition that might always be repeating nothing, or be unable spontaneously to repeat itself, which also means unable to repeat anything but itself: a hollow, cast-off repetition." (Derrida 135). Platonism is a mode of thought that relies heavily on binary oppositions that it itself produces. The opposition between the two kinds of memory – *mnēmē* (pure memory) and *hypomnēsis* (external memory) – is the one that determines the judgment on writing in Phaedrus.

Writing is called *pharmakon* because it imitates memory and pretends to possess truth and knowledge. Those who rely on writing only appear to be wise but in reality, are not. This, of course, is Plato's definition of the sophist logographers against whom this discourse is directed. Plato describes them only as masters of mnemonics, experts in memory tables (*hypomnēmata*) and other mnemonic devices, but not in living memory. A sophist is a master of deception, and his method is based on taking a gimmick and treating it as something real, in this case a mnemonic technique as real memory. There is a difference in the origin of these two memories. The sophist's memory comes from outside and as such is inferior to the true Socratic memory. Of course, this is not only a qualitative difference, but an ontological one. Socratic memory is the repetition of truth, *eidos*, and sophistic memory is the repetition of death, of forgetting. We can relate this image of writing as dead repetition to Plato's condemnation of all mimetic art in *The Republic*. In the tenth book, we learn that the works of tragedian poets and all others devoted to imitation are harmful to the audience, "that kind of art seems to be a corruption of the mind of all listeners who do not possess an antidote" ("Republic" 595b). This antidote, in this case using the positive aspect of *pharmakon*, is knowledge of the true nature of things. An imitation is always bad. Therefore, a good imitation is no longer an imitation – difference is erased. Imitation is inherently bad, it is good only when it is bad, so it has nothing of its own, everything is just a pretext, it has no nature. In its ambivalence, self-destruction, playfulness and inseparable simultaneity of good and evil. "Ambivalent, playing with itself by hollowing itself out, good and evil at once – undecidably, *mīmēsis* is akin to the *pharmakon*. No 'logic', no 'dialectic', can consume its reserve even though each must endlessly draw on it and seek reassurance through it" (Derrida 139). Thus, the creations of poets and painters replace truth with misrepresentation. But nothing is as bad as writing. Poetry imitates the voice with the voice; the image is mute, but its subject is also mute. Writing, however, is the greatest misappropriation, the murderer of the living *Logos*. Of all forms of communication, it is the furthest from the truth.

"And writing appears to Plato (and after him to all of philosophy, which is as such constituted in this gesture) as that process of redoubling in which we are fatally (en)trained: the supplement of a supplement, the signifier, the representative of a representative" (Derrida 109). It is thus the fear of the intrusion of the Other into the scheme of identity; it is a dictate of order that repels disorder by force. Violence instead of multiplicity, a unified truth instead of dispersion. But in reality, the dividing line between *mnēmē* and *hypomnēsis* is very difficult to determine; it is a scheme

of ambiguity. What is a memory without a memory technique? According to Bernard Stiegler, who draws on Derrida's work on this subject, we must reverse the order of opposition; the hypomnesic constitutes the condition of the anamnestic (Stiegler 19). What therefore appears as secondary, external and time-bound communication is necessary for original creative thought, the pure act of reflection is always already at the same time material.

2) IMPORTANT THINGS ARE NOT TO BE WRITTEN

There is something peculiar about the way Plato designates writing. This has led Jacques Derrida to consider Plato's attitude toward writing as a revelatory symptom of the whole logocentric structure of Western metaphysical thought. In all of Plato's texts, writing is almost universally written off without explanation, as something that is not a serious matter, and its rejection, with minor exceptions, is fairly consistent, with only the reasons for rejection varying. A famous example of the rejection of writing takes place during the trial: Socrates rejects the help of Lysias, an excellent logographer who would likely write him a defense with which he would be successful. Another great example is in *Phaedrus* where condemnation of writing happens through myth (which we will look in more detail shortly) – but this can be understood to some extent, since it evokes a foreign tradition (Egyptian) and is presented inside a dialogue, to some extent a literary creation. But contrary to this, the *Seventh Letter*, which critics overwhelmingly believe to be genuine, was handwritten by Plato and signed with his own name. In the case of *Phaedrus*, the accusation at the expense of writing is perhaps easier to understand, since it is uttered by Socrates, the one who left no written texts.

The *Seventh Letter* is the longest preserved letter of the platonic corpus; in it Plato reflects on the political situation in Sicily, but mainly talks about the possibilities and ways of human knowledge. In this context, Plato argues that the deepest truths cannot be written down. Moreover, the one who writes certainly does not appreciate what is written:

For this reason no serious man will ever think of writing about serious realities for the general public so as to make them a prey to envy and perplexity. In a word, it is an inevitable conclusion from this that when anyone sees anywhere the written work of anyone, whether that of a lawgiver in his laws or whatever it may be in some other form, the subject treated cannot have been his most serious concern [...] If, however, he really was seriously concerned with these matters and put them in writing, 'then surely' not the gods, but mortals 'have utterly blasted his wits.' ("7th letter" 344c).

So, whoever wrote something about the highest principles (here he speaks of the ruler Dionysius, Plato's friend Dion's political antipode in Sicily), neither heard nor understood anything sensible of what he wrote (344d). The proof that Dionysius' treatise on metaphysics, which supposedly surpasses even Plato's lectures, is fraudulent lies in the fact that it was written down. The very act of writing, then, is evidence of the falsity of the doctrine, while what is said is an expression of the authentic proximity of logos.

3) FROM LOGOS BACK TO MYTHOS

Interestingly, *Phaedrus* begins with Socrates offering a rationalist interpretation (demythologisation) of the local myth and giving an example of how a wise man should approach such a story, but by the end of the dialog he completely reverses his stance and uses a myth himself (one of Plato's few proper mythic creations) to debase writing and call it a *pharmakon*.

In Egypt lived the ancient god Theuth, the inventor-god, who “invented number and calculation, geometry and astronomy, not to speak of draughts and dice, and above all writing” (“Phaedrus” 274d). He wanted to present his inventions, including writing, to King Thamus, saying that it was good for all people. But the decision about the value of the invention rested solely with Thamus, so Theuth had to present his products as best he could. We are interested in what they said about the letters, this revolutionary invention, undoubtedly the most important in the development of any civilisation. Theuth praised the letters: “This teaching, king, will make the Egyptians wiser and more able to remember, for it was invented as a medicine [pharmakon] for memory and wisdom” (274e). But Thamus does not share Theuth’s enthusiasm, quite the contrary. He accuses him of being biased as a father of letters, of being in love with them and of seeing them embellished. Theuth’s speech, according to Thamus’ legislative judgment, is exactly the opposite of the truth. The problem with this invention is that it is not good for the memory and the soul but harms them. Instead of remembering, it will lead to forgetting, since it is not a true memory from within, but an external one. Therefore, remembering will not come by itself. The mocking judgment is: “What you have discovered is a recipe not for memory, but for reminder [hypomnēsis]. And it is no true wisdom that you offer your disciples, but only its semblance” (275a). So under the guise of helping them, it harms them. At best, they become “seemingly wise” (275b). We see that this is a complete perversion. Writing, then, is a lie, much like painting. The representations seem vivid, but they do not answer questions. What these written speeches need is the father or an assistant. Recorded speeches are powerless, they cannot defend themselves against anyone.

The king’s speech carries a legislative judgement, it is the result of a play of authority. The king is the father of speech, his word is the law and needs no supplement of manuscript. His speech works much better than writing because it has a universal dimension and its power never ceases, at least until it is annulled or supplemented by a new speech. Thamus therefore reproaches Theuth for his paternal bias towards letters and rejects the present. The king’s speech is not demonstrative but performative, proclaiming himself and thus the Platonic King-Sun-Speech-Good chain of substitutions that dominates the entire corpus. But in stark contrast to the interchangeability of signifiers in the scheme of writing, this chain remains firmly under Plato’s control; he obviously wants to contain the ambivalence of writing by constructing an unambiguous and perfectly clear king’s speech. Writing is doomed in Phaedrus (as in other dialogues) because it functions without the authority of its father and because it comes from somewhere else. It is clearly too adventurous and dangerous. Derrida describes this as follows:

This process of substitution, which thus functions as a pure play of traces or supplements or, again, operates within the order of the pure signifier which no reality, no absolutely external reference, no transcendental signified, can come to limit, bound, or control; this substitution, which could be judged “mad” since it can go on infinitely in the element of the linguistic permutation of substitutes, of substitutes for substitutes; this unleashed chain is nevertheless not lacking in violence. (Derrida 89)

4) THE POISONOUS SIDE OF WRITING

The writing is called pharmakon, a poison presented as a remedy, but Plato at the same time also uses the whole chain of expressions in Phaedrus that come from the same root family. Throughout the text, all the links in the semantic chain are present:

pharmakeia, pharmakon, and pharmakeus, all of which occur many times. Plato, aware of their relationship, uses them in literary approaches that sometimes reinforce his point, sometimes his style. Derrida draws our attention to the fact that it is therefore quite unusual that Plato's text lacks a fourth link in this chain, a word otherwise present in Greek culture: pharmakos (φάρμακός). Pharmakos is synonymous with pharmakeus (poisoner, magician, sorcerer), but carries an additional meaning linking evil and death. By not using the word pharmakos, which is clearly ubiquitous in the text, Plato in a sense exposes the inconsistency of his own matrix. The word pharmakos, which stands outside the text, thus speaks aloud and indicates its presence in the text; it escapes the authorial control of the writer. It is an elusive presence, an unpleasant apparition. Philosophy's desire to contain the ambiguity of concepts, as is pharmakon and writing in general, is perverted because the world itself is set up as a text in which there are no clear dividing lines between inside and outside. The desire for safety at the expense of danger cannot be equated with truth itself. And hence the terror of the pharmakon – an intruder threatening to break into the house of philosophy. In particular, the philosophy of fixed truths and beliefs, without doubts and exceptions, the philosophy of closed texts and contexts. But Derrida completely negates this attitude when he writes: "In a word, we do not believe that there is, in all rigor, a Platonic text that is closed in itself, complete with its inside and its outside" (Derrida 130). The absence of the word is revealed in Derrida's meticulous reading as its presence – word is not written down, but it is present in memory. He claims that the pharmakos, the scapegoating ritual that was central to the annual purification of the city through human sacrifice, is the way Socrates was killed. The word did not appear, but its effects are palpable, it has left a trace in the endless chain of textual permutations.

5) BURN AFTER READING

Writing in Plato's system functions as a catastrophe, a harbinger of violence and disorder, therefore it is opposed to truth. Maybe we can try to relate this to some contemporary accounts of memory and catastrophe, especially the thoughts of Maurice Blanchot, who wrote: "The disaster is related to forgetfulness – forgetfulness without memory, the motionless retreat of what has not been treated – the immemorial, perhaps. To remember forgetfully: again, the outside" (Blanchot, *Writing of Disaster* 3). His stance seems to be in proximity of Plato, who would agree that forgetting marks a potential disaster, but maybe wouldn't agree on the Blanchot's concluding task to "remember forgetfully", which seems absolutely impossible, but not much less than Plato's own task to remember immemorial past. This impossibility leads Blanchot again to disaster:

Immobile forgetfulness (memory of the immemorable): so would the disaster without desolation be de-scribed, in the passivity of a letting-go which does not renounce, does not announce anything if not the undue return. Perhaps we know the disaster by other, perhaps joyful names, reciting all words one by one, as if there could be for words an all. (*Writing of Disaster* 6)

Blanchot was speaking after the holocaust, a "disaster without desolation", a site where to forget and to remember cannot and must coexist. The modern existence is therefore nothing more than awaiting oblivion. Most concisely he puts it: "Being is another name for forgetting" (Blanchot, *Awaiting Oblivion* 35). This isn't an innocent statement. It is a formulation of a whole new metaphysical world view, which would through reversal mean that remembering equals nonbeing. Is it possible to reconcile

this with Plato's thought presented in this article.

Of course, Plato could not have been seriously opposed to writing; as far as we know, he wrote a great deal. He formed a philosophical system that is centred around nostalgia, a dream of gathering of lost unity, but that does not mean that the object of nostalgia actually exists (as is imagined) or ever existed. That is why Plato doesn't always prioritise presence over absence, in regard to writing this leads him to one of his most amazing statements. In his Second Letter (which is not undoubtedly authentic, but nothing is) we can read:

The greatest safeguard is to avoid writing and to learn by heart; for it is not possible that what is written down should not get divulged. For this reason, I myself have never yet written anything on these subjects, and there is no treatise by Plato, exists or will exist, but those which now bear his name belong to a Socrates, who become fair and young. Fare thee well, and give me credence; and now to begin with, read this letter over repeatedly and then burn it up. ["2nd letter" 314c]

This seems to be the mediating stance that reconciles our different approaches to memory and writing: we can freely write and read repeatedly, if we burn the text after reading, if we don't hold it too tight, if we keep the relative distance to the written and enter the endless play of signifiers. But how is memory to be preserved if we burn what is written after we have read it, and what happens with a further readability of a text if the addressee burns it? Memory, then, remains ashes, burnt paper, which indeed continues to be readable, except that the trace of meaning appears to be extremely fragile. But such is memory, fragile and destroyed, forgetful remembrance, a self-effacing trace, a writing that erases itself through writing and through this erasure maintains the only possibility of a future legibility.

REFERENCES

1. Blanchot, Maurice. *Awaiting Oblivion*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1997. Print.
2. Blanchot, Maurice. *Writing of the Disaster*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1995. Print.
3. Deleuze, Gilles. *Difference and Repetition*. London: Continuum, 2004. Print.
4. Derrida, Jacques. "Plato's Pharmacy." *Dissemination*. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 61–172. Print.
5. Foucault, Michel. "On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress." *Foucault Reader*. Ed. Paul Rainbow. New York: Pantheon Books, 1984, p. 340–372. Print.
6. Plato. "Meno." *The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters*. Eds. Edith Hamilton, Huntington Cairns. Princeton University Press, 1961. 353–384. Print.
7. Plato. "Philebus." *The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters*. Eds. Edith Hamilton, Huntington Cairns. Princeton University Press, 1961. 1086–1150. Print.
8. Plato. "Phaedrus." *The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters*. Eds. Edith Hamilton, Huntington Cairns. Princeton University Press, 1961. 475–525. Print.
9. Plato. "Republic." *The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters*. Eds. Edith Hamilton, Huntington Cairns. Princeton University Press, 1961. 575–844. Print.

10. Plato. "Letters." The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters. Eds. Edith Hamilton, Huntington Cairns. Princeton University Press, 1961. 1560–1606. Print.
11. Stiegler, Bernard. What Makes Life Worth Living: On Pharmacology. Cambridge, UK: Polity, 2010. Print

Prof. Shevtsov Konstantin, PhD

Department of Philosophy and Social Communications

Faculty of Humanities, Saint Petersburg State University of Civil Aviation

Russian Federation

PRESENCE DISPERSED IN THE WORLD

Abstract: An attempt to distinguish specific subjectivity of memory is faced with obvious difficulty, because the past to which it turns is something devoid of its own substance, real and fictitious at the same time. As a result, the memory is often considered only as an addition to the basic cognitive processes necessary for storing, processing and timely providing data. In this case, the philosophy of memory comes down to coordination of various studies in the fields of psychology and neurophysiology, and the question of the truth of memory is either removed or reduced to the judgment formulated by Hume about the complete similarity of the past and present. However, thereby debating about the past, about different temporal rhythms of living, about the duration of the experience cannot lose its significance, therefore there will always be a place for a philosophy of memory that focuses on understanding the nature and structure of specific mnemonic subjectivities. There is a question of how these practices of the memory acquire their meaning, state of evidence about the past which appears in the present and disappears from it, provides the base and keeps its distance, ensures control and escapes it.

Keywords: memory, judgments of memory, narrative, paradoxes of memory, loss, forgetting, trauma

INTRODUCTION

The more means to preserve, archive, and restore the past are created, the greater problem becomes memory which, as it has been recently appeared, deals not only with something past and adopted but with the really sensitive question of co-existence of the past and the presence, separation, invasion, war, or reconciliation between them. In the last decades, the memory has been told a lot as if people encounter its unexpected resistance. Possibly, the memory itself, when it resists the appropriation by the presence, makes us speak about itself, and we reproduce this speech in the form of admission and demand, apology of the past or sorrow for the lost. However, is it reasonable to speak about somewhat of the memory's speech which has no resemblances with what we understand as reproduction or restoration of the past and forgotten? We admit the variety of forms of memory in which there is the place for work of brain and activity of spirit, social mnemonics and the imprint of personal history. But there is a question of how these practices of the memory acquire their meaning, state of evidence about the past which appears in the present and disappears from it, provides the base and keeps its distance, ensures control and escapes it.

As far as the memory provides us with the presence at the moment, its 'speech' is obliged to reveal the gap on the surface of the present, the instant hitch which divides the past and the present, 'before' and 'after'. That means, it is enough for us to clarify the meaning of that gap, the way it can be included in our usual speech order. Strictly

speaking, that is the aim of the article. In the text, we are going to compare several philosophical approaches to understanding memory and a lately noted paradoxicality of memory acts will be a guideline. This paradoxicality consists in the circumstance that recollection allows the past to take place in the present, and the process of memorizing transforms the present, which has not finished yet, into the past for the future, recollection not only revives forgotten things but remembers the process of forgetting as its own bound and blind wall of irreversible loss.

BODY OF THE PAPER

1. This link between memory and paradoxicality first finds itself in Plato's dialogues in the context of the discussion on Meno's aporia of the impossibility of cognition ("Meno") and on Protagoras' proposition of the impossibility of a lie ("Theaetetus"). The memory, when it moves forward from the present (being) to the past (non-being), brings about a paradox but solves it indicating the way for a soul on the other side of the formation to recollect and contemplate the pure being. The incommensurability of soul and body finds its paradoxical reconciliation in St. Augustine's reflection on memory in 10th book of "Confessions", and Augustine pays specific attention to the paradox of the memory of forgotten things. The link between the paradox of memory and the issue of the relation between soul and body will stay relevant further up to Bergson's philosophy of duration. We will not opt the way of metaphysical interpretation of the paradox but will focus on the question of how this paradox is identified and, namely, is clarified and solved by the memory. Insofar as the paradox is in simultaneous affirmation and negation of some proposition, we should clarify whether the memory can make any affirmations. The recollection of forgotten or the reproduction of the past may appear paradoxical because we make a judgement about the bounds of the present, but herewith we believe that the judgement belongs not to the memory but to consciousness which is unfolded within these bounds.

It is worth noting that the arsenal of our characteristics of the memory predominantly consists of metaphors that attempt to express the processes of holding, retention, and reproduction, to describe particular spaces, constructions or the memory folds, to give a detailed comparison between the memory and book, sound recorder, hologram, computer, network, and finally, to represent the past itself as the trace of finished action, its extinction and stop, or otherwise, the trace of started action which is not finished, abolished or postponed in its fulfilment. The metaphor just indicates the shift which leads, avoiding direct expression, to implicit as well as continuous and persistent work of the memory. This flash of the memory allows us to see a distinctive measure of the other in it. It is not occasional that philosophers, when they solve the paradoxes, usually applies to the ability of the memory to distinguish the otherness in the present itself and to separate contradicting propositions to different sides and bounds. Meanwhile, no matter how the metaphors are pivotal to understanding and representing the memory, there are other possibilities of not only speaking about it but allowing the memory to express itself.

We shall start with Descartes' speculation on intellectual memory. In his correspondence with Arnauld (the letters from 4th June and 29th July 1648), Descartes writes that the traces of past impressions can build themselves into arbitrarily complex structures of the memory. At the same time, it is sufficient to recollect only those traces «concerning which we, while they are being imprinted, notice by the pure thinking that they are new» (Dekart 565). To become a recollection, perception must be recognized

by the mind in a particular judgement which claims that a thing is «new, or has never been presented to it» (Dekart 565). Exactly, the intellectual memory aims to be such a judgement which relies neither on pure intuition of the mind nor on empirical knowledge of the world but consists in the instant synthesis of already known, which has become the personal history of soul (the problem of the intellectual memory is discussed by Descartes in connection with the issue of personal immortality), and the distinction of the new and unknown against this background. Such a view on yourself, which a philosopher calls reflection, serves to distinguish both yourself and the other, the outer-self, which is embraced by oneself who also determines the temporal context of our presence.

After Descartes, the notion of reflection obtains a new interpretation, first of all, in the philosophy of Locke who uses the term to characterize the inner perception directed to the activity of soul not in the past, but the present. However, when we do not speak about the soul but about a person, who must stay the same in the past as well as in the present, we need to apply to the recollection without which the consciousness of 'I' is not feasible. Indeed, the consciousness of self is realized in the present and, at the same time, it means the responsibility for the future. Moreover, Locke also insists on the memory of the future (the memory of the future «reward or punishment» (Locke 233)). It means that the perception of the present must be at the same time the memory of the present as the past for the future. The direction of movement from the past towards the future through the present is the very subject of the judgement of memory in such a way: 'This is me' or 'I am John Locke'. As it is in the case of the judgement on newness, the present just provides the form of a denotation. Whereas the nature of the denotation could be understood in different ways that depend on focused perspective (metaphysical, theological), the link between the denotation and the signifier is exactly maintained by memory.

Following Locke, Hume accepts the dependence of personal identity on memory. On the contrary, he searches for another substantiation of the link between interchanging moments of time because he is less interested in the responsibility for the past and the present before the future. The core problem is the conclusion from the reason to the consequence. As it is known, Hume refuses the conclusion to have a logical necessity and he substitutes it for practical faith, which is produced by a habit. Meanwhile, the transition from the action of habit to the ideas of reason and consequence requires a certain judgement which imparts the similarity of common knowledge to the past experience. Hume formulates it in such a way: «*the future resembles the past*» (Hume 134). Because the subject of this judgement belongs to neither impressions nor associations that constitute, according to him, two basic sources of knowledge, its foundation must be nothing just memory.

Three judgements constitute a limited group that should be supplemented by another one, which is well known not only to ancient but new philosophy, since it establishes the principle distinction of temporal segments which do not coincide and separate one another. It is Aristotle who sees a syllogism of sequence in the recollection. Then, Leibniz develops a similar idea differentiating soul-monads from bare monads according to their ability to notice the sequence of events and produce the simplest conclusion based on that. We see in Descartes that the ability of the memory to retain the sequence of judgements is an essential condition and, simultaneously, a danger to a method. In contrast, Locke and Hume take it indisputable that memory not only retains sensual ideas but also memorizes the sequence of their appearance. But if we

intend to demonstrate the sequence to determine the definite form of a judgement, which is desirable to refer to a particular class of judgements of the memory, we ought to focus on the idea of time according to Kant. For him, it is primarily realized as the form of sequence which is considered as one of the abilities of imagination but not of those of the memory. The form of sequence sets an essential obstacle before Kant's critiques as it binds into unity the moments 'before' and 'after' which are not thought separately and are not presented together. When there is one, the other is already or not yet. That means the one is the borderline for the other in the sense of its emergence or change, disappearance or return. The problem is that the unity of intellect, which is placed as a basis of the pure ability of imagination, by no means has such a distinction. As a result, concerning the time, we have to speak about somewhat of separation of the act of intellect and the paradoxical act of loss which provides the place to the givens of perception or new acts setting a new border of every factual moment. The experience of loss or extinction of the present leads us to the sphere of memory that is, technically, not either transcendental or empirical ability, insofar as recognizes the gap in the structure of experience and tends to compensate the loss by retaining the trace or the sequence of traces.

The simplest rhythm could be marked without appellation to the past and the activity of the imagination is enough for us. However, any fixing of 'before' and 'after' in their relation of following one after another transforms the rhythm of representation into the judgement of memory. Interestingly, Kant himself admits in the sequence not only the form of representation but a judgement of a specific sort. To prove the reality of things outside a cognizer, he demonstrates that the form of time cannot be totally deducted from the activity of reason as it is the form of undergoing, not action (Kant 654). And what can impart sustainability and necessity to it? It can be only the influence of the outer world grasping as a form of space:

We need space just to construct time, hereby we define the latter by the former. Thus, the space, which represents the outer, precedes the possibility of the temporal definition» (Kant 652).

The space is seen as natural a priori in the sense that it establishes our relation to the things even before the content of experience is submitted to the temporal form of inner feeling and becomes the subject of the judgement of reason. Furthermore, we speak exactly about the precedence of space and the lag of time which relation is just built into the form of 'before' and 'after' that means the proceeding of one after another but not a simple shift in moments indifferent to one another. Actually, Kant explains the way of cognition which precedes the pure sphere of mind, that is the way of judging the reality available to the subject as «the world being» (Kant 658).

The judgements of memory constitute the knowledge of temporal order, distinction, and unity of moments that form it. As long as the sequence retains the simple relation between 'before' and 'after', other judgements allow us to make a stress on similarity (the future as the past), distinction (new or old), and, finally, on the unity of all moments of time gathered in the identity of 'I'. The reflection of Kant shows that no matter how we would try to reduce this knowledge to the activity of the subject, it escapes from us acting both on the side of mind and the world, as well as watching its influence in the time of appearance, extinction and full loss. Such a position is paradoxical for the mind. Nevertheless, it is not a paradox since the forms of 'before' and 'after', 'new' and 'old' do not depend on the definite given but just on the relation of presence and absence. Thus, their paradoxicality is restricted by the form

of taking together all of these oppositions, and the judgement solves the paradox by establishing their distinction as necessary and undestroyable. The necessity of that distinction characterizes a position of an ultimate being for whom both of the sides of judgment are equally relevant, for instance, in the judgement of order, the preceding provides the following with a place but the latter provides the preceding with the reality of the past. And if the logical solution of paradox leads to division in the levels of meaning and submission one to another (or division in the levels of language and establishment of a particular hierarchy of them), in the judgements of memory the paradox is always prepared but cannot be realized since the distinction allows neither to take them together and submit one to another nor to mix them.

The paradox makes it possible to outline the borders of language applicability and in this case, it serves, though negatively, as a guarantor of pronouncement meaningfulness. Avoiding paradoxes, the judgements of memory outline seemingly unclear bound that provokes vagueness in the evaluation of a real relation between the past and the present, 'before' and 'after', 'old' and 'new'. The speech of memory, if it is heard in these judgements, must appear completely vague and voiceless. Meanwhile, this speech has its density and insistence, its way of expression and representation of itself which is not restricted just by one group of the judgements of memory. It is noteworthy to remind us that the very nature of sign leads us to the border of the present and presupposes such a transformation of experience that is impossible without memory. In "The Philosophy of Spirit", Hegel mainly calls memory a language ability with «disappearance of the present being at the time when it is» (Gegel' 295) because our speech deals with the ephemeral reality of sound. Thus, it requires continuous retention of a still heard sound in the recollection. The sound images, disappearing and turning one into another, remind the spirit of its universality thanks to what the memory becomes the foundation not only for the speech but also for thinking. Even so, it is right not only for the heard speech but for the signs fixed in visual space. Mnemonic signs, which are used by us, are often paradoxical constructions that do not so much indicate or represent something but make a cut on the surface tension of the present. A thread tied around a finger or a knot in a handkerchief is nothing more than an anomaly in the usual order of things, the abundance of the sign pointing at itself. Suffice it to change the position of an item so that the change becomes conspicuous, and the most natural thing transforms into a sign and reminding of postponed action or given promise.

Carlo Ginzburg writes (regarding the research of Ernst Gombrich) that originally 'representation' was understood as a thing that serves replacement or substitution of the dead. As a result, the sign, for instance, a tombstone, established the relation to incommensurable, namely the death that does not admit an iconic image (Ginzburg 157). Also, Hegel, when he speculates about memory, gives an example of the tombstone. He distinguishes the symbol which relies on the image associated with other images and the sign which can express itself principal heterogeneity and conventionality of the link between a denotation and a signifier. The memory retains this link manifesting in the sign paradoxicality and its solution since the loss determines a boundary of the present, and the present acquires its relevance just to the extent it identifies the compensation of loss in itself. The sign transforms immediacy of the present to the denotation of the process for which the past and the future are as constitutive as any forms of presence. To grasp this process, it is necessary to complement Hegel's distinction of sign and symbol with Bergson's idea that images

of the memory form a progression or image-action (Bergson 244) which does not set in our perception and imagination as a section or a photo of experience, but form a living knot of transmission from a perceived image to an image of perception. The image-action is at the same time the image and the relevance, the perceived image and a distinction of the new image, the trajectory of perception which turns into the trajectory of action and the line of action drawn by our body in the material density of the present.

The image-action and the sign are not an area of the denotation of the work of memory but a part of this work which is heard by us as a speech because allows us to speak about itself and to infiltrate the language through the speech of memory. The judgements of memory establish points of distinction and condensation which guarantee our presence in this speech of memory, but this speech achieves its full expression in the stories that we tell about us or others. The story is impossible without applying to the memory but to some extent it is memory itself, insofar as it leads us from the past to a certain event (appearance or disappearance) which, preceding the present, imparts to it a definite outline. The judgement, the sign and its image are revealed in the story as a sequence of events, a name of a hero and his achievements. Vladimir Propp shows that in the narrative structure of a fairy tale the first component is the loss or initial shortage which provoke the action of narration. Here appears the hero who surmounts obstacles and returns or compensates the loss (Propp 83). Our stories about the past reproduce the same structure because the past is a lost element, but it returns to the relevant horizon due to the event which generates its witness or the participant forcing him to take responsibility for himself and acquire the identity that determines the status of the narrator and degree of his presence in the present.

Claude Lévi-Strauss, starting from his work on myth, opposes the approach of Propp with a somehow different understanding of narrative structure. According to him, the foundation of history is represented by essential contradiction, paradox solved by the range of mediations constituting the gist of history (Levi-Stros 252). In his classical work "The Structure of Myth", Lévi-Strauss analyses the tale about Oedipus in the heart of which we discover a scene of trial by solving a riddle. Interestingly, this example is also mentioned by Roy Sorensen who explains his idea that logical paradoxes are successors of archaic riddles (Sorensen 3). At first glance, this riddle does not have a paradox since its metaphorical code implies decoding and a simple answer. Insofar as it is told about knowledge of rules determining the life of a human person, Oedipus identifies them and is no longer subordinated to their simplicity and clarity. He proves to be under the power of arbitrary fate, in other words, he merely thinks of himself to know but he does not really know about his past, the present and the future. If in the view of Lévi-Strauss the ancient myth on Oedipus is concerned about the problem of human birth, in the version, which we know according to Sophocles' tragedy, the main problem for Oedipus is his origin and, consequently, his own identity. While investigating the ancient crime, Oedipus, unexpectedly to himself, becomes the hero of recollection and self-consciousness, revealing that he is that gap, unknown link of the chain of events, criminal and guilty of the calamity in his city. Hence, Oedipus personifies both loss and paradox appearing from the rejection of this loss. Exactly, that makes him an exemplary hero of history which transfigures the insolvability of the paradox into the story of impossible crime, punishment and transfiguration of Oedipus who has lost everything.

The story tells us about the birth and regeneration of the hero who never knows

himself, is not equal to himself, and does not possess the identity in the present, emerging from the certain texture of the world in which he is initially dispersed, is out of himself, is in his other. The pleasure of the story predominantly consists in the reproduction of the transmission from the other to the definiteness of your own 'I', to the problematic identity of presence in form of action and self-consciousness. Thus, in the story, the means of interaction between the past and the present are formed. Moreover, there is formed the interaction with the lost that determines the way of appearance and definition of the present and what compensates the loss returning to it in its every action and achievement. In other words, without the story about what passed and finished we can detect in the present nothing sufficiently relevant that would be able to endure the test of loss, noting heroic which presence would be substantial not only for itself but for the world where it came into being, nothing vivifying that would allow not only to imbue the present but to conduct us through the present to the future.

2. The judgements of formal as well as transcendental logic establish the way of correlation of elements which is denoted by the verb 'to be' and is reflected in the notion of being. A condition for these judgements is the figure of presence ('I am') which establishes the continuity of reflection of thinking act in its subject, of efforts at capture in the givenness of consciousness, of physical actions in the order of the outer world. Evidently, the experience of the present is not reduced to the stream of perception because there must be an inclusion to this stream as well, especially in acts of distinction, grasping, retaining, and the inclusion is impossible without the structure of reflection of acts in its subject. Furthermore, the stream of perception can be reflected as the initial experience just in case it is the stream of reflections, but due to this reason it does not have the relation of sequence, separation of 'before' and 'after' which excludes or at least postpones the reflection of the one in the other. Only the action, as it leads to change and imparts the meaning to this change, realizes the separation of 'before' and 'after' that for this reason does not coincide with the present appearing substantially 'before' and 'after' that. As a result, the present turns out in the gap between these moments, inside the distinction of the one and the other. In addition, that means the moments of sequence are not just formal (as Kant supposes), but infiltrate and mark themselves the present in the condensation of starting points, lines of attention, and in orientation and preferences of view. Neither being nor presence are the conditions of the judgement of sequence or other judgements of memory, since the relevance of these judgements is determined by the correlation of loss and compensation, disappearance and appearance, death and birth, in other words, by the event as the gap and transformation of being.

History narrates about the events, even though about those when, as it seems, nothing happens. It is feasible to tell about a return to a place where nothing has changed and even people are hardened in the same shape, it is feasible to tell about an extremely long day in which time seems to freeze without events and changes in consciousness. But in this case, the story creates its event of view to which an impossible world without events and changes is opened. History reports about the event that happens outside the story and inside it, in the gap and conjunction of 'before' and 'after', and only such an event makes a story the story intertwining into unity all elements of the sequence. The event is preceded by the loss of a previous state and environment, close friend, affection or old feeling. In addition, the lost filled the world, guaranteed reflection in the world. Since the loss destroys this fullness, it just requires the subject

to become a compensation of the loss, throws it into ultimate openness to itself, into the state of maximum power and maximum fragility of the existence. The paradoxical openness in which the subject continuously dies and evolves from its other, its outer-self, is truly what animates the history, what the memory speaks about.

The openness of memory is a real paradox since the loss certainly uncovers it. That means it appears something that passes and disappears in the very event. But unlike the logical paradox, conjoining affirmation and negation which eliminate each other, the paradox of memory finds the solution itself as it continuously generates a new (third) element separating affirmation and negation as different parts of a whole. The function of this element can be performed by the images of memory and mnemonic signs which are traces of the past and shifts of the present as well as border signs between the present and the past. Above all, this element can be performed by the form of judgement which conjoins into a whole the preceding and following as different stages of movement, new and old, as different sides of distinction, the action and its result, as different surfaces of reflection collected in the identity of 'I'. Undoubtedly, these forms cannot be considered as cognitive in Kant's sense. However, they provide us with means of searching and clarification, discovery and research. Strictly speaking, memorizing, retaining, saving and recollection are all special techniques, masterful skills which are founded on the creation of infrastructure of images, prompts, associations, etc. They do not provide us with immediate knowledge of the world but allow us to elaborate on the way of adaptation and distribution of our presence in it.

It is crucial to understand how this distribution takes place and whether it is possible to speak about certain proto-obviousness of the memory in connection with it. Let us take a clear example. A man to whom I have just talked is staying in the next room and, even though I do not see him, the invisible presence of this man forms the living depth of space and time. This depth is formed by the moment of gap, loss, missing between them, and it compels us to mobilize all attention to what is present 'here' to retain a link with who is staying 'there'. Continuous return of what finishes and reproduction of force that is expended forms paradoxical obviousness of the memory as the loss and compensation and continuous retaining of every present as the moment of loss, the past for the future. The mobilization of memory provides not just association of one with another but leads to the situation when each moment is seen through the other as if it was placed in it and obtained its articulation in it. Hence, our view acquires the quality of inclusion and distribution in space of the present, its landscape, the texture of things and rhythm of transfers. Surprisingly, this landscape belongs to the present and comes through its bounds into the present and the past which firstly appears in such a way on a horizon of consciousness. It is reasonable to ask what is primary for us: the experience of past which is finished and accomplished or the sequence of 'before' and 'after' which outlines a border of the present as a formal condition of the experience. Perhaps, the question has an essential defect since both forms of consciousness are interpretations of the depth, namely this initial presence in outer-self which we tend to appropriate with the help of images of 'the past' or retain in the rhythm of 'before' and 'after'.

Speech, which we exchange with one another, or Logos allows us to share the presence, reduce it to a common form of a first person having responsibility for his or her words and actions. The speech of Mnemosyne discloses the way of presence in the other, in space of moving away and approximation, temporal distance, the heart

of the experience, etc. The event happens and we not only notice its beginning and the end but also outline its border in ourselves, finishes it and see ourselves others from this new point of completion. How is this strange point marked? My beloved left, I closed the door and the door became the symbol of finishing and awaiting the new meeting. Father died, I moved into his room and the room is full of the memory of my father. Each of things refers not only to action but to the correlation of new and former 'I'; each of things forces to feel its actuality in the continuous reflection in former 'I'. Having awakened, I recognize myself in the texture of the world and the texture of inner feeling, I literally enter into myself from this texture in which I was all the time before. It is worth looking into the judgement 'I was' which signifies all paradoxicality of past experience escaping direct phenomenological clarification. Here, 'I' appears to be not a subject of consciousness but memory since the presence is lost or, more exactly, inserted into the world to give the opportunity to find yourself collecting your reflections in surrounding things ('I am' always implies 'I was' in this sense). Distance of the past implies that in recollections we look at the happened from the side, whereas the strangeness of many recollections consists in the fact as if we initially experienced these events not just from the inside but looking at ourselves from the side, from the reflection in one situation or another, from what we had already been for the world before we perceived what is in it.

Whatever openness the memory preserves, whatever presence in itself and out of self discloses in heart of the past and the future, we call speech what is heard and makes us exchange with others, introduces us into the common world and endows meaning to everything that dwells the world. Consequently, the speech of memory must have sound, conjoin into a whole its world and its community. That is true for memory, even though it cannot avoid an obvious paradox because the memory is regularly considered a silent ability of the soul, the witness of its loneliness, custodian of the images that cannot be seen by somebody any more. In contrast, the memory demands a story, a listener and recognition, at least immediate reflection in the other that is necessary to recognize the inner duration of recollection. To comprehend this contradiction, we should return to the link between loss and compensation and should reflect on what is generated in the gap of two elements of this dynamic structure. The openness, the presence of out-of-self in the mode of the past endows us firstly with trust to the existence, its unpretentious certitude and justifiability. These all before the consciousness of 'I' introduce us into the condition of original accordance or agreement with the world that promises to compensate the loss as the first coherence of experience which is the condition of any further synthesis.

We do remember this condition as there is nothing on which we may rely so actively as on the fact that the next moment will preserve the order of the preceding and the past will find its continuation in the present and the future. As a rule, this agreement corresponds to ideas of the world separated from others, either dead ancestors, founding fathers, cultural tradition or spirit of a nation. We speak about the world that admits us and, thus, is settled by us as our world but this harmony is not accommodated in individual memory. It leads us outside, for that reason we are not able to be satisfied by the recollection for ourselves, we seek an admission so the memory awakes as an overwhelming *requirement of admission*, an appeal, an inquiry to the other. Beginning from the earliest child's attempts to tell parents about something experienced, accompanied by their approving remarks, clarifications and leading questions, and continuing with stories among friends, evidence of everything

unusual, remarkable, tragic, heroic etc., recollection always seeks recognition from the other side, at least the recollecting person who acts as this other side. We live in the world of stories in which things acquire their volume and depth as they introduce into other things and accumulate history. Our life acquires significance when it becomes a part of someone's life and begins being retold in form of history. The world of stories is essentially surplus for order of the present so there is such a persistent inquire of admission which is not satisfied just by attention to the story demanding above all the admission of all our history as the ultimate form of interpretation of the immeasurable Whole.

The basis of memory is represented by the radical experience of finiteness which, clashing with the inevitability of loss, makes the memory elaborate on a proper experience of reconciliation with loss. Admission gives reconciliation but it is not given itself and, as we know from Hegel's dialectics of slave and master, it can turn into the struggle for superiority and into the danger of submission. That is true, especially for collective memory since the spectrum of recollections depends here on the structure of a group and habitual and clear stories that impart definiteness and sustainability to its structure, whereas the other is excluded from the sphere of admission or is admitted as an insignificant loss. Collective memory guarantees solidarity but inevitably bears in itself the danger of struggle against bearers of other political, cultural or other generational memory. The more collective memory becomes a policy of memory, the more it ceases to be a recollection and immerses into oblivion generating, as any speech does, not just an affirmation but negation, condition of its truth and lie.

For-gotten is what settles on the other side of the present. The reason for forgetting is in the very relation of loss and compensation. However, if the compensation promises the recollection of the forgotten, there is another affair if the compensation is excluded by the present as insignificant. That is the true way how the policy of memory works pretending to select the suitable compensation, to create the true image of itself as a winner or a victim. In contrast, this is one of the numerous ways of forcing to the oblivion of which modernity is plenty. The technologies of saving and transmission of information have led to the radical transfer of memory to space of the present increasingly excluding us from the possibility of exit outside. We shut ourselves and dissolve outside and remember less and less because we do not find the courage to correlate ourselves with our other, presence in ourselves with presence in the world. The technologization and policy of memory accompany each other defending the definite understanding of truth as the mean of reproduction of the present. Both approaches are in Plato's writings who complements the erotic speech of anamnesis in "Phaedrus" by discussing in "Theaetetus" on the gift of Mnemosyne as a wax tablet on which the recordings of sensual impressions are kept. The example of Plato is appropriate because it demonstrates the truth of the presence not to be retained in the memory, so the recollection of 'Phaedrus' is eventually displaced by the dialectics of "Republic" where Socrates among other things suggests replacing of living recollections by the noble myth on the origin of people from the soil (Rep. 415d), whereas the image of a wax tablet is primarily dedicated to explaining the possibility of a lie in form of mistakes in recognition and false judgements.

CONCLUSION

What should we understand as the truth of memory or forgetting, unless it is the certainty of recollection and fullness of return to the lost? We can reconstruct an event in its general structure and minute detail, so it will be the truth of event but not that of memory for which it is essential to have an opportunity to retain the past, to seek, to reconstruct, but also to release, to follow the trace and distinguish that movement from a simple comparison of the trace and a thing. The truth of memory consists in this possibility of movement which we forget in time of our modernity when the memory is brought outside and simulates our exit outside. Technically, the possibility of movement, connecting inner and outer and moving from the loss to compensation, is a real expression of the initial agreement with the world, *the truth of memory*. Forgetting has the same essential role for memory as recollection but in their extreme forms both forgetting and recollection may signify the destruction of memory, the refusal of the initial agreement. The technologization of memory provides one of the possibilities of such a refusal, another possibility is connected with the unbearable experience of the ultimate, the terrific which exactly consists in the gap of primordial order and impossibility of accomplishment. We speak about the experience of trauma that does not allow us to release the lost and admit the loss as our openness to the world. In contrast to Kant's idea of high, which appears on ruins of sensual experience and unfolds the endlessness of pure reason, the experience of trauma uncovers the finiteness of the very foundation that thereby stops to be a condition of movement and arranges the presence in the point of the gap and stop. Having deprived memory of speech, the trauma turns equally into the impossibility to forget and impossibility to remind, transforming the presence itself into a distorted image of the forgotten. Undoubtedly, modern technologies of memory make the ability of recollection more and more dispersed and uncertain as well as our conditions of the agreement with the world more abstract, representing the agreement as less compulsory and more vulnerable to revision and abolition. Respectively, it makes our memory more and more alienated and our experience more unbearable and traumatic.

WORKS CITED

1. Bergson A. *Sobranie sochinenij*. T. 1. M.: «Moskovskij Klub», 1992. Бергсон А. *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: «Московский Клуб», 1992.
2. Dekart R. *Sochineniya v 2 t*. T. II. M.: Mysl', 1994. Декарт Р. *Сочинения в 2 т*. Т. II. М.: Мысль, 1994.
3. Gegel' G.V.F. *Enciklopediya filosofskih nauk*. T. 3. *Filosofiya duha*. M.: «Mysl'», 1977. Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. *Философия духа*. М.: «Мысль», 1977.
4. Ginzburg K. *Derevyannye glaza. Desyat' statej o distancii*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2021. Гинзбург К. *Деревянные глаза. Десять статей о дистанции*. М.: Новое издательство, 2021.
5. Hume, David. [A Treatise of Human Nature](#). John Noon, 1739.
6. Kant I. *Sochineniya. V 8-mi t*. T. 8. M.: SChoro, 1994. Кант И. *Сочинения*. В 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
7. Levi-Stros K. *Strukturnaya antropologiya*. M.: Akademicheskij Proekt, 2008. Леви-Строс К. *Структурная антропология*. М.: Академический Проект, 2008.
8. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding*, Peter H. Nidditch

(ed.), 1975.

9. Propp V. YA. Morfologiya skazki. Izd. 2-e. M.: «Nauka», 1969. Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: «Наука», 1969.
10. Sorensen, Roy. A Brief History of the Paradox. Philosophy and the Labyrinths of the Mind. Oxford University Press, 2005.

Boshko Karadjov, PhDPhilosophical Society of Macedonia
Republic of North Macedonia

FORBIDDEN MEMORY AND HAUNTOLOGY OF THE PAST

ABSTRACT: In this paper we will focus on cultural memory as an objectified remembrance and institutionalized recollection that can be transmitted and reincorporated across generations. Every cultural or collective memory is composed by the symbolic order of the heritage of symbols, mythological and historical narratives, and meaningful monuments, collective experiences of the past, ceremonial celebrations, sacred objects, texts and other semantic points of identity. But not every collective and cultural memory goes through unprecedented processes of its denial and prohibition, as is the case with the collective and cultural memory of the Macedonians. Because of this, we will talk about the processes and consequences from forbidding remembrance and collective memory by the negatory international politics of extortion by our EU neighbors. Cultural memory allows us to build a narrative picture of the past and image for ourselves. Cultural memory is institutionalized act of remembrance that involves normative aspects and symbolic order. This objectified remembrance is a narrative field in which cultural subjectivity builds, realizes and understands itself. Therefore, memory makes the contours of cultural subjectivity visible. Simply put, objectified remembrance and institutionalized recollection determines identity, and identity exists only in the mnemonic timeliness of the past. Because of this, the act of remembrance is as important as the act of narration (transmission of mnemonic loci). Hence, the prohibition of remembrance is prohibition of cultural existence in the sense of so-called collective self-actualization. By indicate the root and circumstances of this denials, as well as pointing out different and possible strategies for resisting such bully-politics, we will talk, using Derrida's analysis, about one relevant and significant cultural and identity new phenomenon which we can call - hauntology of the past. This phenomenon is a consequence of the contemporary proces of grinding our identity glossographs and rubbing symbolic petrification of our cultural and collective memory. But also, hauntology of the past fractures all conceptions of imposed temporality, rejects all induced forgetting methods, shows legitimate nostalgia for a lost future and evokes the art of not giving up like a form of political resistance.

KEY WORDS: cultural memory, identity, collective experiences of the past, forbidden memory, grinding of memory, hauntology of the past, narrative field, cultural subjectivity and etc.

INTRODUCTION

In this recent period, the interdisciplinary and cognitive approach to the questions about nature of memory is at the center of philosophical, scientific and especially neurocognitive interest. This is the case, not just because of increased interest in this topic, interest that is reflected in number of groundbreaking scientific researches and studies, especially in the field of Paul Connerton's idea of 'embodied memory', but also this increased attention is reflected in the phenomena in pop culture that show this sharp interest in memory and mind such as Netflix's *Altered Carbon*, *Transcendence* a science fiction thriller film directed by Wally Pfister, HBO drama *West world*, new *Blade*

Runner etc. However, this cognitive aspect of memory within the philosophy of mind is far more philosophically attractive, but I will speak of another concept of memory – with much more practical and much more problematic social implications. Specifically, I will talk about collective memory as a shared recollection of remembrance, reminiscence, evocation, knowledge and information of a social group that is significantly associated with the group's identity. In the sense of mental representations of past events. More precisely, I will talk about collective memory as a cultural memory in the meaning that was defined by the French sociologist Maurice Halbwachs in his book "On collective memory" from 1925¹. In this book he followed the footsteps of his mentor Émile Durkheim and advanced the thesis that a society can have a collective memory in which a group is situated. This memory is not only an individual memory but also a group memory that exists outside of and lives beyond the individual. An individual's understanding of the past is strongly connected to this group consciousness and this group identity. Affirmation, self-understanding and self-realization of one collectivity is ritually linked and ritually expressed in concept of cultural commemoration. But, not in the sense in the funeral speech, but in the sense of German word *erinnerungskultur* or culture of remembrance. In other words, the interaction of an individual or a society with their past and history. Collective or cultural memory has been a topic of interest and research across a number of disciplines, including psychology, sociology, history, philosophy, and anthropology. We can witness many different approaches. For example in history, the recent research of cultural memory in the direction of the so-called a new history develop by franc historian Pierre Nora showed crucial and decisive interference between identity, memory and cultural history.² Analysis of cultural memory in cultural studies, especially the works of professor Susan Stewart showed that literature, folklore, poetry etc., are narrative syntax capable of conveying an singular account of collective consciousness³. Andreas Huyssen pointed to memory and nostalgia as a creative marketing and esthetic strategy in new retro-culture.⁴ Postcolonial approach of Israeli historian Guy Beiner who argues that cultural memory tend to privilege literary and artistic representations of the past, that monuments, artworks, novels, poems, plays and countless other productions of cultural memory do not in themselves remember. For him remembrance, like trauma, is formulated in human consciousness and that this is shared through social interaction. This interpretation opens space and need for study of the suppressed cultural and non-privileged memories in the so-called field of Traumatic memory transmission.⁵

FORBIDDEN MEMORY

From all this researches we can conclude that every cultural memory as an objectified remembrance and institutionalized recollection of identity that can be transmitted and reincorporated across generations. That every cultural or collective memory is composed by the symbolic order of the heritage of symbols, mythological and historical narratives, meaningful monuments, collective experiences of the past, ceremonial celebrations, sacred objects, texts and other semantic points of identity. But not every collective and cultural memory goes through unprecedented processes of its denial and prohibition, as is the case with the collective and cultural memory of

1. Maurice Halbwachs, *The collective memory*, New York, Harper & Row Colophon Books, 1980.

2. Pierre Nora, *Realms of Memory*, Columbia University Press, 1996-1998.

3. Susan Stewart, *Nonsense: aspects of intertextuality in folklore and literature*. Johns Hopkins University Press. 1979

4. Andreas Huyssen, *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*, Routledge, 1995.

5. Guy Beiner, *Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*, Oxford University Press, 2018.

the Macedonians. Because of this, we will talk about the processes and consequences from forbidding remembrance and collective memory by the nugatory international policies of extortion by our EU neighbors. In short, probably all of you know what happened and what is happening on Macedonia's path to the EU integration? Member States delivered membership requirements that exceeded the Copenhagen formal law and political criteria. Specifically, they delivered historical, cultural and linguistic demands which strongly affect identity issues. Greek terms, as a form of prohibition, did not refer so much to the level of memory, history and remembrances, as to a symbolic level. Namely, The Greek ban did not refer to the contents of the memory itself, but to the naming of that memory and collective sentiments as Macedonian. Specifically, the Greek position is as follows: You have an indisputable right to imagine yourself as a community, you have an indisputable right to collective memory, you have the right to your own story, you have the right to linguistic, cultural and political identity, but you have no right to call that identity Macedonian. The root of the dispute is in the symbolic narrative clash of two irreconcilable narratives and concepts of identity that necessarily had to share one identical name "Macedonia" for two completely different concepts of identity otherness. The Prespa Agreement was an unfortunate attempt to resolve the symbolic dispute with anasemia or a state of designification of the sign Macedonia. Its prohibition as a sign of further semantic articulation.

But the conditions and demands for the start of our negotiations with the EU by Bulgaria are not on a symbolic level. On the contrary, it is precisely on a memory level as a kind of bully-politics of forbidding of memory. The problem is not to how to call thus memories, the problem is to having them. These requirements in Bulgaria Memorandum for Macedonia are: a) forbidding memories of who we are. The memorandum requires the Macedonian state to accept that it is a political fabrication by Tito, b) forbidding memories on how we have called and named the language we speak. The memorandum requires the Macedonian state to accept that Macedonian language is Bulgarian dialect, c) forbidding memories on how we have called and named our culture, tradition, art and etc., d) forbidding memories of historical figures. The memorandum requires the Macedonian state to accept that all Macedonian historical figures allegedly fought for the Bulgarian cause, e) forbidding memories of trauma. The Bulgarian side demands that all monuments and landmarks where crimes and murders were committed by the Bulgarian state during the Second World War to be erased or removed, f) forbidding processes of historicizing our own collective memory and remembrance. The Bulgarian side demands a revision of the history textbooks, g) forbidding memories of the separate Macedonian church and church history, forbidding memories of the particular historical and political events, forbidding the words used by locals to denote Bulgarians etc. In conclusion, the Bulgarian side forbidding our culture of remembrance as a interaction of an individual or a society with past and history.

HAUNTOLOGY OF THE PAST

Cultural memory allows us to build a narrative picture of the past and image for ourselves. Cultural memory is institutionalized act of remembrance that involves normative aspects and symbolic order. This objectified remembrance is a narrative field in which cultural subjectivity builds, realizes and understands itself. Therefore, memory makes the elements of cultural subjectivity visible. Simply put, objectified remembrance and institutionalized recollection determines identity, and identity exists

only in the mnemonic timeliness of the past. Because of this, the act of remembrance is as important as the act of narration (transmission of memory). Hence, the prohibition remembrance is prohibition of cultural existence in the sense of so-called collective self-actualization and self-determination. In this context, the key questions are: Who is trying to blur our memory? Who erases our past to take away our future? We have a current corrupt government that bargains and trades identity and memory elements with those who hold us hostage for our own past and memory and those who challenge and deny our historical right to exist and self-determination. And because of this we have auto-chauvinist policies of self-abolition, in which the old Macedonian question of identity will be resolved by its abrogation. These foreign and domestic attempts for or trying to delete or rename it, oppress the Macedonian identity, implied and created one relevant and significant cultural and identity phenomenon which we will call - Hauntology of the Past. What is hauntology? This term was suggested by Jacques Derrida in his book *Specters of Marx* from 1993⁶. As can be seen, the term consists of two words: haunting or haunt in the sense of something that is not forgotten, something that haunts you and cannot be thrown out of your head and the word ontology in the sense of a philosophical discipline that searches for the most general categories of the existence and essence of things. Derrida under Hauntology means a state in which the presence of something that determines Being is replaced by a certain very present absence. This paradoxically present absence has the ability to float as a semantic and spectral ghost from the past or from the temporality of being. A kind of ontological absent presence or totally present absence. Like a lyrical verse from a Macedonian song: When you are not here, you are most present then. Derrida normally speaks of the spirit of Marx and used the term to refer to the atemporal nature of Marxism and its tendency to "haunt Western society from beyond the grave". Forbidden memory and non-recognition policies, along with contemporary domestic process of grinding our identity glossographs and rubbing symbolic petrification of our cultural and collective memory, caused a special kind of hauntology. I will call it hauntology of the past. Macedonian concept of hauntology of the past referring to the this new return or persistence of elements from the past. A sharp and dominant rehistorization of society and culture. Return of the forgotten in the form of a point of resistance. Macedonian collective memory become presence with the figure of the ghost which is neither present nor absent, neither dead nor alive. With the ban on having temporal point of pure origin, Macedonian collective memory become only an "always-already absent present". All the ghosts arrive from the past and appear in our present. However, the ghost cannot be properly said to belong to the past or properly belong to the present. Macedonian collective memory as a spectrality pointing that ghosts or the past in not only very much alive, but that spectrality is the only possibility for the existence of the future and the transgression of the memory. Because without Spectrality, we don't have point of resistance. Without the spirit of the past, there can be no transition to the future. This spectrum is the only hope for the future, ie. for the possibility of existing. That is why the Macedonian hauntology in the society, culture and art, as the floating spirit of the absent presence of memory, is manifested as a passion (desire) for the future, as a nostalgia for a lost future. Macedonian hauntology becoming the art of 'not giving up the spectral'. That art is nothing giving up as a politics of resistance.

CONCLUSION

6. Jacques Derrida, *Specters of Marx*, Routledge, 1994.

What does this mean for Macedonia and the philosophical thinking of Macedonia? Macedonia cannot be defined as a country with an indisputable identity as a nation state. All essential elements: name, language, culture, history, national and state symbols are disputed or problematized in one way or another. Macedonian discourse as self-remembering and self-understanding, within the Balkan geopolitical distribution of narratives, is treated only as an object. But not as a subject. Macedonia as a colonial space is constantly challenged and opposed with hegemonic narrative. But behind this dominant neighborhood representations and hegemonic narratives of Macedonia lies something that the hauntology of the past allows. More precisely, a symptomatic self-reading that is a memory. A memory that reveals what the object hides in itself - the struggle is for the rights of the past, the right to discover new traces of the past today. And the most important right to transition from an object to a subject. This transition requires desire for decolonization of the narrative discourse that we are nations without a past and without future. That desire is self-determination program with autochthonic cultural and identity policies. Our identity politics should be a cultural policy of radical defiance. A kind of pagan identity policy that will make our identity marginalization visible and legitimate. The motto of our identity policy should be: *Disfidus ergo sum*. Or, I defy, so I exist. To defy, to resist with pride, to accept destiny by struggle, means to exist. To defy means to have the freedom to remember, to be told, to be historicized. At this time of restitution of the denial of the Macedonian right to self-portrait, Macedonian 21st century identity cultural politics as a politics of resistance must be positions of linguistic defiance and narrative stubbornness. That means that we have to tell our story with the language of the disputants, but up to the point of their enervation, which may not solve the problem [they have with us], but they will learn to live with it.

REFERENCE

1. Beiner, G. *Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*, Oxford University Press, 2018.
2. Derrida, J. *Specters of Marx*, Routledge, 1994.
3. Halbwachs, M. *The collective memory*, New York, Harper & Row Colophon Books, 1980.
4. Huyssen, A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*, Routledge, 1995.
5. Nora, P. *Realms of Memory*, Columbia University Press, 1996-1998.
6. Stewart, S. *Nonsense: aspects of intertextuality in folklore and literature*. Johns Hopkins University Press. 1979

